МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

БК

Алистер Маклин

ПАРТИЗАНЫ

«АЗБУКА»

Партизаны
Алистер Маклин

Аннотация
Алистер Маклин. Партизаны
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9

Аннотация

Военный боевик «Партизаны» возвращает нас во времена Второй мировой. Майор Петерсен со своей командой пересекает Югославию, чтобы доставить секретное сообщение и разоблачить двойного агента, действующего в партизанском отряде.

Алистер Маклин
Партизаны

Alistair MacLean
PARTISANS
First published in Great Britain by Collins 1982
Copyright © HarperCollinsPublishers 1982

© А. П. Александров, перевод, 2025
© К. П. Плешков, перевод, 2025
© Д. В. Попов, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

* * *

Посвящается Авдо и Инге

Глава 1

Прохладный ночной ветер, дувший с севера, со стороны Тибра, нес с далеких Апеннин запах снега. В ясном небе ярко сияли звезды, освещая летящие по темным улицам маленькие пыльные смерчи и подхваченные ветром клочья бумаги, картона и прочего разнообразного мусора. Впрочем, в темноте и грязи на улицах не стоило винить департаменты электроснабжения и городского хозяйства Вечного города, как зачастую бывало в мирное время из-за нескончаемых забастовок, ибо время сейчас было отнюдь не мирным — события на средиземноморском театре военных действий достигли той стадии, когда Рим предпочитал не афишировать свое местонахождение уличными огнями, а большая часть работников городского хозяйства пребывала где-то южнее, сражаясь на войне, не особо-то им и нужной.

Остановившись перед входом в магазин — чем в нем торговали, невозможно было понять из-за тщательно заделанных маскировочной бумагой окон, — Петерсен окинул взглядом Виа Бергола,

выглядевшую безлюдной, как и большинство улиц в это ночное время. Достав прикрытый колпачком фонарик и большую связку необычной формы ключей, он проник внутрь с быстротой и ловкостью, свидетельствовавшими об опыте тех, кто его обучал. Расположившись за дверью, он снял с фонарика колпачок, достал из кармана «маузер», снабженный глушителем, спрятал в карман ключи и стал ждать.

Ждать пришлось почти две минуты, что в данных обстоятельствах было весьма немало, но Петерсена, похоже, это не беспокоило. Послышались тихие шаги, и в проеме двери возник смутный силуэт — особо выделялись фуражка и рука, столь крепко сжимавшая пистолет, что даже в царившем в помещении полумраке можно было заметить, как побелели костяшки пальцев.

Сделав еще два шага, незнакомец внезапно остановился, когда сзади щелкнул фонарик и в затылок ему без особой вежливости уперся глушитель «маузера».

— Брось оружие. Руки за голову, три шага вперед, не оборачиваться.

Человек послушался. Петерсен закрыл дверь и нашарил выключатель. Похоже, они находились в ювелирном магазине — бывшем, потому что

его владелец, мало полагаясь на оккупационные силы, а также на своих соотечественников — или же на тех и на этих, — благоразумно опустошил витрины.

— Можешь повернуться, — приказал Петерсен.

На молодом лице незнакомца застыла воинственная гримаса, но глаза выдавали страх, с которым он не мог совладать.

— Если у тебя есть еще оружие, о котором ты забыл мне сказать, — небрежно сообщил Петерсен, — я тебя пристрелю.

— Нету у меня другого оружия.

— Давай документы.

Парень молча сжал губы, сохраняя неподвижную позу. Петерсен вздохнул:

— Надеюсь, знаешь, что такое глушитель? Я запросто могу забрать документы с твоего трупа. Никто ничего не узнает. И, что существеннее, — ты тоже.

Парень полез под китель и достал бумажник. Петерсен развернул его.

— Ганс Винтерманн, — прочитал он. — Родился двадцать четвертого августа двадцать четвертого года. Девятнадцать, и уже лейтенант. Похоже, ты весьма умный юноша. — Петерсен сложил бумажник и сунул себе в карман. — Ты шел за

мной по пятам и сегодня ночью, и большую часть вчерашнего дня. И позавчера вечером тоже. Подобная настойчивость меня утомляет, особенно когда она столь очевидна. Зачем ты за мной таскаешься?

— Вы знаете мое имя, звание, подразделение…

Петерсен прервал его взмахом руки:

— Оставь. Что ж, выбора у меня нет.

— Вы меня убьете? — С лица парня сошла воинственность.

— Не болтай глупостей.

Отель «Сплендиде»[1] ничем не оправдывал своего названия, зато вполне устраивал Петерсена своей невзрачностью. Глядя сквозь грязное, потрескавшееся стекло входной двери, он с легким удивлением отметил, что портье, толстый, небритый малый, уже в летах, сегодня почему-то не спит, во всяком случае способен то и дело прикладываться к бутылке. Обойдя отель сзади, Петерсен поднялся по пожарной лестнице на третий этаж и, пройдя по коридору налево, с помощью отмычки проник к себе в номер. Быстро проверив шкафы и ящики, он удовлетворенно кивнул, накинул тяжелое пальто и, выйдя из но-

---

[1] Notes: 1

Splendide — роскошный, превосходный *(um.).*

мера, расположился возле пожарной лестницы. Даже в пальто ему показалось, что здесь гораздо холоднее, чем на сравнительно защищенных от ветра городских улицах, но он надеялся, что ждать придется недолго.

Ожидание продлилось меньше, чем он рассчитывал. Не прошло и пяти минут, как по коридору быстрым шагом проследовал немецкий офицер. Свернув налево, он постучал в дверь, потом еще раз, уже настойчивее. Подергав за ручку, он вернулся назад, сосредоточенно хмурясь. Послышался скрип и лязг старинного лифта, далее тишина и вновь скрип и лязг. Офицер возник снова, на этот раз в сопровождении портье с ключом.

Выждав десять минут, за которые никто из них так и не появился, Петерсен прокрался по коридору и выглянул из-за угла. Портье стоял в коридоре, явно выполняя роль стража. Похоже, он был опытным ветераном, готовым к любым непредвиденным обстоятельствам. Достав из кармана фляжку и блаженно закрыв глаза, он все еще наслаждался бесценным ее содержимым, когда Петерсен от души хлопнул его по плечу.

— А ты, смотрю, весьма бдителен, дружище.

Портье закашлялся, разбрызгивая спиртное, и

попытался что-то прохрипеть, но гортань отказывалась ему повиноваться. Петерсен заглянул за дверь.

— И вам добрый вечер, полковник Лунц. Все в порядке, как я понимаю?

— О, добрый вечер. — Полковник внешне почти не отличался от Петерсена — среднего роста, широкоплечий, с орлиными чертами лица, серыми глазами и редеющими темными волосами. Хоть он и был старше годами, сходство воистину поражало. Похоже, столь неожиданная встреча нисколько его не смутила. — Я только что пришел, и…

— Ну-ну, полковник. — Петерсен погрозил пальцем. — Офицеры, к какой бы нации они ни принадлежали, во всем мире остаются офицерами и джентльменами. Джентльмены не лгут. Вы здесь ровно одиннадцать минут. Я засек. — Он повернулся к все еще багровому, задыхающемуся портье, прилагавшему героические усилия в попытках выдавить из себя хоть слово, и ободряюще похлопал его по спине. — Хочешь что-то сказать?

— Вас же не было. — (Судороги медленно отступали.) — В смысле, были, но я видел, как вы выходили. Одиннадцать минут, говорите? Я не знаю… в смысле, ваш ключ…

— Ты был пьян, — добродушно вмешался Петерсен. Наклонившись, он принюхался и наморщил нос. — И сейчас тоже. Пошел вон, и пришли нам бутылку бренди. Не той мерзости, которую ты хлещешь, а французского коньяка, который ты держишь для гестапо. И два бокала — чистых бокала. — Он повернулся к Лунцу. — Вы, конечно, ко мне присоединитесь, дорогой полковник?

— Само собой. — Полковника нелегко было сбить с толку. Спокойно глядя, как Петерсен снимает пальто и бросает его на кровать, он слегка приподнял бровь и спросил: — Что, на улице резко похолодало?

— В Риме? В январе? Не самое время подвергать риску свое здоровье. Должен вам сказать, болтаться по этим пожарным лестницам — то еще удовольствие.

— Так вот, значит, где вы были. Возможно, мне стоило вести себя осторожнее.

— И уж точно подобрать кого-нибудь потрезвее в качестве стражи.

— Это да. — Полковник достал вересковую трубку и начал ее набивать. — Хотя выбора особого не было.

— Вы воистину меня опечалили, полковник. Вы завладели моим ключом, а это незаконно. Вы

выставили стражу, чтобы вас опять не застали за нарушением закона. Вы рылись в моих вещах…

— Рылся?

— Тщательно их обыскали. Не знаю, какие улики вы рассчитывали найти.

— В общем, никаких. Вы точно не из тех, кто оставляет…

— А до этого вы устроили за мной слежку. Я в этом уверен, иначе вы бы не знали, что раньше я был без пальто. Меня это не просто печалит, а удивляет. Где то взаимное доверие, которое должно существовать между союзниками?

— Союзниками? — Полковник чиркнул спичкой. — Я как-то об этом не подумал.

Судя по выражению его лица, он вообще об этом не думал.

— И вот еще одно свидетельство взаимного доверия. — Петерсен подал ему бумажник, который забрал у юного лейтенанта вместе с отобранным оружием. — Наверняка вы его знаете. Он довольно лихо размахивал своей пушкой.

— А!.. — Лунц оторвал взгляд от документов. — Пылкий молодой лейтенант Винтерманн. Вы были правы, забрав у него пистолет, он мог ранить им сам себя. Судя по тому, что мне о вас известно, парень сейчас не покоится на дне Тибра?

— Я так не поступаю с союзниками. Он заперт в ювелирной лавке.

— Ну конечно, — кивнул полковник, будто не ожидал ничего иного. — Заперт. Но он ведь наверняка может…

— Учитывая, как я его связал, — вряд ли. Вы не только меня печалите, полковник, но еще и оскорбляете. Почему бы вам было не дать ему красный флаг или барабан? Что-нибудь такое, что всерьез привлекло бы мое внимание?

Лунц вздохнул:

— Юный Ганс вполне хорош в танке, но изысканные манеры не его стиль. Кстати, я вас не оскорблял. Слежка за вами была исключительно его идеей. Естественно, я знал, что он замышляет, но не стал ему мешать. Шишка на лбу — не слишком большая плата за тяжко заработанный опыт.

— Он ее даже не получил. Союзник все-таки.

— Жаль. Помогло бы усвоить урок…

Полковник замолчал, услышав стук в дверь. Вошел портье с бренди и бокалами. Петерсен разлил напиток и поднял свой бокал:

— За операцию «Вайс»!

— Прозит. — Лунц пригубил бренди. — Не все гестаповцы варвары. Операция «Вайс»? Так вы

знаете? Вам вроде бы не положено. — Лунц по-прежнему оставался невозмутим.

— Я знаю много такого, чего мне знать не положено.

— Вы меня удивляете, — сухо заметил Лунц и пригубил еще. — Превосходно, превосходно. Да, у вас есть склонность подмечать вроде бы несущественные, но вместе с тем секретные мелочи. И еще эта ваша любовь постоянно повторять слово «союзник». Что, в свою очередь, вызывает определенный интерес к вашей персоне — интерес, который, вы, возможно, считаете чрезмерным.

— Вы мне не доверяете?

— Вам придется подольше потренироваться изображать из себя обиженного. Естественно, мы вам доверяем. Ваше досье — а оно немаленькое — говорит само за себя. Что нам, а особенно мне, нелегко понять, так это то, почему человек с подобным досье выступает на стороне — боюсь, мне придется сказать в открытую — предателя. Я не оскорбил ваши чувства?

— Для этого вам сперва придется их поискать. Напомню, что это ваш фюрер вынудил нашего князя-регента подписать два года назад тот договор с вами и японцами. Полагаю, именно его вы имели в виду под предателем? Несомненно,

он был слаб и нерешителен, возможно, труслив, и вряд ли его можно было назвать человеком действия. Не стоит его за это винить — тут постаралась природа, а против природы не попрешь. Но он не предатель — он сделал для Югославии все, что мог, пытаясь избавить ее от ужасов войны. «Болье гроб него роб». Знаете, что это значит?

Лунц покачал головой:

— У вас такой замысловатый язык…

— «Лучше смерть, чем рабство». Именно это кричали толпы югославов, когда узнали, что князь Павел согласился на Тройственный пакт. Именно это они кричали, когда Павла свергли и пакт денонсировали. Народ не понял одного — нет никакого «него», никакого «чем». К ним пришли и смерть, и рабство, когда фюрер во время одного из своих знаменитых приступов ярости разрушил Белград и раздавил армию. Я был среди тех, кого раздавили. Ну… почти.

— Еще немного этого превосходного коньяка, если позволите. — Лунц налил себе в бокал бренди. — Похоже, вас не особо тронули эти ваши воспоминания.

— Кто в состоянии жить, постоянно помня о прошлом?

— Или о том, что вам, к несчастью, приходится сражаться с собственными соотечественниками.

— Вместо того, чтобы сражаться в их рядах с вами? Война порой вынуждает выбирать странных попутчиков, полковник. Взять, к примеру, вас и японцев. Так что вряд ли у вас есть право считать себя святее других.

— Согласен. Но, по крайней мере, мы не сражаемся со своим народом.

— Пока нет. Но я бы не стал делать на это ставку, учитывая, сколько всего вы творили в прошлом. В любом случае морализировать нет никакого смысла. Я лоялист и роялист; и когда — если когда-нибудь — эта проклятая война кончится, я хочу увидеть возрождение монархии. Каждый живет ради чего-то, и если я сделал выбор, ради чего мне жить, то это касается только меня, и никого больше.

— Все мы попадем в ад, каждый своим путем, — кивнул Лунц. — Просто я с некоторым трудом воспринимаю вас как сербского роялиста.

— И как, по-вашему, должен выглядеть сербский роялист? Если уж на то пошло — как должен выглядеть серб?

— Признаюсь, Петерсен, — подумав, ответил Лунц, — не имею ни малейшего понятия.

— Все дело в моей фамилии, — доброжелательно продолжал Петерсен. — И в моем происхождении. Петерсенов полно. В итальянских Альпах есть селение, где каждая вторая фамилия начинается с «Мак». Как мне говорили — остатки какого-то шотландского полка, оказавшегося отрезанным от своих во время всех тех нескончаемых средневековых войн. Мой прапрапрадедушка, или вроде того, был солдатом удачи, что звучит куда романтичнее, чем употребляемый ныне термин «наемник». Он прибыл сюда, как и тысячи других, и забыл вернуться домой.

— Домой — это куда? В смысле — он был скандинавом, англосаксом или кем?

— Генеалогия мне скучна, и мне не только все равно, я просто не знаю. Спросите любого югослава, кем были его предки пять поколений назад, и он наверняка ответит вам так же: что он не знает.

— У вас, славян, поистине пестрая история, — кивнул Лунц. — К тому же, что еще больше запутывает дело, вы окончили Сандхерст[2].

— Оттуда вышли десятки иностранных офи-

[2] Notes: 2

Сандхерст — город в Великобритании, где в 1801–1947 годах находилось Королевское военное училище, готовившее офицеров для пехоты и кавалерии.

церов. И в отношении меня — что могло быть естественнее? В конце концов, мой отец работал военным атташе в Лондоне. Будь он военно-морским атташе в Берлине, я бы, вероятно, оказался в Киле или Мюрвике[3].

— Ничего не имею против Сандхерста. Я бывал там, правда только как гость. Довольно-таки консервативное заведение, учитывая преподаваемые курсы.

— В смысле?

— Там не учат партизанской войне, шпионажу и контрразведке, взлому кодов и шифров. Как я понимаю, вы специалист во всех этих областях.

— Кое в чем я самоучка.

— Не сомневаюсь. — Лунц немного помолчал, смакуя коньяк. — Что стало с вашим отцом?

— Не знаю. Возможно, вам известно больше, чем мне. Просто пропал, как и тысячи других с весны сорок первого.

— Он, как и вы, был роялистом? Четником?[4] —

---

[3] Notes: 3

Киль, Мюрвик — города в Германии, местонахождение соответственно Военно-морской академии и Военно-морского училища разведки.

[4] Notes: 4

Четники — антиоккупационная, преимущественно монархическая, добровольческая военизированная сербская организация националистического характера, действовавшая под руководством Драголюба Михайловича на оккупированных землях Югославии в годы Второй мировой войны.

(Петерсен кивнул.) — И старшим офицером, — продолжал полковник. — Старшие офицеры просто так не пропадают. Может, попал в лапы партизанам?

— Может быть. Все возможно. Опять-таки — я не знаю. — Петерсен улыбнулся. — Если это намек на то, будто мною движет кровная месть, — вы ошибаетесь. Не та страна и не то столетие. В любом случае вряд ли вы явились сюда, чтобы допытываться о моих мотивах или о моем прошлом.

— Теперь уже вы меня оскорбляете. Я не стану впустую тратить чужое время. Вы просто расскажете мне столько, сколько пожелаете, и не более того.

— И вы здесь не для того, чтобы покопаться в моих вещах, — просто так получилось, сошлись, так сказать, подвернувшаяся возможность и профессиональное любопытство. Вы пришли, чтобы кое-что мне передать. Конверт с инструкциями для нашего командира. Очередная атака на то, что вы любите именовать «вотчиной Тито».

— Вы слишком уверены в себе.

— Я не уверен. Я знаю точно. У партизан есть радиостанции. Британские. У них есть опытные радисты, как свои, так и британские. И у них есть

опытные взломщики кодов. Вряд ли вы осмелитесь посылать секретные и важные сообщения по радио, так что вам потребуется надежный посыльный. Это единственная причина, по которой я в Риме.

— Если честно, других причин мне не приходит в голову, что избавляет меня от каких-либо объяснений с моей стороны. — Лунц достал и подал Петерсену конверт.

— Зашифровано?

— Естественно.

— Почему «естественно»? Нашим кодом?

— Полагаю, да.

— Глупо. Как вы думаете, кто его разработал?

— Не думаю — знаю. Вы.

— Все равно глупо. Почему бы вам не передать мне сообщение на словах? У меня хорошая память на такие вещи. Более того, меня могут перехватить, и тогда либо я успею уничтожить конверт, после чего от сообщения не будет никакой пользы, либо он в целости и сохранности попадет в руки партизан, и они его быстро расшифруют. — Петерсен постучал себя по голове. — Явный случай, когда следует обратиться к психиатру.

Лунц пригубил еще бренди и откашлялся.

— Вам, конечно, известен генерал-полковник

Александр фон Лер?

— Германский главнокомандующий в Юго-Восточной Европе? Само собой. Хотя никогда не был с ним знаком лично.

— Возможно, оно и к лучшему. Вряд ли генерал фон Лер порадовался бы совету обратиться к психиатру. Он не слишком доброжелателен даже к своим подчиненным — а вас он определенно воспринимает как подчиненного, несмотря на вашу национальность, — тем, которые оспаривают его приказы и тем более отказываются их исполнять. А это — его приказ.

— Тогда нужны два психиатра. Один для фон Лера, другой для того, кто назначил его на эту должность. Насколько я понимаю, это сам фюрер.

— Я стараюсь соблюдать основные правила приличия, — спокойно отреагировал на это полковник Лунц. — Но учтите, что я германский командир полка.

— Об этом я не забываю и никого не намеревался оскорбить. Протестовать бессмысленно — приказ получен. Полагаю, на этот раз мне не предстоит лететь?

— Вы удивительно хорошо проинформированы.

— Не совсем. Некоторые ваши коллеги чересчур словоохотливы там, где у них не только нет права болтать лишнее, но и вообще находиться. В данном случае я, может, и не настолько хорошо проинформирован, но умею думать, в отличие от… ладно, не важно. Если бы вы посылали самолет, вам пришлось бы известить моих друзей, а это сообщение могло быть с той же легкостью перехвачено и расшифровано, как и любое другое. Вряд ли вы знаете, на какое безумие способны эти партизаны. Они, не колеблясь, послали бы отряд смертников в наш тыл и сбили бы самолет на высоте еще в каких-нибудь пятьдесят или сто метров — для полной гарантии, что никто не останется в живых. — Петерсен постучал по конверту. — А раз так, то сообщение таким способом никак не доставить. Следовательно, мне придется добираться по воде. Когда?

— Завтра вечером.

— Откуда?

— Из небольшой рыбацкой деревушки возле Термоли.

— Что за судно?

— Вы и впрямь задаете слишком много вопросов.

— Речь идет о моей собственной шкуре. — Пе-

терсен с безразличным видом пожал плечами. — Если ваш вариант меня не устроит — организую свой.

— Это ведь не первый раз, когда вы одалживаете, скажем так, судно у своих… гм… союзников?

— Только если это касается наших общих интересов.

— Само собой. Итальянский торпедный катер.

— Их слышно за двадцать километров.

— И что? Вы высадитесь около Плоче, а Плоче, как вам известно, в руках итальянцев. И даже если вас будет слышно за пятьдесят километров, какая разница? У партизан нет радара, нет самолетов, нет флота — ничего, что могло бы вам помешать.

— Вижу, вы превратили Адриатику в свой личный бассейн. Значит, торпедный катер.

— Спасибо. Забыл упомянуть, что у вас будет кое-какая компания.

— Не забыли, просто припасли напоследок. — Петерсен вновь наполнил бокалы и задумчиво посмотрел на Лунца. — Не уверен, что мне это понравится. Как вам известно, я предпочитаю путешествовать в одиночку.

— Мне известно, что вы никогда не путешествуете в одиночку.

— А… Джордже и Алекс… Так вы их знаете?

— Вряд ли их можно считать невидимками. Они слишком привлекают внимание своим видом…

— Каким видом?

— Наемных убийц.

— Отчасти вы правы, но они не такие. Они мой страховой полис — прикрывают мне спину. Я не жалуюсь, но за мной вечно шпионят.

— Профессиональный риск. — Лунц небрежно отмахнулся, давая понять, что́ он думает о профессиональных рисках. — Был бы крайне благодарен, если бы вы позволили тем двоим, кого я имею в виду, отправиться вместе с вами. Более того, я счел бы за личную услугу, если бы вы сопроводили их до места назначения.

— Какого?

— Того же, что и ваше.

— Кто они?

— Два новых радиста для ваших четников. С ними будет радиооборудование, качественное, последней модели.

— Вы сами знаете, что этого недостаточно. Имена, досье?

— Зарина и Михаэль. Проходили обучение — должен сказать, весьма качественное — у бри-

танцев, в Александрии. Ими движет единственная цель — присоединиться к вашим друзьям. Скажем так, мы перехватили их по дороге.

— Значит, мужчина и женщина.

— Да.

— А точнее?

— В смысле?

— Я достаточно занятой человек. Не люблю, когда меня отрывают от дел, и не намерен играть роль корабельного наставника для молодой пары.

— Они брат и сестра.

— Ах вот оно что, — кивнул Петерсен. — Мои соотечественники?

— Конечно.

— Тогда что им мешает самим добраться домой?

— У них уже три года как нет дома. Они учились в Каире. — Полковник снова махнул рукой. — В вашей стране трудные времена, друг мой. Тут немцы, там итальянцы, усташи[5], четники, повсюду партизаны. Сплошное замешательство. А вы знаете все пути и дороги, как мне говорили,

---

[5] Notes: 5

Усташи — хорватская ультраправая организация, основанная Анте Павеличем в 1929 году в Италии. С апреля 1941 по май 1945 года стояла во главе Независимого государства Хорватия.

лучше, чем кто-либо другой.

— Да уж, вряд ли где-нибудь потеряюсь. — Петерсен встал. — Само собой, сперва я должен с ними увидеться.

— Ничего иного я и не ожидал. — Лунц осушил бокал, поднялся и взглянул на часы. — Буду через сорок минут.

Дверь на стук Петерсена открыл Джордже. Несмотря на нелестное мнение Лунца, Джордже нисколько не походил на убийцу, наемного или какого еще, а выглядел скорее добродушным шутом. Пухлощекий и улыбчивый, со спутанной копной черных с проседью волос, Джордже, уже отметивший полувековой юбилей, толст был невероятно; ремень с заклепками, туго охватывающий его бывшую талию, не скрывал, а даже подчеркивал его гигантское брюхо. Закрыв дверь за Петерсеном, он удивительно быстрой и легкой походкой, часто свойственной тучным танцорам, направился к стене слева и снял с нее резиновую присоску с острием в центре, подсоединенным проводом к трансформатору, а от него к единственному наушнику.

— Твой друг, похоже, весьма приятная личность. — В голосе Джордже прозвучала искренняя печаль. — Жаль, что нам приходится быть по

разные стороны. — Он взглянул на принесенный Петерсеном конверт. — Ага! Оперативный приказ?

— Да. Можно сказать, прямо от самого генерал-полковника Лера. — Петерсен повернулся к лежавшему на одной из двух узких кроватей. — Алекс?

Алекс встал. На лице его отсутствовала доброжелательная улыбка, в отличие от Джордже, но это ничего не значило, поскольку Алекс никогда не улыбался. Они с Джордже были одного роста, но на этом сходство заканчивалось. Весил он примерно вдвое меньше, чем Джордже, и был настолько же его моложе, худощавый, смуглый, с настороженным взглядом черных, почти никогда не моргавших глаз. Не говоря ни слова, все с тем же непроницаемым выражением лица, он взял конверт, полез в рюкзак, достал маленькую бутановую горелку и такой же маленький чайник и начал кипятить воду. Две или три минуты спустя Петерсен извлек из открытого конверта два листа бумаги и внимательно изучил их содержимое. Закончив, он задумчиво посмотрел на обоих:

— Это и впрямь будет интересно для многих. Сейчас середина зимы, но, похоже, в самом ближайшем будущем на боснийских холмах станет

довольно жарко.

— Код? — спросил Джордже.

— Да. Простой. Я специально постарался, когда его составлял. Похоже, немцы решили всерьез взяться за дело. Целых семь дивизий — четыре германских, под командованием генерала Люттерса, его мы знаем, и три итальянских, под командованием генерала Глории, которого мы тоже знаем. При поддержке усташей, ну и, конечно, четников. Где-то от девяноста до ста тысяч человек.

— Так много? — покачал головой Джордже.

— Судя по этим данным — да. Всем, естественно, известно, что партизаны расположились в Бихаче и вокруг него. Немцы собираются атаковать с севера и востока, итальянцы с юга и запада. План сражения достаточно прост. Партизан намерены полностью окружить, а затем уничтожить всех до единого. Просто, но всеобъемлюще. А немцев и итальянцев для надежности будут поддерживать эскадрильи бомбардировщиков и истребителей.

— А у партизан нет ни одного самолета.

— Что еще хуже, у них нет зенитной артиллерии. Вернее, есть крохи, но этим пушкам давно пора в музей. — Петерсен вернул листы в конверт и снова его запечатал. — Через пятнадцать минут

мне нужно будет уйти. Полковник Лунц хочет познакомить меня с парочкой людей, с которыми мне не особо хочется знакомиться, — двумя новыми радистами четников. С ними придется нянчиться, пока мы не доберемся до Черногории или еще куда.

— Это со слов полковника Лунца? — На лице Алекса возникло подозрительное выражение, одно из немногих, которые он себе позволял.

— Именно так. Поэтому я хочу, чтобы вы пошли тоже. Не со мной, естественно, а следом за мной.

— Что ж, можно и немного проветриться. В этих номерах слишком душно. — Джордже не особо преувеличивал — его пристрастие к пиву могло сравниться разве что с его слабостью к вонючим черным сигарам. — На машине или пешком?

— Пока не знаю. Можете взять свою машину.

— В любом случае следить за кем-то в затемненном городе сложно. Нас могут заметить.

— И что? Вы уже давно на примете. Даже если Лунц или кто-то из его людей вас засечет, вряд ли он прикажет следить за вами. Что может он, сможете и вы.

— В смысле, засечь тех, кто сядет нам на хвост? Что мы должны делать?

— Проследите, куда меня повезут. А потом вы-

ясните все, что можно, про тех двух радистов.

— Кое-какие подробности не помешали бы. Неплохо было бы знать, кого мы ищем.

— Им, скорее всего, лет по двадцать или чуть больше, брат и сестра, Зарина и Михаэль. Это все, что мне известно. На этот раз не действуем напролом, Джордже. Главное — осмотрительность. Такт. Дипломатия.

— Наша специальность. Воспользуемся удостоверениями карабинеров?

— Само собой.

Когда полковник Лунц говорил Петерсену, что два молодых радиста — брат и сестра, в этом, по крайней мере, он ему не солгал. Несмотря на заметные различия в телосложении и цвете кожи, они, вне всякого сомнения, были близнецами. Он — сильно загорелый, явно результат проведенных в Каире лет, черноволосый и кареглазый; она — с безупречной персиковой кожей, без труда сумевшей противостоять солнцу Египта, коротко подстриженными каштановыми волосами и такими же, как у брата, карими глазами. Он был коренаст и широкоплеч, чего нельзя было сказать о сестре, но о том, насколько стройна и пропорциональна ее фигура, оставалось только догадываться, потому что оба они были одеты

в мешковатую полевую форму цвета хаки. Сидя рядышком на кушетке, они пытались казаться расслабленными и невозмутимыми, но их очень уж бесстрастные лица лишь подчеркивали настороженность и тревогу.

— Что ж, неплохо, неплохо. Не просто комфорт, а настоящая роскошь. Вы тут, похоже, хорошо устроились, молодые люди. — Откинувшись в кресле, Петерсен обвел оценивающим взглядом большую гостиную.

— Нас сюда поселил полковник Лунц, — сказал Михаэль.

— Не сомневаюсь. Вы его явные фавориты. Мое спартанское жилище…

— Вы сами его выбрали, — спокойно заметил Лунц. — Не так-то просто организовать жилье для того, кто только на третий день сообщает о своем прибытии.

— Тоже верно. Хотя не назвал бы это место идеальным во всех отношениях. К примеру, тут не хватает бара…

— Мы с братом не пьем, — негромко проговорила Зарина. Петерсен заметил, как побелели костяшки ее изящно сплетенных пальцев.

— Замечательно. — Достав из взятого с собой портфеля бутылку бренди и два бокала, Петерсен

налил Лунцу и себе. — Ваше здоровье! Я слышал, вы хотите присоединиться к нашему другу полковнику Михайловичу в Черногории? Надо понимать, вы роялисты? Можете доказать?

— А что, надо доказывать? — спросил Михаэль. — В смысле, вы нам не доверяете?

— Вам придется научиться, и притом быстро — собственно, прямо сейчас — другому тону и поведению. — Доброжелательная улыбка исчезла с лица Петерсена. — Кроме горстки людей — горстки в буквальном смысле, — я не доверяю никому уже много лет. Вы можете доказать, что вы роялисты?

— Сможем, когда доберемся до места. — Зарина по-прежнему бесстрастно взглянула на Петерсена, слабо пожав плечами. — И я знаю короля Петра. По крайней мере, знала.

— Поскольку король Петр в Лондоне, а Лондон в данный момент не принимает телефонных звонков от вермахта, доказать это отсюда будет довольно-таки непросто. И не говорите мне, что сумеете доказать, когда мы доберемся до Черногории. Тогда будет уже слишком поздно.

Михаэль и Зарина переглянулись, лишившись на мгновение дара речи, а затем Зарина неуверенно пробормотала:

— Не совсем понятно. В каком смысле — слишком поздно?

— Слишком поздно для меня, если мне проделают кучу дырок в спине. От пуль, ножей и чего угодно.

Зарина уставилась на него, и на ее щеках проступили красные пятна.

— Да вы с ума сошли, — прошептала она. — С чего бы нам…

— Не знаю, и я не сумасшедший. Просто мне хотелось бы прожить чуть дольше, чем уже удалось. — Помедлив, Петерсен вздохнул. — Так вы хотите отправиться со мной в Югославию?

— Уже не очень. — Она крепче сжала пальцы, и взгляд ее карих глаз стал враждебным. — После того, что вы сказали… — Зарина посмотрела на брата, затем на Лунца, затем снова на Петерсена. — У нас есть выбор?

— Конечно. Сколько угодно. Спросите полковника Лунца.

— Полковник?

— Не сколько угодно. Вариантов крайне мало, и я не стал бы рекомендовать ни один из них. Весь смысл в том, чтобы вы оба добрались туда невредимыми, и если вы предпочтете какой-нибудь другой способ, шансы у вас минимальные,

а если попытаетесь действовать самостоятельно, шансов нет вообще. С майором Петерсеном вам гарантированы безопасное путешествие и доставка в пункт назначения. Живыми.

— Похоже, вы очень уж доверяете майору Петерсену, — с сомнением заметил Михаэль.

— Да, доверяю. Как и сам майор Петерсен. Должен добавить, что у него есть на это полное право. Он не просто знает страну так, как ее никогда не будет знать никто из вас. Он с легкостью перемещается по любой территории, кому бы та ни принадлежала — друзьям или врагам. Но важнее всего то, что боевая обстановка там постоянно меняется. Территория, занятая сегодня четниками, завтра может быть занята партизанами. Вы бы там оказались в положении овец в загоне среди сошедших с холмов волков.

Девушка впервые за все время слегка улыбнулась:

— И майор — тоже волк?

— Скорее саблезубый тигр. И с ним еще двое, которые постоянно его сопровождают. Впрочем, я никогда не слышал о встрече саблезубых тигров с волками. Надеюсь, вы меня поняли.

Брат и сестра не ответили. Петерсен взглянул на обоих.

— Эта форма на вас — британская?

Оба кивнули.

— Есть запасная?

Оба снова одновременно кивнули.

— Зимняя одежда? Крепкие ботинки?

— В общем, нет, — смущенно пробормотал Михаэль. — Мы не думали, что они могут нам понадобиться.

— Вы не думали, что они могут вам понадобиться. — Петерсен уставился в потолок, затем снова перевел взгляд на пребывающих в замешательстве Зарину и Михаэля. — Вы собираетесь в горы, тысячи на две метров, посреди зимы, а не на летний пикник в саду.

— Думаю, к утру я эту проблему решу, — поспешно заверил Лунц.

— Спасибо, полковник. — Петерсен показал на два довольно больших, завернутых в брезент свертка на полу. — Как я понимаю, это ваши радиостанции. Британские?

— Да, — ответил Михаэль. — Самой последней модели. Весьма надежные.

— Запчасти?

— Сколько угодно. Как говорят спецы — все, что может понадобиться.

— Вашим спецам явно не приходилось падать

в пропасть с радиостанцией на спине. Вас, естественно, обучали британцы?

— Нет. Американцы.

— В Каире?

— В Каире их сколько хочешь. С нами занимался штабной сержант из американских морпехов. Спец по новым кодам. Вместе с нами он учил еще нескольких британцев.

— Что ж, неплохо. Ладно, немного сотрудничества с вашей стороны — и, думаю, мы вполне поладим.

— Сотрудничества? — озадаченно переспросил Михаэль.

— Да. Если мне придется время от времени отдавать кое-какие распоряжения, я рассчитываю, они будут исполняться.

— Распоряжения? — Михаэль взглянул на сестру. — Нам никто ничего не говорил…

— Теперь говорю я. Видимо, придется выражаться яснее. Приказы должны исполняться беспрекословно. Иначе я оставлю вас в Италии, скину за борт в Адриатику или просто брошу на произвол судьбы в Югославии. Я не стану подвергать риску свою миссию из-за пары непослушных детишек, которые не хотят делать то, что им скажут.

— Детишек? — Михаэль сжал кулаки. — Вы не имеете права…

— Имеет, — резко оборвал его Лунц. — Майор Петерсен говорил про пикник в саду, но ему следовало бы говорить про детский сад. Вы молоды, невежественны и высокомерны, а значит, опасны по всем этим трем причинам. Вне зависимости от того, принимали вы присягу или нет, вы теперь в составе королевской армии Югославии. Солдаты вроде вас обязаны исполнять приказы офицеров.

Брат и сестра не ответили, промолчали даже тогда, когда Петерсен сказал, снова посмотрев в потолок:

— И все мы знаем, каково наказание в военное время за неисполнение приказа.

— Боюсь, я так и не добился того взаимопонимания, которого мне хотелось бы, — вздохнул Петерсен, сидя в служебном автомобиле Лунца. — Когда я уходил, они были явно не в лучшем расположении духа.

— Это пройдет. Они молоды, как я и говорил. Вдобавок избалованны. Аристократы. По моей информации, даже с примесью королевской крови. Фон Караян или что-то вроде того. Странная фамилия для югославов.

— Не обязательно югославы. Почти наверняка

они из Словении, потомки австрийцев.

— Так или иначе, они родом из семьи, которая явно не привыкла получать приказы, еще меньше привыкла к тому, чтобы с ними разговаривали в таком тоне, как вы.

— Полагаю, они быстро научатся.

— Я тоже.

Через полчаса после того, как Петерсен вернулся к себе в номер, к нему присоединились Джордже и Алекс.

— По крайней мере, мы теперь знаем их фамилию, — сказал Джордже.

— Я тоже. Фон Караян. Что еще?

— Портье, весьма сообразительный старичок, — невозмутимо продолжал Джордже, — сказал нам, что понятия не имеет, откуда они приехали. Их привез туда Лунц. Старик не раздумывая доложил нам, в каком они номере, но сказал, что, если мы хотим с ними увидеться, он должен сперва спросить разрешения, а потом нас сопроводить. Потом мы спросили его, свободны ли номера по соседству с тем, который он назвал, а когда он сказал, что это их спальни, мы ушли.

— Что-то вы не очень спешили.

— Мы уже привыкли к твоим несправедливым наездам. Мы обошли отель сзади, поднялись

по пожарной лестнице и пробрались по узкому карнизу. Очень узкому. Не шутка, скажу я тебе, особенно для такого неповоротливого, как я. Опасная высота, голова кружится…

— Да-да, — терпеливо поддакнул Петерсен. Итак фон Караяны занимали номера на втором этаже. — Дальше?

— Снаружи их номера был небольшой балкон. И тюлевые занавески на окнах.

— Видно было хорошо?

— И слышно тоже. Парень посылал сообщение по радио.

— Интересно. Хотя ничего странного. Морзе?

— Открытым текстом.

— Что он говорил?

— Понятия не имею. С тем же успехом это мог быть китайский. Явно ни один из европейских языков, которые я когда-либо слышал. Очень короткое сообщение. Так что мы вернулись назад.

— Кто-нибудь видел вас на пожарной лестнице, карнизе или балконе?

Джордже попытался изобразить обиду:

— Дорогой мой Петр…

Петерсен остановил его, подняв руку. Лишь немногие называли его по имени, но, с другой стороны, немногие и учились до войны в

Белградском университете, где Джордже был многоуважаемым профессором западной филологии. Все знали, и в том не было никаких сомнений, что Джордже бегло владеет по крайней мере дюжиной языков и может изъясняться на гораздо большем их количестве.

— Ладно, извини. — Петерсен окинул взглядом массивную фигуру Джордже. — Тебя в любом случае практически никогда не видно. Так что завтра утром, а может, даже через пару минут, полковник Лунц будет знать, что вы с Алексом побывали там и задавали вопросы. Впрочем, другого он вряд ли стал бы от меня ожидать — но для него останется неизвестным, что кое-кто видел и слышал, как молодой Михаэль фон Караян посылал сообщение по радио вскоре после нашего ухода. И меня весьма интересует суть этого сообщения.

— Мы с Алексом попробуем выяснить это завтра на корабле, — немного подумав, предложил Джордже.

— Я обещал полковнику, что мы доставим их целыми и невредимыми. — покачал головой Петерсен.

— Какое нам дело до полковника Лунца или того, что ты ему обещал?

— Нам тоже важно, чтобы они добрались в целости и сохранности.

Джордже постучал себя по голове:

— Бремя прожитых лет…

— Да брось, Джордже. Всего лишь профессорская рассеянность.

Глава 2

Вермахт не считал необходимым возить своих союзников в лимузинах или роскошных экипажах. На следующий день Петерсен и его спутники пересекли Италию в кузове древнего грузовика, у которого хоть и были на месте все колеса, но, похоже, полностью отсутствовали рессоры. От тряски стучали зубы, а громкий непрекращающийся дребезжащий звук делал практически невозможными любые разговоры. Натянутый на обручи брезентовый верх был открыт сзади, а в высшей точке Апеннин температура падала ниже нуля. Путешествие можно было назвать в чем-то незабываемым, но отнюдь не с точки зрения комфорта.

Вонь дизельных выхлопов могла бы показаться невыносимой, но ею можно было все-таки пренебречь в сравнении с ароматом, источаемым черными сигарами Джордже. Из уважения к чувствам попутчиков он расположился в задней части грузовика и в те редкие моменты, когда не курил, удовлетворялся содержимым стоявшего у его ног ящика с пивом. Казалось, холод его ничуть

не берет, да так оно, похоже, и было, поскольку природа снабдила Джордже превосходной теплоизоляцией.

Фон Караяны, в своей новообретенной зимней одежде, сидели спереди слева, на жесткой деревянной скамье, подавленные и молчаливые. Вид у них был такой же безрадостный, как и накануне, когда Петерсен с ними расстался, что могло быть естественной реакцией на дорожные неудобства, но, скорее всего, думал Петерсен, они все еще не избавились от своих оскорбленных чувств. Мало чем помогало и присутствие Алекса, чье угрюмое молчание и мрачное выражение лица могло быть легко воспринято как признак дурных намерений. Караяны не могли знать, что Алекс с этим же выражением смотрит и на своих родителей, к которым относился с крайним уважением и любовью.

Они остановились на обед в крошечной деревушке в окрестностях Корфинио, после того как без особых происшествий, хотя местами, можно сказать, и чудом, преодолели опасные петляющие дороги Апеннинского хребта. Из Рима они выехали в семь утра, и им потребовалось пять с лишним часов, чтобы одолеть сотню миль. Учитывая состояние дорог и дряхлость грузовика

вермахта — без опознавательных знаков, итальянского производства, — средняя скорость в двадцать миль в час была неплохим результатом. С некоторым трудом — у всех, за исключением Джордже, затекли и замерзли руки и ноги — они спустились с заднего борта и огляделись сквозь пелену слабого снегопада.

Смотреть, впрочем, было особо не на что. Деревушка, у которой даже имени не имелось, состояла из горстки каменных домиков, почтового отделения и небольшой таверны. Близлежащий Корфинио, хотя тоже городок не из крупных, предложить мог значительно больше с точки зрения удобств. Но полковник Лунц, помимо профессионального, почти маниакального стремления все засекречивать, разделял общее и, конечно же, несправедливое мнение своих коллег, старших офицеров вермахта, что все итальянские союзники — изменники, предатели и шпионы, пока не доказано обратное.

Доброжелательный хозяин таверны производил странное впечатление. Он постоянно нервничал и робел — весьма необычная черта для владельцев подобных горных заведений. Удивительно неловкий официант, по-своему услужливый и всегда готовый помочь, единствен-

ное, что сообщил, так это свое имя, Луиджи, на чем их общение и закончилось. В самой таверне было достаточно тепло и уютно, в открытом очаге горели сосновые поленья, давая почти столько же искр, сколько и жара. Еда была простой, но сытной, а вино и пиво, на которые совершил свой привычный набег Джордже, регулярно появлялись на столе без дополнительных просьб. Атмосфера за обедом царила, однако, нисколько не компанейская.

Молчание — не лучший спутник застолья. За дальним маленьким угловым столиком водитель грузовика и его напарник — по сути, вооруженный охранник, путешествовавший со «шмайсером» под сиденьем и «люгером» под одеждой, — о чем-то непрерывно переговаривались приглушенными голосами, но из пятерых за столом Петерсена трое словно лишились дара речи. Алекс, как всегда подавленный и угрюмый, словно бы размышлял об унылом и безнадежном будущем. Фон Караяны, которые, по их собственному признанию, сегодня не завтракали, едва притрагивались к еде и, несмотря на достаток времени и удобную возможность поговорить, ограничивались лишь ответами на вопросы. Петерсен, как всегда расслабленный, время от

времени отпускал любезности, но не проявлял особого желания прервать молчание, которого, похоже, просто не замечал. Джордже, наоборот, прилагал все усилия, чтобы его нарушить, болтая без умолку.

Начатый им разговор свелся к вопросам, адресованным непосредственно фон Караянам. Потребовалось не так уж много времени, чтобы выяснить, что они, как и предполагал Петерсен, словенцы австрийского происхождения. Они закончили начальную школу в Любляне, среднюю школу в Загребе, а потом Каирский университет.

— Каир? — Джордже попытался завести брови за линию волос. — Каир? Что, во имя всего святого, заманило вас в это культурное захолустье?

— Это было желание наших родителей, — ответил Михаэль, стараясь оставаться холодным и отстраненным, но в его голосе слышались лишь оборонительные нотки.

— Каир! — повторил Джордже, недоверчиво качая головой. — Могу я поинтересоваться, что же вы там изучали?

— Вы задаете слишком много вопросов, — сказал Михаэль.

— Просто любопытно, — объяснил Джордже. — Отеческое любопытство. И конечно же, забота о

несчастной молодежи нашей бедной расколотой страны.

Зарина впервые улыбнулась — хоть и едва заметно, но явно давая понять, на что она способна, если попытается.

— Вряд ли все это всерьез вас интересует, господин… э…

— Зови меня Джордже. Откуда ты знаешь, что может меня интересовать? Меня интересует все.

— Мы изучали экономику и политику.

— Боже мой! — Джордже хлопнул ладонью по лбу. Как классический актер он умер бы с голоду, но как актеру любительского театра ему бы не было равных. — Господи, девочка моя, и ты отправилась в Египет, чтобы изучать столь важные вопросы? Неужели вам не хватило всей вашей учебы, чтобы понять, что это беднейшая страна на Ближнем Востоке, что их экономика не просто едва волочит ноги, но пребывает в состоянии полного коллапса, что они должны бесчисленные миллионы фунтов, долларов, любой мыслимой валюты любой мыслимой стране? Вот и вся их экономика. Что касается политики, то они не более чем политический мяч для любой страны, которой захочется поиграть в футбол на их засушливых и бесплодных пустынных

землях. — Джордже сделал паузу, возможно восхищаясь собственным красноречием, а может, ожидая ответа. Ответа не последовало, и он снова покачал головой. — И что же, интересно, имели ваши родители против нашего лучшего учебного заведения? Естественно, я имею в виду Белградский университет. — Он снова замолчал, будто размышляя. — Надо признать, у Оксфорда и Кембриджа есть свои плюсы. Как и у Гейдельберга, Сорбонны, Падуи и парочки учебных центров поменьше. Но нет — Белградский университет самый лучший.

Зарина снова едва заметно улыбнулась:

— Похоже, вы много знаете про университеты, господин… э… Джордже.

Вместо того чтобы самодовольно улыбнуться в ответ, Джордже совершил почти невозможное, изобразив крайнюю степень скромности.

— Мне повезло, большая часть моей взрослой жизни была связана с учеными, включая самых выдающихся.

Фон Караяны переглянулись, но промолчали — им вовсе незачем было говорить, что, по их мнению, любая подобного рода связь могла сводиться лишь к роли мальчика на побегушках. Должно быть, они полагали, что он научился

своей речевой манере, убирая в аудиториях или прислуживая при кафедре. Джордже не подал виду, будто заметил что-то неподобающее, — собственно, он просто ничего не заметил.

— Что ж, — со всей возможной беспристрастностью продолжал Джордже, — не мое дело судить о вине отцов перед сыновьями или, если на то пошло, матерей перед дочерями. — Внезапно он сменил тему: — Вы, конечно же, роялисты?

— Почему «конечно же»? — резко ответил Михаэль.

Джордже вздохнул:

— Я надеялся, что пребывание в стенах низшего учебного заведения на берегах Нила не лишило вас присущего нашим соотечественникам здравомыслия. Не будь вы роялистами, вы бы не отправились с нами. К тому же мне рассказал об этом майор Петерсен.

Зарина быстро взглянула на Петерсена:

— Вы всегда так относитесь к доверительной информации?

— Я не знал, что она доверительная. — Петерсен небрежно махнул рукой. — Слишком уж она для этого малозначительна. В любом случае Джордже знает все мои секреты.

Неуверенно посмотрев на него, Зарина поту-

пила взгляд — упрек мог быть вполне реальным. Или подразумеваемым. Или всего лишь воображаемым.

— Я просто слегка озадачен, — сказал Джордже. — Вы роялисты. Ваши родители, надо полагать, тоже. Для королевской семьи и приближенных к ней нет ничего необычного в том, чтобы посылать детей учиться за границу. Но не в Каир, а в Северную Европу. Конкретнее — в Англию. Между югославской и британской королевскими семьями существуют тесные связи, особенно кровные. Что выбрал король Петр в качестве места для изгнания? Лондон, где он сейчас пребывает. Князь-регент, князь Павел, тоже под опекой британцев.

— В Каире говорят, будто он в плену у британцев. — Михаэля, похоже, не особо волновало, что говорят в Каире.

— Чушь. Его содержат под охраной для его же безопасности, но его свобода ничем не ограничена. Он регулярно снимает деньги со счетов в лондонском банке. Банк Кауттс — так уж вышло, что это одновременно и банк британской королевской семьи. Самый близкий друг князя Павла в Европе — муж его сестры, герцог Кентский; вернее, был таковым, пока герцог не погиб в ка-

тастрофе гидросамолета в прошлом году. И всем известно, что в ближайшее время Павел отправляется в Южную Африку, а тамошний генерал Смэтс — особо близкий друг британцев.

— Ну да, — кивнул Михаэль. — Вы говорили, что озадачены. Я тоже озадачен. Две южноафриканские дивизии этого генерала Смэтса сражаются вместе с Восьмой армией в Северной Африке, так ведь?

— Так.

— Против немцев?

— С кем еще они могут сражаться? — с необычным для него раздражением бросил Джордже.

— То есть друзья нашей королевской семьи сражаются с немцами. Мы роялисты, и мы сражаемся вместе с немцами, а не против них. Как-то все слишком запутанно.

— Тебя-то уж точно не запутаешь. — Зарина вновь слегка улыбнулась. Петерсен начал подозревать, что ему придется пересмотреть сложившееся о ней первое впечатление. — А вы что скажете, Джордже?

— Никакой запутанности, — пренебрежительно махнул рукой Джордже. — Всего лишь временная мера, ради удобства и целесообразности. Да, мы сражаемся вместе с немцами, но мы

не сражаемся за них. Мы сражаемся за самих себя. Когда немцы выполнят свое предназначение, им придет время уйти. — Джордже снова наполнил свою кружку, осушил ее наполовину и вздохнул, то ли удовлетворенно, то ли с грустью. — Нас постоянно недооценивают как важную часть того, что остальная Европа называет неразрешимой балканской проблемой. Для меня нет никакой проблемы, только цель. — Он опять поднял кружку. — Югославия.

— Никто не собирается с этим спорить, — сказал Петерсен и посмотрел на девушку. — Кстати, если уж зашел разговор о королевской семье, который завел Джордже, — ты вчера упоминала, что знакома с королем Петром. Насколько хорошо?

— Он тогда был князем Петром. Не слишком хорошо. Видела его пару раз на каких-то формальных мероприятиях.

— Я тоже. Вряд ли мы обменялись больше чем десятком слов. Умный парнишка, приятный с виду, наверняка из него выйдет хороший король. Жаль, что хромает.

— Что?

— Ну, на левую ногу.

— Ах, это… Ну да. Я подумала…

— Он не любит об этом говорить. Все эти

зловещие истории о том, как он был ранен, — полная ерунда. Всего лишь несчастный случай на охоте. — Петерсен улыбнулся. — Вряд ли придворного, который перепутал своего будущего монарха с диким кабаном, ждет выдающаяся дипломатическая карьера. — Он поднял взгляд и правую руку, и к ним тут же поспешил хозяин таверны. — Счет, пожалуйста.

— Счет? — На мгновение показалось, будто хозяин сильно удивлен, даже ошеломлен. — Ах счет! Конечно. Счет. Сию минуту. — Он быстро удалился.

Петерсен взглянул на фон Караянов:

— Жаль, что у вас не было аппетита, — перед последним этапом путешествия стоило бы подзарядиться. В любом случае дорога теперь пойдет вниз под уклон, и мы направляемся в сторону Адриатики и морского климата. Там должно быть теплее.

— Вовсе нет. — Это произнес Алекс с вполне предсказуемой мрачной уверенностью в голосе — произнес впервые с того момента, как они появились в таверне. — Мы здесь почти уже час, и ветер усиливается. Всерьез усиливается. Сами послушайте — и поймете. — Они услышали низкий стонущий вой, не предвещавший ничего

хорошего. Алекс с серьезным видом покачал головой. — Восточно-северо-восточный. Со стороны Сибири. Будет очень холодно, — с мрачным удовлетворением проговорил он, — впрочем, по-другому он просто не умел. — А когда зайдет солнце, станет очень-очень холодно.

— Утешил, что называется. — Петерсен взглянул на принесенный хозяином таверны счет, протянул несколько банкнот и, отмахнувшись от предложенной сдачи, спросил: — Как думаете, можно будет купить у вас несколько одеял?

— Одеял? — хозяин озадаченно нахмурился, услышав столь необычную просьбу.

— Одеял. Нас ждет долгий путь, в нашем транспорте нет обогрева, а сегодня вечером будет очень холодно.

— Не проблема. — Трактирщик исчез и вернулся буквально через минуту с охапкой тяжелых разноцветных шерстяных одеял, которые он свалил на ближайший стол. — Этого хватит?

— Более чем. Весьма любезно с вашей стороны. — Петерсен достал деньги. — Сколько с меня?

— За одеяла? — Трактирщик протестующе поднял руки. — У меня тут не магазин. Я не беру плату за одеяла.

— Возьмите, я настаиваю. Одеяла стоят денег.

— Если позволите… — Водитель грузовика встал из-за стола и подошел к ним. — Завтра я буду тут проезжать на обратном пути и привезу их с собой.

Петерсен поблагодарил, и на этом все кончилось. Алекс, за которым последовали фон Караяны, помог трактирщику отнести одеяла в грузовик. Петерсен и Джордже задержались на крыльце, закрыв как внутреннюю, так и внешнюю двери.

— Ты жуткий лжец, Джордже, — восхищенно проговорил Петерсен. — Хитрый и дьявольски коварный. Я уже говорил, что мне вряд ли бы захотелось оказаться у тебя на допросе. Достаточно тебе только спросить, и ты сразу получаешь нужный ответ, что бы тебе ни сказали — «да», «нет» или вообще ничего.

— Когда проведешь двадцать пять лучших лет своей жизни, имея дело с тупоголовыми студентами… — Джордже пожал плечами, будто сказать ему было больше нечего.

— Я не тупоголовый студент, и тем не менее. У тебя сложилось мнение о наших юных друзьях?

— Сложилось.

— У меня тоже. У меня также сложилось о них

еще одно мнение, а именно: в то время как Михаэль явно не блещет интеллектом, к девушке стоит присмотреться. Думаю, она может быть вполне умна.

— Я часто замечал подобное у братьев и сестер, особенно у близнецов. Разделяю твое мнение. Симпатичная и умная.

— Опасное сочетание? — улыбнулся Петерсен.

— Если девушка хорошенькая, ничего опасного. А у меня нет оснований считать иначе.

— Ты просто чересчур восприимчив для своего возраста. Что скажешь про хозяина?

— Запуганный, несчастный, и это странно, на вид он вполне крепкий мужик, для которого вполне естественно вышвыривать за порог перебравших пьяниц. К тому же, похоже, его сбило с толку твое предложение заплатить за еду. Создается справедливое впечатление, что тут бывают некие путешественники, которые за еду не платят. И его отказ взять деньги за одеяла выглядит не менее странно. В смысле, странно для итальянца, потому что ни разу в жизни я не видел итальянца, не имеющего желания подзаработать. Петр, друг мой, даже ты бы наверняка нервничал, если бы работал или вынужден был работать на немецкую СС?

— Полковник Лунц отбрасывает длинную тень. А что насчет официанта?

— Гестапо упало в моих глазах. Посылая шпиона под видом официанта, им следовало по крайней мере хотя бы чуточку обучить его зачаткам обслуживания посетителей за столом. Реально он поверг меня в замешательство… — Джордже помедлил. — Ты что-то говорил про короля Петра?

— Ты сам поднял эту тему.

— Это несущественно, не увиливай. Будучи главой университетской кафедры, я считался — вполне по праву — культурным человеком. То же можно было сказать и о князе Павле, хотя его интересы лежали больше в области искусства, чем филологии. Не важно. Мы не раз встречались и в университете, и на королевских приемах в городе. Что важнее, я два-три раза видел князя Петра, тогда он был еще князем. И в то время он не хромал.

— Он и сейчас не хромает.

Джордже посмотрел на Петерсена и медленно кивнул:

— И ты еще называл меня дьявольским хитрецом?

Петерсен открыл наружную дверь и похлопал его по плечу:

— Мы живем в дьявольские времена, Джордже.

Вторая половина поездки прошла лучше первой, но ненамного. Закутанные по уши в тяжелые одеяла, фон Караяны больше не дрожали и не стучали зубами, но выглядели ничуть не живее и не общительнее, чем утром, погруженные в угрюмое молчание. Они продолжали молчать даже тогда, когда Джордже, перекрикивая жуткий механический лязг, предложил им бренди, чтобы облегчить их страдания. Зарина вздрогнула, а Михаэль покачал головой. Возможно, они поступили разумно, ибо то, что предлагал им Джордже, было отнюдь не французским коньяком, а убийственной разновидностью местной сливовицы.

Примерно за двенадцать километров от Пескары они свернули с шоссе номер пять возле Кьети, добравшись до дороги вдоль побережья Адриатики у Франкавиллы, когда уже наступили преждевременные сумерки — преждевременные из-за собирающихся темно-серых туч, которые, как неумолимо сообщил Алекс, могли предвещать сильный снегопад. Прибрежная дорога, шоссе номер шестнадцать, оказалась лучше дороги через Апеннины — впрочем, вряд ли могло быть иначе, — и относительно комфортное, хо-

тя не менее шумное, путешествие до Термоли заняло не более двух часов. Термоли военного времени, к тому же ночью, зимой, вряд ли вызвал бы порыв творческого вдохновения в душе поэта или композитора, не наводя ни на какие иные чувства, кроме тоски и депрессии: серый, тусклый, грязный и, казалось, полностью безлюдный, не считая нескольких заведений с небрежно затемненными окнами — видимо, кафе или таверн. Портовый район, впрочем, выглядел много лучше, чем набережные Рима, — здесь не было затемнения, лишь приглушенное освещение, вряд ли сильно отличавшееся от обычного. Когда грузовик остановился у пристани, света желтых фонарей над головой вполне хватало, чтобы различить очертания стоявшего у причала корабля, который должен был доставить их в Югославию.

В том, что это торпедный катер, сомнений не возникало. Возраст его, однако, определить было сложно. Ясно было одно — он побывал во многих сражениях, понеся серьезные, хотя и не смертельные, повреждения как в частях корпуса, так и надстроек. Ремонтировать его не пытались, никто не счел нужным хотя бы закрасить многочисленные вмятины и шрамы, испещрявшие борт. Торпед на катере не было, по причине от-

сутствия самих торпедных установок, их с него сняли, как и направляющие для глубинных бомб. Единственным вооружением, если его можно было назвать этим словом, оставалась пара одноствольных орудий, одно — впереди мостика, другое — на корме. Они подозрительно напоминали пулемет «гочкис», самое ненадежное оружие, которое когда-либо по ошибке попадало на флот.

На пристани, возле трапа катера, стоял высокий мужчина в форме, смутно напоминавшей флотскую, во флотской фуражке без кокарды, накрывавшей тенью его лицо, но не сгорбленные плечи и выдающуюся снежно-белую бороду в стиле Буффало Билла[6]. Он поднял руку, то ли приветствуя подошедшего Петерсена, за которым следовали остальные, то ли отдавал ему честь.

— Добрый вечер. Меня зовут Пьетро. Вы, надо полагать, тот самый майор, которого мы ждем?

— Добрый вечер. Да.

— И четверо спутников, в том числе дама. Прекрасно. Добро пожаловать на борт. Пошлю кого-нибудь за вашим багажом. Пока же капитан желает как можно скорее с вами увидеться.

---

[6] Notes: 6

Буффало Билл — прозвище Уильяма Ф. Коди (1846–1917), американского военного, предпринимателя, антрепренера и шоумена.

Они последовали за Пьетро вниз, в помещение, которое могло быть капитанской каютой, штурманской рубкой или офицерской кают-компанией, да, наверное, и было ими одновременно — с пространством на торпедных катерах всегда дефицит. Капитан сидел за столом и что-то писал, а когда вошел Пьетро, даже не удосужившись постучать, развернулся кругом в надежно привинченном к палубе вращающемся кресле.

— Последние гости, Карлос, — сказал Пьетро, останавливаясь рядом. — Майор и четверо его друзей, о которых нам говорили.

— Заходите, заходите. Спасибо, Пьетро. Пришли сюда того юного бандита, ладно?

— Когда он закончит грузить багаж?

— Так точно.

Пьетро вышел. Капитан был молод и широкоплеч, с густыми вьющимися черными волосами, сильно загорелый, с белоснежными зубами, теплой улыбкой и столь же теплым взглядом карих глаз.

— Я лейтенант Джанкарло Тремино, — сказал он. — Зовите меня Карлос. Почти все меня так зовут. Во флоте не осталось никакой дисциплины. — Он покачал головой, показывая на свой белый свитер с высоким воротником и серые

фланелевые штаны. — К чему носить форму? Всем и так все равно. — Он протянул Петерсену левую руку. — Добро пожаловать, майор. Не могу предложить вам удобств, как на «Куин Мэри» — в смысле, как в мирное время, — но у нас есть несколько небольших кают, умывальник и туалет, полно вина, и я могу гарантировать вам безопасную доставку в Плоче. Гарантировать — потому, что мы множество раз ходили к Далматинскому побережью и пока что не потонули. Естественно, все когда-нибудь случается в первый раз, но я предпочитаю думать о чем-нибудь более приятном.

— Вы весьма любезны, — ответил Петерсен. — Раз уж решили обращаться друг к другу по имени, то меня зовут Петр.

Он представил остальную четверку, каждого по имени. Карлос с улыбкой пожал всем руки, но даже не попытался встать.

— Прошу прощения, что встречаю вас сидя, — быстро объяснил он свое отсутствие хороших манер. — Думаете, я настолько невежлив и так ленив, что лишний раз с места не встану? — Капитан поднял правую руку, и все увидели затянутую в перчатку кисть. Затем он наклонился, постучал правой рукой по правой ноге, примерно между

коленом и щиколоткой. Отчетливый звук удара металла о металл заставил всех вздрогнуть. Выпрямившись, он постучал кончиками пальцев левой руки по тыльной стороне перчатки на правой. Раздавшийся звук точно так же не вызывал сомнений, хотя и был иным — теперь уже плоть соприкасалась с металлом. — К этим металлическим штукам привыкаешь не сразу, — словно извиняясь, произнес Карлос. — Лишние движения — вообще, любые движения — это сплошь неудобства, а кому нравятся неудобства? Увы, я не самый доблестный из римлян.

Зарина закусила губу. Михаэль пробовал притворяться, будто нисколько не потрясен, но безуспешно. За плечами у остальных были полтора года жестоких сражений в югославских горах, поэтому — вполне предсказуемо — они не отреагировали никак.

— Правая рука, правая нога, — покачал головой Петерсен. — Серьезная потеря.

— На самом деле только правая ступня — оторвало по щиколотку. Потеря? Слышали про английского пилота-истребителя, лишившегося обеих ног? Он что, требовал себе инвалидную коляску? Он просил, чтобы ему позволили вернуться в кабину своего «спитфайера», и ему это в

конце концов удалось. А вы говорите — потеря!

— Я знаю о нем. Многие о нем знают. И как вы заработали эти… хм… пустяковые царапины?

— Это все вероломный Альбион, — весело ответил Карлос. — Мерзостные, отвратительные британцы. Никогда им не доверяйте. Только подумать, что до войны мы с ними были лучшими друзьями — вместе ходили по Адриатике и Ла-Маншу, состязались в Каусе…[7] ладно, не важно. Мы были в Эгейском море, придерживаясь, как говорят юристы, буквы закона и никому не мешая. Рассвет, густой туман — и внезапно меньше чем в двух километрах в разрыве тумана появился большой британский военный корабль.

Карлос сделал паузу — возможно, для пущего эффекта.

— Насколько мне известно, — спокойно произнес Петерсен, — британцы никогда не рисковали своими крупными боевыми кораблями к северу от Крита.

— Величину, как и красоту, каждый видит по-своему. Конечно, это был небольшой фрегат, но нам, как вы понимаете, он показался линкором. Мы не были готовы к встрече с ними, зато были

---

[7] Notes: 7

Каус — город на севере острова Уайт (Англия), где с 1826 года проходит ежегодная парусная регата.

готовы они и уже нацелили на нас пушки. Не наша вина — у нас на наблюдательных постах стояли четверо, не считая меня, но у них наверняка имелся радар, а у нас — нет. Первые два снаряда взорвались в воде всего в нескольких метрах от нашего левого борта, и, должен сказать, нашему корпусу пришлось худо. Еще два легких снаряда, где-то по килограмму каждый — британцы их называют «пом-пом», — оказались точнее. Один пробил машинное отделение и вывел из строя двигатель — он, к сожалению, до сих пор не работает, но мы можем обойтись без него, — а другой попал в рулевую рубку.

— Кило взрывчатки в замкнутом пространстве — приятного мало, — заметил Петерсен. — С вами был кто-то еще?

— Да, двое, но они оказались не такими везучими. А потом мы вошли в полосу тумана. — Карлос пожал плечами. — Собственно, все. Дело прошлое.

В дверь постучали, и вошел совсем молодой матрос. Вытянувшись в струну, он отдал честь и отбарабанил:

— Капитан, по вашему приказанию прибыл!

— Прекрасно. У нас гости, Пьетро. Они устали и мучаются от жажды.

— Так точно! — Парень отдал честь и вышел.

— И что вы там говорили о дисциплине? — спросил Петерсен.

— Погодите, он с нами всего лишь месяц, — улыбнулся Карлос.

— Сбежал из школы? — озадаченно поинтересовался Джордже.

— Он старше, чем выглядит. Ну… где-то месяца на три.

— До чего же разновозрастная компания у вас на борту, — заметил Петерсен. — Тот, старший Пьетро, — ему явно за семьдесят.

— Ему намного за семьдесят, — рассмеялся Карлос. Похоже, мир для него был источником неиссякаемого веселья. — Да, компания та еще. Так называемый капитан с двумя действующими конечностями из четырех. Безбородый юнец. Престарелый пенсионер. Погодите, вы еще остальных не видели.

— Говорите — дело прошлое? — спросил Петерсен. — Принимается. Могу я задать вопрос по поводу настоящего? — Карлос кивнул. — Почему вас не отправили в отставку по инвалидности? Или хотя бы не предоставили какую-нибудь работу на берегу? Почему вы все еще на действительной службе?

— Действительной службе? — Карлос снова рассмеялся. — Вряд ли ее можно назвать действительной. Как только мы столкнемся хоть с чем-нибудь, требующим реальных действий, я подам рапорт об увольнении. Видели те два легких орудия, что стоят у нас на носу и корме? Я держу их исключительно ради гордости. Они никогда не использовались ни для атаки, ни для обороны по той простой причине, что оба неисправны. Моя работа не особо утомительна, и моей скромной квалификации вполне хватает. Я родился и вырос в Пескаре, у моего отца была яхта, и не одна. Я проводил детство и до одури долгие университетские каникулы под парусами. Иногда я ходил по Средиземному морю или у берегов Европы, но в основном у югославского побережья. Адриатическое побережье Италии скучно и неинтересно, ни одного достойного упоминания островка между Бари и Венецией, но тысячи далматинских островов — настоящий рай для путешественника-яхтсмена! Я знаю их лучше, чем улицы Пескары или Термоли. И адмиралтейство находит это полезным.

— Темной ночью? — спросил Петерсен. — Без маяков, без буев с подсветкой, без навигационного сопровождения с суши?

— Если бы мне все это потребовалось, вряд ли адмиралтейству была бы от меня особая польза, верно? Ага, вот и помощь прибыла.

Юный Пьетро прилагал героические усилия, чтобы удержаться на ногах под тяжестью своей ноши — плетеной корзины с плоским дном и высокими стенками, внутри которой находилось что-то наподобие небольшого бара. Кроме крепких напитков, вин и ликеров, Пьетро позаботился даже о сифоне с содовой и ведерке со льдом.

— Пьетро пока не дорос до бармена, а у меня нет никакого желания покидать это кресло, — сказал Карлос. — Так что угощайтесь сами, пожалуйста. Спасибо, Пьетро. Попроси двух наших пассажиров присоединиться к нам, если они не против. — Парень вновь отдал честь и удалился. — Еще двое до Югославии. Не знаю, какие там у них дела, впрочем, как не знаю и ваших. Вы не знаете их, они — вас, как проходящие мимо друг друга ночные корабли. Правда, корабли обмениваются опознавательными сигналами. Правила вежливости в открытом море.

Петерсен показал на корзину, из которой Джордже уже наливал фон Караянам апельсиновый сок.

— Еще одно проявление вежливости в откры-

том море. Должен сказать, несколько смягчает суровые условия тотальной войны.

— Точно такие же чувства и у меня. Но благодарить стоит вовсе не наше адмиралтейство, оно такое же прижимистое, как и адмиралтейства по всему миру. Часть припасов из винных погребов моего отца — и они, смею заметить, привели бы в восторг ваших трехзвездочных сомелье, — а часть подарена заграничными друзьями.

— Крушковац. — Джордже дотронулся до бутылки. — Граппа. Пелинковац. Стара сливовица. Два превосходных марочных вина из дельты Неретвы. Ваши заграничные друзья — все из Югославии. Наш гостеприимный и заботливый юный друг Пьетро — ясновидящий? Он думает, что мы направляемся в Югославию? Или его об этом проинформировали?

— Похоже, подозрительность — часть вашей профессии. Не знаю, что думает Пьетро, не знаю даже, что он может думать. Его никто не информировал. Он просто знает. — Карлос вздохнул. — Боюсь, романтика и очарование плаща и кинжала, тайных миссий — это не наше. Наверное, в Термоли, если поискать, можно найти кого-нибудь, кто совсем уж глух, слеп или туп, хотя я в этом сомневаюсь. Но если даже вы

такого найдете, он будет там единственным, кто не знает, что «Коломбо» — так зовется наша увечная посудина — совершает регулярные и пока что вполне надежные рейсы к югославскому побережью. Если это сколько-нибудь вас утешит — я единственный, кто знает, куда именно мы направляемся. Если, конечно, кто-то из вас не проговорился. — Он налил себе скотча. — Ваше здоровье, господа. И ваше, юная дама.

— Мы не очень-то разговариваем на такие темы, но на любые другие я готов говорить сколько угодно, — с грустью проговорил Джордже, и тут же подтвердил собственные слова: — Университет, вы говорили? По морскому профилю?

— По медицинскому.

— Медицинскому? — Джордже налил себе граппы, будто пытаясь смягчить удивление от услышанного. — Только не говорите мне, что вы врач.

— Не стану ничего говорить. Но у меня есть подтверждающий документ.

— Тогда зачем вам все это? — Петерсен обвел рукой помещение.

— Хороший вопрос. — Карлос на мгновение погрустнел, как до этого погрустнел Джордже. — Итальянский военный флот. Впрочем, как и

любой другой. Взять, к примеру, опытного механика — казалось бы, ему самое место в машинном отделении корабля. И кем он становится? Коком. А шеф-повар из модного ресторана? Пулеметчиком. — Он сделал рукой жест, такой же, как до этого Петерсен. — Поэтому, руководствуясь своей всеохватной мудростью, меня поставили на это место. Доктор Тремино, перевозчик первого класса. А учитывая состояние транспортного средства — скорее, второго. — (В дверь постучали.) — Входите, входите.

Через низкий комингс шагнула молодая женщина, которой могло быть от двадцати до тридцати пяти, среднего роста, в синем свитере, такого же цвета жакете и юбке, бледная, без следов косметики, неулыбчивая, серьезная. Ее черные как ночь волосы низко падали на лоб, словно вороново крыло, почти скрывая левую бровь. Оспина на левой скуле лишь подчеркивала, а не преуменьшала классическую вневременную красоту ее черт, которая, вероятно, не изменилась бы и через двадцать, и через тридцать лет. Мужчину, вошедшего вслед за ней, тоже вряд ли изменило бы время, но вовсе не по причине идеального совершенства его лица. Высокий, крепко сложенный, светловолосый, он был безнадежно

уродлив, и виной тому была отнюдь не природа. Судя по виду его ушей, щек, подбородка, носа, зубов, за время своей карьеры ему приходилось вступать в частый и ожесточенный контакт со множеством как тупых, так и острых предметов. При всем при том лицо вошедшего сохраняло определенную привлекательность, в основном благодаря искренней улыбке; похоже было, его, как и Карлоса, никогда не покидает веселое расположение духа.

— Это Лорен и Джакомо, — объявил Карлос, а затем представил им Петерсена и всех остальных. У Лорен оказался мягкий негромкий голос, по тону и тембру удивительно схожий с Зариной, чего вполне предсказуемо нельзя было сказать о Джакомо. Сила, с какой он пожимал руку, внушала страх, и лишь Зарину он взял легонько за пальцы и галантно поцеловал тыльную сторону ее кисти. Подобный жест в исполнении Джакомо вполне мог показаться показным, театральным, но никто его так не воспринял, в том числе и сама Зарина, которая лишь улыбнулась молча, — это была первая улыбка, которую Петерсен увидел у нее на лице. Его нисколько не удивило, что зубы девушки повергли бы в восторг любого дантиста или, наоборот, привели бы к отчаянию, в зависи-

мости от того, какие соображения были для него важнее — эстетические или финансовые.

— Угощайтесь. — Карлос показал на плетеную корзину. Джакомо, явно как человек действия, уговаривать себя не заставил. Он налил Лорен бокал минеральной воды «пеллегрино», из чего следовало, что он уже с ней знаком и что она разделяет отвращение фон Караянов к алкоголю, затем смешал себе скотч с водой, сел и лучезарно улыбнулся присутствующим:

— Здоровья всем! — Он поднял свой наполненный до краев стакан. — И пусть трепещут наши враги!

— Какие-то конкретные враги? — спросил Карлос.

— Слишком долго пришлось бы перечислять. — Джакомо попытался изобразить грусть, но безуспешно. — У меня их много. — Он сделал большой глоток. — Это что, какое-то совещание, капитан Карлос?

— Совещание, Джакомо? Господи, нет. — Петерсену не потребовалось особых дедуктивных способностей, чтобы понять, что эти двое познакомились отнюдь не сегодня. — Зачем мне устраивать совещание? Моя работа — доставить вас туда, куда вам нужно, и помочь мне в этом вы

никак не можете. После того, как вы высадитесь на берег, я не смогу помочь вам, что бы вы ни собрались делать. Так что совещаться не о чем. Но как перевозчику мне доставит удовольствие представлять друг другу моих гостей. Люди вашей профессии зачастую слишком быстро реагируют на опасность, действительную, мнимую ли, ту опасность, которую они могут почувствовать, встретив кого-нибудь незнакомого ночью на темной палубе. Сейчас такой опасности нет. А есть три вещи, о которых я хотел бы коротенько упомянуть. Во-первых — размещение. Лорен и Джакомо предоставлены отдельные каюты, если можно так назвать нечто размером с телефонную будку. Все честно. Первым достается лучшее. У меня есть еще две каюты, одна на троих, другая на двоих. — Он взглянул на Михаэля. — Вы с… Зариной — брат и сестра?

— Кто вам сказал? — Вряд ли Михаэль собирался проявлять агрессию, но его нервная система успела пострадать от встречи с Петерсеном и его друзьями, и в словах молодого человека прозвучала неподдельная злость.

Карлос слегка наклонил голову.

— Господь наделил меня глазами, — без тени улыбки ответил он, — и они говорят мне, что

передо мной близнецы.

— Не проблема. — Джакомо поклонился смущенной девушке. — Юная дама окажет мне честь поменяться со мной каютами?

— Вы очень любезны, — кивнула она с улыбкой.

— Второе — еда. Вы можете поесть на борту, но не рекомендую. Джованни готовит исключительно под принуждением и постоянно протестует. Я его не виню — он наш механик. Все, что выходит с камбуза, даже кофе, имеет вкус и запах машинного масла. Тут неподалеку есть сносное кафе — скажем так, относительно сносное, но меня там знают. — Он по очереди улыбнулся обеим женщинам. — Думаю, я к вам присоединюсь, хотя и придется пойти на немалые жертвы. Третье. Вы можете сходить на берег, когда захотите, впрочем, с трудом себе представляю, кому бы захотелось на берег в такую ночь — ну разве что только затем, чтобы избежать стряпни Джованни. На улице полицейские патрули, но их энтузиазм обычно падает вместе с температурой воздуха. Если все-таки наткнетесь на какой-нибудь, просто скажите, что вы с «Коломбо», — в самом худшем случае вас препроводят сюда для проверки.

— Пожалуй, рискну, несмотря на погоду и полицию, — сказал Петерсен. — То ли годы уже не те, то ли просто слишком много часов провел в этом клятом грузовике, а может, то и другое вместе, но ноги размять не мешает.

— Тогда возвращайтесь через час, и пойдем поедим. — Карлос взглянул на висевшие на переборке часы. — Мы должны вернуться к десяти. Отправляемся в час ночи.

— Так поздно? — с нескрываемым удивлением спросил Михаэль. — Это же еще через несколько часов. Почему бы нам…

— Отправляемся в час ночи, — терпеливо повторил Карлос.

— Но ветер усиливается. Море уже наверняка неспокойно. И будет еще неспокойнее.

— Да, может быть неприятно. Плохо переносишь море, Михаэль? — В словах Карлоса звучало сочувствие, чего нельзя было сказать о выражении его лица.

— Нет… да… не знаю. Не понимаю… в смысле, не могу понять…

— Михаэль, — мягко сказал Петерсен. — На самом деле никого не волнует, чего ты не понимаешь или не можешь понять. Лейтенант Тремино — капитан. Капитан принимает решения. Никто

и никогда не спорит с капитаном.

— На самом деле все очень просто. — Карлос явно обращался к Петерсену, а не к Михаэлю. — Гарнизон, который охраняет порты, такие, как Плоче, — вовсе не специальные войска. Тамошние солдаты — либо престарелые деды, либо зеленые юнцы. И те и другие постоянно нервничают и готовы стрелять по любому поводу, а то, что им сообщают по радио о моем прибытии, похоже, никак не остужает их пыл. Опыт и несколько удачных спасений научили меня, что самое разумное — прибывать на рассвете, чтобы даже самые подслеповатые глаза увидели, как бравый капитан Тремино идет под самым большим итальянским флагом на всей Адриатике.

Ветер, как и говорил Михаэль, действительно усилился и пронизывал до костей, но Петерсен и двое его спутников страдали недолго, благодаря безошибочно работавшему радару в голове у Джордже. Таверна, в которой они оказались, выглядела столь же захолустно, как и любая портовая таверна, но там, по крайней мере, было тепло.

— Не слишком долгая прогулка, чтобы размять ноги, — заметил Джордже.

— С моими ногами все в порядке. Я просто хотел

поговорить.

— Почему не в каюте? У Карлоса больше вина, граппы и сливовицы, чем он может употребить…

— Как мы уже говорили, у полковника Лунца длинные руки.

— Ах вот оно что! Жучок?

— А ты бы от него такого не ожидал? Было бы странно с твоей стороны.

— Увы, боюсь, я понимаю, о чем ты.

— А я нет, — с обычной для него подозрительностью бросил Алекс.

— Карлос, — сказал Петерсен. — Я его знаю. Вернее, я знаю, кто он. Я знал его отца, капитана флота, в отставке, но в списках резерва — почти наверняка он сейчас на действительной службе, капитан крейсера или вроде того. Он стал капитаном запаса итальянского флота тогда же, когда мой отец стал полковником запаса югославской армии. Оба любили море, и оба занимались торговлей корабельным оборудованием, причем весьма успешно. Их пути почти неизбежно пересеклись, и они стали лучшими друзьями. Они часто встречались, обычно в Триесте, и я несколько раз при этом присутствовал. Мы фотографировались, и Карлос вполне мог

видеть фото.

— Если он их видел, — проговорил Джордже, — остаются лишь благостные надежды, что невзгоды судьбы и груз прошедших лет помешают Карлосу опознать в майоре Петерсене прежнего беззаботного юнца.

— Это что, так важно? — спросил Алекс.

— Я знал полковника Петерсена много лет, — ответил Джордже. — В отличие от его сына, он был весьма откровенным человеком.

— Вот как?

— Жаль Карлоса, очень жаль. — В голосе Джордже прозвучала грусть, возможно вполне искренняя. — В высшей степени приятный молодой человек. То же можно сказать и о Джакомо — естественно, за исключением молодости. Неплохо бы иметь их обоих рядом в минуты невзгод и опасностей, а других минут, похоже, у нас не бывает. — Он покачал головой. — Ах, где мои башни из слоновой кости?

— Ты должен быть благодарен за эту щепотку реализма, Джордже. Как раз тот самый противовес, в котором нуждаетесь вы, ученые. Что скажешь про Джакомо? Итальянский аналог британского коммандос?

— Джакомо жестоко били или жестоко пыта-

ли, а может, и то и другое вместе. Несомненно, готовый материал для коммандос. Но не итальянского. Черногорского.

— Черногорского?

— Ну, знаешь, Черногория, — Джордже порой был способен на изысканный сарказм, дар, отточенный и доведенный до совершенства за проведенное в академических кругах время, — провинция нашей родной Югославии.

— Со светлыми волосами и безупречным итальянским?

— Светлые волосы — не редкость в Черногории, и, хотя его итальянский весьма хорош, легкий акцент угадывается безошибочно.

Петерсен не усомнился в его словах ни на мгновение. Способность Джордже различать языки, диалекты, акценты и все их тонкости вошла в поговорку и была известна далеко за пределами Балкан.

Ужин оказался более чем сносным, заведение — более чем приличным. Карлоса там не только знали, но и относились к нему почтительно. Лорен в основном молчала, а если говорила, то лишь с сидевшим рядом с ней Карлосом. Похоже, она тоже родилась в Пескаре. Вполне предсказуемо, что ни Алекс, ни Михаэль, ни Зарина не

вставили в разговор ни слова, впрочем это никого не волновало. Карлос и Петерсен беседовали расслабленно, хотя это тоже не имело особого значения, поскольку, когда в разговор включались Джакомо и Джордже, зачастую одновременно, они тут же заполняли любые паузы, говорили много, но в основном ни о чем.

Когда возвращались на корабль, пришлось сражаться не только с заметно усилившимся ветром, но и с мокрым снегом. Карлос, чуть под хмельком, держался на ногах не столь уверенно, как ему казалось, или, скорее, как, по его мнению, должно было казаться остальным. Споткнувшись во второй раз, он шел дальше рука об руку с Лорен; кто кого взял под руку, можно было только догадываться. Когда они подошли к трапу, «Коломбо» заметно покачивался у причала; это здесь, в гавани, что-то будет в открытом море?

К удивлению Петерсена и его плохо скрываемому раздражению, сменившемуся едва ли не злостью, внизу их ждали еще пятеро. Предводитель пятерки, представившийся как Алессандро, — Карлос проявлял к нему необычайное уважение — был высок и худ, с седыми волосами, крючковатым носом, бескровными губами и зачатками бровей. Троих из четверых спутников, они были

примерно вдвое его моложе, он представил как Франко, Колу и Зеппа, что, вероятно, было сокращением от имен Франческо, Николас и Джузеппе; четвертого звали Гвидо. Как и их предводитель, они были в невыразительной штатской одежде. И так же, как он, производили впечатление людей, которые куда лучше чувствовали бы себя в форме. Их лица, как и у Алессандро, были холодны, жестки и бесстрастны.

Быстро глянув на Джордже, Петерсен повернулся и покинул каюту. Джордже и Алекс последовали за ним. Петерсен едва успел что-то сказать, когда в коридоре появился Карлос и быстро направился к ним:

— Вы чем-то расстроены, майор Петерсен?

Карлос уже не называл его «Петр». В голосе капитана сквозила легкая тревога.

— Мне, по-вашему, нужно радоваться? Да, я говорил Михаэлю, что никто никогда не оспаривает решений капитана, но это совсем другое дело. Как я понимаю, эти люди — тоже пассажиры до Плоче? — (Карлос кивнул.) — Где они будут спать?

— У нас есть кубрик на пятерых. В носовой части. Я не думал, что это стоит упоминания, впрочем, как и факт их присутствия…

— Еще не радует то, что в Риме у меня сложи-

лось четкое впечатление: путешествовать мы будем одни. Я не договаривался с вами насчет того, что с нами будут еще пятеро, даже семеро мне совершенно незнакомых людей. Меня также не радует, что вам они знакомы — по крайней мере, Алессандро. — Карлос хотел что-то сказать, но Петерсен остановил его жестом. — Вряд ли вы считаете меня настолько тупым, чтобы это отрицать. Не в ваших правилах проявлять почтение, граничащее чуть ли не со страхом, к незнакомым вам людям. И последнее: меня не радует, что они выглядят как банда профессиональных убийц, жестоких и безжалостных. Понятное дело, они совсем не такие, просто им самим так кажется — именно потому я и употребил слово «выглядят». Единственная опасность, которая исходит от них, — это непредсказуемость. В словаре настоящего наемного убийцы подобного слова не существует. Он делает в точности то, что собирается сделать. И стоит заметить, раз уж зашел разговор об изящном искусстве предумышленного санкционированного убийства, реальный наемный убийца никогда, повторяю, никогда не выглядит им.

— Похоже, вы много чего знаете о наемных убийцах. — Карлос едва заметно улыбнулся. — И

возможно, я сейчас разговариваю с тремя из них.

— Абсурд! — Умей Джордже фыркать, наверняка сделал бы это.

— А что скажете насчет Джакомо?

— Создается впечатление, что Джакомо — танковая дивизия в одном лице, — ответил Петерсен. — Хладнокровное убийство исподтишка — не его сильная сторона. Он никак не подошел бы на эту роль. Впрочем, вам это прекрасно известно, вы ведь знаете его много лучше нас.

— Почему вы так считаете?

— Потому что умение притворяться — не ваша сильная сторона.

— Точно так же говорил наш руководитель школьного драмкружка. Ну а Лорен?

— Вы с ума сошли! — возмущенно заявил Джордже.

— Он вовсе так не считает, — улыбнулся Петерсен. — Только предполагает. По классике, у прекрасных женщин почти всегда отсутствует нежный взгляд.

Карлос тут же подтвердил уже начавшее складываться мнение, что актер из него действительно никакой — он явно был доволен и нисколько этого не скрывал.

— Раз вы не рады, — произнес он, — то приношу

свои извинения, хотя на самом деле не понимаю, за что мне извиняться. У меня есть приказ, и мой долг — ему повиноваться. Больше мне ничего не известно. — (Петерсен вновь подумал, что актер он не из лучших, но предпочел промолчать.) — Может, вернемся ко мне в каюту? До отплытия еще три часа. Более чем достаточно, чтобы выпить рюмочку на ночь. Или две. Алессандро и его люди, как вы сами только что сказали, не настолько свирепы, как может показаться.

— Спасибо, — ответил Петерсен. — Но, извините, — нет. Пожалуй, мы просто прогуляемся по верхней палубе, а потом пойдем спать. Так что спокойной ночи.

— По верхней палубе? В такую погоду? Замерзнете.

— Холод — наш старый друг.

— Предпочитаю иное общество. Но — как пожелаете, господа. — Он оперся рукой о стенку, когда «Коломбо» резко накренился. — Боюсь, сегодня нас будет основательно болтать на волнах. У торпедных катеров могут быть свои достоинства, о которых я, возможно, когда-нибудь узнаю, но море к ним не слишком милосердно. С Нептуном, надеюсь, вы тоже на дружеской ноге?

— Это наш близкий родственник, — сказал

Джордже.

— Кроме упомянутой мелочи, обещаю вам спокойное, даже скучное путешествие. Мятежа на борту у меня пока не бывало.

— Ну? — спросил Петерсен, когда они остановились с подветренной стороны надстройки.

— Что «ну»? — мрачно проговорил Джордже. — Ничего хорошего. Семеро незнакомцев на борту, и наш уважаемый Карлос, похоже, всех их хорошо знает. Всё против нас. Хотя вряд ли в этом есть что-то новое. — (Во мраке светился красный огонек его тошнотворной сигары.) — Было бы наивным с моей стороны сомневаться, что наш добрый друг полковник Лунц знаком со списком пассажиров «Коломбо».

— Да уж.

— И мы, естественно, готовы к любым неожиданностям.

— Само собой. А что конкретно ты имеешь в виду?

— Ничего. Будем по очереди стоять на страже нашей каюты.

— Непременно. Если мы вообще останемся в ней.

— Ага! У нас есть план?

— Никакого плана. Что думаешь по поводу

Лорен?

— Одно скажу наверняка — она прелестна. Очаровательная молодая дама.

— Я тебе уже говорил, Джордже. Насчет твоего возраста и впечатлительности. Сейчас я имею в виду не это. Меня удивляет ее присутствие на борту. Не могу понять, как она вписывается во всю эту разношерстную компанию, которую Карлос везет в Плоче.

— Разношерстную? Впервые слышу, что у меня есть шерсть. И чем Лорен от них отличается?

— Все пассажиры этого судна что-то да замышляют, — по крайней мере, я их в этом сильно подозреваю. Но ее я не подозреваю ни в чем.

— Ого! — с восхищением произнес Джордже. — Она просто уникум.

— Карлос дал нам понять — к чему, возможно, приложил немало усилий, — что она тоже родом из Пескары. Как думаешь, Джордже, она действительно из Пескары?

— Откуда мне знать, черт побери? С тем же успехом она может быть из Тимбукту.

— Ты меня разочаровываешь, Джордже. Или специально делаешь вид, будто не понимаешь. Ладно, буду терпелив. С твоим несравненным знанием нюансов всех европейских языков… Она

родилась или выросла в Пескаре?

— Ни то ни другое.

— Но она итальянка?

— Нет.

— Значит, все снова указывает на Югославию?

— Может, тебе и указывает, но не мне. Мне — на Англию.

— Что? Англия?

— В ее речи безошибочно слышен налет того, что Би-би-си именует типовым южным английским. — Джордже скромно откашлялся; его самодовольство порой могло довести до белого каления. — Для тренированного уха, естественно.

Глава 3

Предчувствия Алекса, как и Карлоса, оказались ошибочными — или, в случае Алекса, наполовину. Он мрачно утверждал, что будет очень, ну очень холодно, и в три ночи любой из пассажиров «Коломбо» с ним согласился бы. Мокрый снег, столь плотный, что видимость упала практически до нуля, сильно охлаждал катер. При нормально работающем обогреве это вряд ли имело бы значение, но отопление на судне, как практически и всё на борту, функционировало где-то на одну треть, так что для дрожащих от холода пассажиров — и команды — снег стал одной из главных проблем.

Алекс ошибался, пусть ненамного, когда говорил насчет восточно-северо-восточного ветра. Ветер дул северо-восточный. Для непрофессионала, впрочем как и для любого, кто ни разу не бывал на борту старого торпедного катера, незначительная разница в двадцать три градуса могла бы показаться ничтожной. Но для тех, кто на борту, особенно для слабых желудком, она была вполне ощутимой, на грани между неприятным

и невыносимым. Если бы «Коломбо» двигался навстречу волнам и ветру, качка была бы неприятной; если бы волны били ему в борт, она стала бы еще неприятнее, но в эту ночь, когда катер шел под двухрумбовым углом к ветру, болтанка делалась последней соломинкой для любого, кому повезло меньше других, вызывая разной степени приступы морской болезни, от легких до острых.

Карлос предсказывал, что путешествие будет спокойным и даже скучным, но по крайней мере два человека, внешне не подверженные воздействию качки и холода, не разделяли его уверенности. Дверь боцманского хозяйства, что находилась слева от трапа, ведущего в машинное отделение, была чуть приоткрыта, и за ней виднелись смутные очертания Петерсена и Алекса; они стояли в полуметре от порога неосвещенного помещения. Света, однако, вполне хватало, чтобы видеть, что в руке у Алекса пистолет-пулемет, а Петерсен, опиравшийся левой рукой о стенку, другую держит в кармане пальто. Петерсен давно себя приучил к тому, что, когда рядом Алекс и силы противника не очень уж велики, иметь при себе оружие нет никакой нужды.

Дверь их маленькой каюты, что находилась

почти напротив, по правой стороне полуосвещенного коридора, была закрыта. Петерсен знал, что за дверью Джордже и он, как и они, не спит. Взглянув на часы с подсветкой, Петерсен отметил, что они с Алексом на посту уже больше чем полтора часа. Оба не проявляли никаких признаков усталости или скуки, не чувствовали холода, и их бдительность нисколько не ослабевала — точно так же они сотни раз ждали, порой значительно дольше, в открытых всем ветрам ледяных горах Боснии, Сербии, Черногории, и смерть их обходила всегда. Но в эту ночь ожидание продлилось короче, да и условия было не сравнить с теми.

На девяносто третьей минуте в той части коридора, что ближе к носу, появились двое. Они быстро прошли на корму, пригнувшись и пытаясь двигаться скрытно, что не очень им удавалось: при каждом крене «Коломбо» их швыряло от переборки к переборке. Они попробовали разуться — чтобы поменьше шуметь, — но такая тактика выглядела нелепо: торпедный катер грохотал так, что они с тем же успехом могли маршировать в подкованных сапогах, и никто бы их не услышал. У каждого из-за пояса торчал пистолет, и у обоих в правой руке было нечто пострашнее пистолета — ручная граната.

Это были Франко и Кола, и вид у обоих был не особо радостный. Петерсен сразу понял причину, и была она вовсе не в сути порученной им задачи или в угрызениях совести. Оба попросту ни разу не бывали в открытом море и, судя по бледности их напряженных лиц, никогда бы больше не повторили этого опыта. Логично было предположить, что Алессандро отправил на задание самых стойких из своего отряда, так что можно было догадаться, в каком состоянии пребывали остальные. Их каюта находилась прямо на носу корабля — в месте, которого следовало в первую очередь избегать в бушующем море. Остановившись перед дверью, за которой таился Джордже, они переглянулись. Петерсен подождал, пока корабль выровняется и наступит относительная, пусть и короткая, тишина.

— Ни с места!

Франко, по крайней мере, хватило ума не двигаться. Кола же всецело подтвердил мысль Петерсена, что никакие они не наемные убийцы, а лишь пытаются ими выглядеть. Выронив гранату — похоже, он хорошо владел только правой рукой, — Кола потянулся к пистолету и развернулся кругом, как он надеялся, одним быстрым плавным движением. Но для Алекса его потуги

выглядели до жалости медлительными. Кола едва успел достать из-под ремня пистолет, как Алекс нажал на спуск, и в замкнутом металлическом пространстве неожиданно громко отдался звук выстрела. Кола выронил оружие, непонимающе уставившись на свое раздробленное плечо, и сполз спиной по переборке на пол.

— Такие никогда ничему не учатся, — мрачно проговорил Алекс. Он был не из тех, кто получает детское наслаждение от столь по-детски простых побед.

— Может, у него не было возможности научиться, — ответил Петерсен. Освободив Франко от его арсенала, он подобрал пистолет и гранату Колы, когда в дверях каюты образовался Джордже. Он тоже был вооружен пистолетом, но вряд ли собирался им воспользоваться, держа оружие дулом вниз. Джордже молча покачал головой.

— Прикрывай нам спину, — сказал ему Петерсен.

— Собираешься вернуть этих несчастных в лоно семьи? — (Петерсен кивнул.) — Поступок, достойный христианина. Их нельзя отпускать одних.

Петерсен и Алекс двинулись обратно по коридору следом за Колой и поддерживавшим его

Франко. Не успели они сделать и четырех шагов, как слева, сразу за Джордже, открылась дверь и в коридор вышел Джакомо с «береттой» в руке.

— Убери эту штуку, — попросил Джордже. Дуло его пистолета все так же смотрело в палубу. — И так уже достаточно пошумели.

— Потому я и здесь. — Джакомо опустил пистолет. — В смысле, из-за шума.

— Что-то ты не слишком спешил.

— Сначала надо было одеться, — с некоторым достоинством произнес Джакомо. На нем были штаны цвета хаки, обнаженную загорелую грудь пересекало множество шрамов. — А вы, я вижу, одеты по погоде. Полагаю, ожидали чего-то подобного? — Он посмотрел вслед медленно перемещающейся по коридору четверке. — Что, собственно, случилось?

— Алекс подстрелил Колу.

— Браво, Алекс! — Если Джакомо и насторожила новость, он тщательно это скрывал. — И стоило ради этого вставать?

— Кола думает, возможно, иначе. — Джордже деликатно откашлялся. — Значит, ты не из их компании?

— С ума сошел?

— Не совсем. Я ведь из вас никого не знаю. Но

ты на них не похож.

— Весьма любезно с твоей стороны, Джордже. И что дальше?

— Мы ничего не выясним, если будем вот так стоять.

Через пару секунд они нагнали остальных. Это было несложно, стонущий Кола еле волочил ноги. Мгновение спустя открылась дверь в носовом конце коридора, и в ней возникла вооруженная фигура Зеппа; сейчас он вовсе не походил на безжалостного убийцу, как это было несколько часов назад. Не требовалось особой фантазии, чтобы различить зеленоватую бледность его лица — явный признак морской болезни. Нетрудно было понять, почему Алессандро поручил задачу Франко и Коле.

— Зепп, — почти дружелюбно объяснил Петерсен, — у нас нет никакого желания тебя убить. Прежде чем ты сумеешь до нас добраться, тебе придется прикончить своих друзей, Франко и Колу. Вряд ли бы тебе это понравилось, верно, Зепп? — (Судя по бледному лицу Зеппа и его неуверенному виду, происходящее в самом деле ему не нравилось.) — Что еще хуже, Зепп, прежде чем ты успеешь уложить второго своего друга, ты уже сам будешь мертв. Брось оружие, Зепп.

Несмотря на временно пошатнувшееся здоровье, со слухом у Зеппа все было в порядке. Его далеко не новый «Энфилд–303» с грохотом упал на палубу.

— Кто стрелял? — К ним уже ковылял Карлос с пистолетом в руке, на этот раз без обычной для него улыбки на лице. — Что тут происходит?

— Было бы неплохо, если бы вы нам это объяснили. — Петерсен взглянул на оружие в руке Карлоса. — А вот этого не надо.

— Надо, раз я капитан этого корабля. Кажется, я задал вопрос… — Не договорив, он вскрикнул от боли; на его запястье сомкнулась массивная ладонь Джордже. Карлос попытался высвободить руку с выражением безграничного изумления на физиономии, прикусив губу в попытке сдержать очередной вскрик. Джордже забрал оружие из онемевших пальцев капитана.

— Вот оно, значит, как, — проговорил Карлос, бледнея. — Получается, я был прав. Вы и есть наемные убийцы. Может, еще и собираетесь захватить мое судно?

— Боже милостивый, нет, конечно! — ответил Джордже. — У вас аж костяшка на указательном пальце побелела. Поспешные действия никому еще не шли впрок. — Он вернул пистолет Кар-

лосу и помпезно добавил: — Как никому еще не помогало бессмысленное насилие.

Карлос взял пистолет, сунул, поколебавшись, его за пояс и начал массировать потревоженное запястье. Демонстрация мирных намерений явно сбила его с толку.

— Все равно не понимаю… — неуверенно сказал он.

— Мы тоже не понимаем, Карлос, — ответил Петерсен. — Мы тоже. Именно этим мы сейчас и занимаемся — пытаемся понять. Возможно, вы могли бы нам помочь. Эти двое, Франко и Кола — боюсь, второму в ближайшее время потребуется ваша мирная профессия, — хотели на нас напасть. Может, они хотели нас убить, хотя вряд ли. В любом случае с задачей они не справились.

— Любители, — сказал Джордже, словно это все объясняло.

— Любители, согласен. Но эффект от любительской пули может быть таким же убедительным, как и от профессиональной. Прежде всего мне хотелось бы знать, что им от нас было нужно. Думаю, вы могли бы мне в этом помочь. Карлос.

— И чем я могу помочь?

— Вы знаете Алессандро.

— Знаю, но не особо. Понятия не имею, что он

может иметь против вас. Я не позволяю моим пассажирам вести партизанскую войну.

— Не сомневаюсь. Но я точно так же не сомневаюсь, что вам известно, кто такой Алессандро и чем он занимается.

— Этого я не знаю.

— Я вам не верю. Полагаю, мне следует тяжело вздохнуть, заметив, скольких неприятностей можно было бы избежать, если бы вы рассказали правду. Вы же просто ничего не говорите. Что ж, если вы не хотите нам помочь, придется разбираться мне самому. — Петерсен повысил голос: — Алессандро!

Шли секунды, но ответа не последовало.

— Алессандро, у меня в плену трое твоих людей, один из них тяжело ранен. Я хочу знать, почему эти люди решили на нас напасть. — Алессандро не отвечал, и Петерсен продолжил: — Ты не оставил мне выбора. В военное время есть либо друзья, либо враги. Друзья — это друзья, а враги умирают. Если ты друг, выходи в коридор; если нет, тебе придется остаться там, где ты есть, и умереть.

В голосе Петерсена не звучало никаких особых эмоций, но тон его был достаточно непреклонен. Карлос, забыв о боли, положил ладонь ему на

руку:

— На борту моего корабля не совершают убийств.

— Не совершали. И «убийство» — слово из мирного времени. В военное мы называем убийство казнью. — (Вряд ли его слова ободрили тех, кто слушал его из каюты.) — Джордже, Алекс. Проводите Франко и Зеппа в каюту. Только под пулю не угодите.

Франко и Зепп не нуждались в какой-либо помощи. Вне зависимости от того, считали они каюту камерой смертников или нет, они молниеносно оказались внутри. Дверь с грохотом захлопнулась, опустился водонепроницаемый засов. Петерсен взглянул на грушевидный предмет у себя в руке.

— Что это? — спросил Карлос с тревогой.

— Сами видите. Что-то вроде ручной гранаты. Джордже?

Как всегда, Джордже не требовалось объяснять, что ему делать. Он занял позицию возле двери каюты, положив руку на закрытый засов. Взявшись за дверную ручку, он нажал другой рукой на рычаг снизу гранаты и взглянул на Джордже, который тотчас же открыл засов. Приоткрыв дверь на необходимые несколько дюймов, Пе-

терсен бросил гранату внутрь и захлопнул дверь, после чего Джордже снова закрыл засов. Казалось, будто они репетировали эту процедуру не одну сотню раз.

— Господи! — Лицо Карлоса побелело. — В замкнутом пространстве… — Он озадаченно замолчал. — А… где взрыв? Грохот?

— Газовые гранаты не грохочут. Они шипят. Как быстро они срабатывают, Джордже?

Джордже уже убрал руку с засова.

— Пять секунд, и готово. Почти молниеносно, можно сказать.

Карлос все еще не мог прийти в себя.

— Какая разница? Взрывчатка или отравляющий газ…

— Это не отравляющий газ, — терпеливо проговорил Петерсен. — Джордже… — Он сказал несколько слов на ухо своему грузному помощнику, который улыбнулся и быстро направился на корму. Петерсен повернулся к Карлосу. — Вы что, хотите, чтобы ваш друг Кола умер?

— Он не мой друг, и ему не грозит опасность умереть. — Карлос повернулся к только что появившемуся старику Пьетро. — Принеси мою аптечку и прихвати двух своих парней. Я введу ему снотворное, оно его вырубит на время, и

кровоостанавливающее средство. Потом сделаю перевязку. Наверняка у него перебита кость, а может, и не одна. Плечо, возможно, безнадежно раздроблено, но в открытом море я все равно ничего не могу сделать. — Он посмотрел в сторону кормы и провел рукой по лбу, издав беззвучный стон. — Похоже, у нас новые проблемы.

К ним приближался Михаэль фон Караян, за которым вплотную следовал Джордже. Михаэль пытался изображать негодование и злость, но выглядел лишь жалким и испуганным. Джордже лучезарно улыбался:

— Воистину, майор, наше новое поколение не в чем упрекнуть! Можно лишь восхищаться их самоотверженностью. Наш старый добрый «Коломбо» совершает невероятные кульбиты, но разве это останавливает Михаэля перед тем, чтобы отточить свои умения? Нисколько. Даже в эту ужасающую погоду он в наушниках горбится над передатчиком…

Петерсен поднял руку. Когда он заговорил, взгляд его был столь же холоден, как и голос.

— Это правда, фон Караян?

— Нет. В смысле…

— Врешь. Если Джордже говорит, что это правда, — значит это правда. Что за сообщение ты

посылал?

— Я не посылал никаких сообщений. Я…

— Джордже?

— Он ничего не передавал, когда я пришел.

— Вряд ли он мог успеть, — сказал Джакомо. — Уж точно не за то время, когда я вышел из нашей каюты, а потом туда пришел Джордже. — Он с явным отвращением взглянул на теперь уже заметно дрожащего Михаэля. — Он не только трус, но и дурак. Я же мог вернуться в любой момент. Почему не запер дверь, чтобы его точно никто не побеспокоил?

— Что за сообщение ты собирался передать? — спросил Петерсен.

— Я ничего не собирался…

— Опять врешь. Кому ты передавал или хотел передать?

— Я не собирался…

— Хватит уже. В третий раз врешь. Джордже, конфискуй его аппаратуру. И у его сестрицы тоже на всякий случай.

— Вы не можете… — ошеломленно проговорил Михаэль. — Забрать наше радио? Это наша аппаратура.

— Боже милостивый! — Петерсен недоверчиво посмотрел на парня. Возможно, недоверие

было наигранным, но значения это не имело — эффект был тот же самый. — Я твой командир, придурок желторотый! Я не только могу забрать твою аппаратуру, я могу посадить тебя под замок по обвинению в мятеже. Если потребуется — в наручниках. — Петерсен покачал головой. — «Не можете», надо же! И еще одно, фон Караян. Неужели ты настолько глуп, что не знаешь: использование радио в открытом море в военное время не уполномоченными на то лицами является очень серьезным преступлением? — Он повернулся к Карлосу. — Правильно, капитан Тремино? — Официальный тон придал его вопросу всю серьезность военно-полевого суда.

— Боюсь, именно так, — без особой радости согласился Карлос.

— Этот юноша входит в число уполномоченных лиц?

— Нет.

— Вот видишь, фон Караян? Капитан тоже имеет все основания посадить тебя под замок. Джордже, отнеси радиостанции в нашу каюту. Нет, погоди. Это нарушение морского устава. — Он взглянул на Карлоса. — Как думаете…

— У меня в каюте есть вполне подходящий сейф, — сказал Карлос. — Ключ только один.

— Превосходно.

Джордже ушел вместе с понуро тащившимся за ним Михаэлем. По пути они разминулись с Пьетро и двумя матросами. В руке у Пьетро был черный чемоданчик с аптечкой. Открыв аптечку, в которой, похоже, имелось все необходимое, Карлос сделал два укола несчастному Коле. После этого аптечку закрыли и унесли, а вместе с аптечкой — Колу.

— Что ж, — сказал Петерсен, — посмотрим, что там внутри.

Алекс не без усилий открыл водонепроницаемый засов — Джордже запер его на совесть — и направил на дверь ствол пистолета. Джакомо поступил так же, намеренно демонстрируя, что если он на чьей-то стороне, то однозначно не на стороне Алессандро и его банды. Петерсен не стал доставать свой «люгер», он попросту толкнул дверь.

Впрочем, оружие не потребовалось. Четверо в каюте хоть и пребывали в сознании, но пока еще соображали с трудом. Они не кашляли, не отплевывались, по их щекам не текли слезы — они просто находились в состоянии легкой апатии, словно одурманенные наркотиком. Убрав пистолет, Алекс собрал валявшееся на полу оружие,

затем тщательно обыскал всех четверых, обнаружил еще два пистолета и четыре неприятного вида ножа. Все это он вышвырнул в коридор.

— Что ж, — с легкой улыбкой на лице сказал Карлос, — похоже, мне не хватило сообразительности. В смысле, если бы вы хотели от них избавиться, вы бы впихнули туда и Колу. Это я упустил. — Он профессионально принюхался. — Закись азота, насколько я понимаю. Или попросту — веселящий газ.

— Не так уж плохо для доктора, — заметил Петерсен. — Я думал, с этим газом имеют дело только дантисты. Закись азота, очищенный вариант. После нее не просыпаешься со слезами, хохоча, распевая песни и дурачась по-всякому. Обычно вообще обходится без последствий — в смысле, ты продолжаешь спать, а после пробуждаешься, как обычно, даже не осознавая, что с тобой случилось нечто из ряда вон выходящее. Кстати, мне говорили, что если непосредственно перед применением газа ты пережил некую травму, пробуждение, как правило, наступает сразу же, как только заканчивается действие газа. И если что-нибудь заполняет твой разум, например угрызения совести, бывает то же самое.

— Странные познания для военного, — удивил-

ся Карлос.

— А я странная разновидность военного. Алекс, возьми пистолет, я осмотрюсь.

— Осмотритесь? — Карлос обвел взглядом каюту. Ее обстановку, если вообще применимо такое слово, составляли всего лишь пять узких брезентовых коек, не было даже шкафа для одежды. — Что тут смотреть?

Не удостоив капитана ответом, Петерсен стащил с коек одеяла и выбросил их на палубу. Под ними ничего не было. Подняв один из пяти рюкзаков, он бесцеремонно вывалил его содержимое на койку. Выглядело оно совершенно безобидно. Среди одежды и примитивных туалетных принадлежностей обнаружилось немалое количество боеприпасов, часть россыпью, часть в магазинах, но их Петерсен тоже счел вполне безобидными, потому что ничего иного не ожидал. Во втором рюкзаке было то же самое. Третий был закрыт на замок. Петерсен глянул на Алессандро, с безучастным видом сидевшего на полу. При взгляде на его ничего не выражавшую физиономию стыла кровь в жилах — даже намек на злость был бы предпочтительнее этой его безучастности, но Петерсен был не из тех, кого особо трогало выражение чужого лица.

— Не слишком умно с твоей стороны Алессандро. Если хочешь что-то спрятать, делай это менее вызывающе. Замок слишком заметен. Ключ?

Александро молча сплюнул на палубу.

— Еще и плюется. — Петерсен покачал головой. — Некрасиво. Скорее подошло бы второразрядному злодею. Алекс?

— Обыскать его?

— Незачем. Дай свой нож.

Нож Алекса, как ему и положено, был острым как бритва. Лезвие рассекло плотную ткань рюкзака, словно бумагу. Петерсен уставился на содержимое.

— Да уж, воистину есть повод для угрызений совести. — Он извлек из рюкзака крохотную бутановую горелку и такой же крохотный чайник — без крышки, зато с завинчивающимся носиком. Петерсен встряхнул чайник — внутри булькала вода. Он повернулся к Карлосу. — Что же это за гостеприимство такое здесь у вас на «Коломбо», если людям приходится брать с собой подручные средства, чтобы приготовить себе чай или кофе?

Вопрос слегка озадачил Карлоса.

— Любой пассажир на моем корабле может пить сколько угодно чая, кофе и вообще любые напитки в любых количествах. — Лицо его

прояснилось. — Ну конечно! Этим же на берегу пользовались.

— Ну да. — Петерсен вытряхнул содержимое рюкзака на соседнюю койку, недолго порылся в нем, затем выпрямился. — Хотя с трудом представляю себе бодрящие напитки, когда при этом нет ни чая, ни кофе, чтобы их приготовить. Ладно, хватит. То, что нужно, я выяснил; впрочем, мне уже заранее все было известно. — Он переключился на четвертый рюкзак.

— Раз вы все уже выяснили, — спросил Карлос, — так зачем продолжать?

— Естественное любопытство плюс то обстоятельство, что Алессандро, боюсь, не заслуживает особого доверия. Кто знает, вдруг в этом мешке змеиное гнездо?

Змей не оказалось, зато нашлись еще две газовые гранаты и «вальтер» с глушителем.

— Вот вам и бесшумный убийца в придачу, — проговорил Петерсен. — Всегда хотел иметь такой. — Он убрал пистолет в карман и открыл последний рюкзак.

В нем не было ничего, кроме маленького ящичка из металла размером с половину коробки для обуви. Петерсен повернулся к ближайшему из пленников, к Франко:

— Знаешь, что там внутри?

Франко не ответил.

Вздохнув, Петерсен приставил дуло «люгера» к коленной чашечке Франко.

— Капитан Тремино, если я нажму на спуск, он сможет снова ходить?

— Боже милостивый! — Карлос привык к войне, но явно не к такой. — Возможно. Но останется на всю жизнь калекой.

Петерсен отступил на два шага. Франко скосил глаза на Алессандро, но тот на него не смотрел. Франко взглянул на Петерсена и на «люгер», нацеленный на его колено.

— Знаю, — сказал Франко.

— Открой.

Франко освободил две латунные защелки и откинул крышку. Ничего не взорвалось, газ не пошел.

— Почему вы сами не открыли? — поинтересовался Карлос.

— Потому что в мире полно людей, которым не стоит доверять. Таких коробочек с сюрпризом великое множество. Если не знаешь, где скрытый движок или кнопка, можешь надышаться какой угодно дряни. В большинстве сейфов последних моделей имеется такое устройство.

Петерсен забрал ящичек у Франко. В его выложенном бархатом нутре лежали стеклянные ампулы, две круглые коробочки и два маленьких шприца для подкожных инъекций. Он взял одну коробочку и встряхнул — внутри загремело. Петерсен протянул коробочку Карлосу:

— Должно заинтересовать вас как медика. Полагаю, это набор жидкостей и таблеток, чтобы лишить жертву чувств временно или надолго, в смысле убить. Как видите, здесь семь ампул. Одна зеленая, три голубые, три розовые. Полагаю, что в зеленой скополамин, средство для воздействия на отказывающую память. Что касается разных цветов остальных шести, тут причина одна — три смертельных, три несмертельных. Согласны, капитан?

— Возможно. — Ночь для Карлоса явно выдалась не слишком приятной, и Петерсена уже не удивлял ни его несчастный вид, ни откровенная тревога, с которой он смотрел на Алессандро. — Одно от другого, понятно, не отличить.

— Я бы не стал утверждать столь однозначно. — Петерсен повернулся к вошедшему Джордже. — Все хорошо?

— Небольшие проблемы с юной дамой, — ответил Джордже. — Она с каким-то особым

воодушевлением сопротивлялась конфискации ее радио.

— Ничего удивительного. Ты же, к счастью, покрупнее ее.

— Вряд ли этим можно гордиться. Радиостанции у капитана в каюте. — Джордже окинул взглядом помещение, по которому недавно будто прошелся смерч. — Ну и беспорядок же тут!

— Не без моей помощи. — Петерсен забрал у Карлоса ящичек и подал его Джордже. — Что ты об этом думаешь?

Трудно представить, что улыбчивая и пухлая, будто у херувима, физиономия может в одно мгновение сделаться будто высеченной из камня, но именно это произошло с лицом Джордже.

— Это капсулы смерти.

— Знаю.

— Чьи? Алессандро?

— Да. — Задержав взгляд на Алессандро, Джордже кивнул и снова повернулся к Петерсену: — Думаю, нам стоит потолковать с нашим другом.

— Вы ошибаетесь, — проговорил Карлос. Голос его дрожал. — Я врач. Вы не знаете природу человека. Алессандро не станет говорить.

Джордже повернулся к нему. Выражение его лица не изменилось, и Карлос заметно сжался.

— Спокойно, малыш. Пять минут в моем обществе, самое большее десять — и заговорит любой человек в мире. Алессандро хватит и пяти.

— Может, до этого и дойдет, — кивнул Петерсен. — Скорее всего. Но все по очереди. Кроме капсул, мы нашли еще парочку интересных вещей. Этот пистолет с глушителем, например. — Он показал Джордже «вальтер». — Еще две газовые гранаты, спиртовую горелку, чайник и около двух сотен патронов. Для чего, по-твоему, может быть нужен чайник?

— Только для одного. Он собрался одурманить нас газом, украсть некий реальный или воображаемый документ — странно, почему ему взбрело в голову, что он у нас есть, — изучить его содержимое, снова запечатать в конверт, вернуться в нашу каюту, опять нас вырубить, подождать какое-то время, вернуть на место конверт, забрать гранаты и уйти. Проснувшись утром, мы почти наверняка вообще ничего не знали бы о случившемся.

— Это единственный вариант, как все могло быть: или на самом деле, или же по замыслу. Есть три вопроса. Почему Алессандро так нами интересовался? Каковы были его последующие планы? И кто его послал?

— Мы все это легко выясним, — сказал Джордже.

— Не сомневаюсь.

— Только не на борту этого корабля, — предупредил Карлос.

Джордже посмотрел на него без особого интереса:

— Почему бы и нет?

— На корабле под моим командованием не будет никаких пыток. — Слова прозвучали решительнее, чем их тон.

— Карлос, — сказал Петерсен, — не усложняйте себе и нам жизнь без особой необходимости. Нет ничего проще, чем запереть вас заодно с этой шайкой, — вы не последний, кто может найти дорогу до Плоче. Но мы не хотим и не собираемся этого делать. Мы понимаем, что вы оказались в сложной ситуации не по своей вине. Никаких пыток. Обещаем.

— Вы только что сказали, что все выясните.

— Психология.

— Наркотики? — с подозрением поинтересовался Карлос. — Уколы?

— Ни то ни другое. Тема закрыта. У меня был еще вопрос, но ответ на него очевиден: почему Алессандро решил окружить себя такими

некомпетентными помощниками? Камуфляж. У опасного человека может возникнуть искушение окружить себя другими столь же опасными людьми. Алессандро слишком умен. — Петерсен огляделся. — Никаких тяжелых предметов, а через этот иллюминатор может выбраться разве что кошка. Карлос, не могли бы вы попросить кого-нибудь из ваших людей принести сюда кувалду или что-то вроде нее. Есть у вас на борту такое?

— Зачем вам кувалда? — с прежним подозрением спросил Карлос.

— Чтобы вышибить Алессандро мозги, — терпеливо ответил Джордже. — Прежде чем мы начнем задавать вопросы.

— Чтобы запереть эту дверь снаружи, — сказал Петерсен. — Ну, понимаете, те засовы…

— Ах вот оно что! — Карлос шагнул в коридор, отдал кому-то распоряжение и вернулся. — Пойду взгляну на поверженного героя. Боюсь, я мало чем смогу ему помочь.

— Еще одно, Карлос. Когда мы отсюда уйдем, можем мы подняться в вашу каюту, или как она там называется? Где мы встретились в первый раз?

— Конечно. Могу я поинтересоваться, зачем?

— Если бы вы постояли полтора часа неподвиж-

но в этом долбаном коридоре, то поняли бы.

— Само собой. Укрепляющие средства. Угощайтесь, господа. Я потом загляну и сообщу, как дела у Колы. — Он помедлил и сухо добавил: — У вас будет куча времени, чтобы подготовиться к допросу.

Он вышел, и почти сразу же появился Пьетро с небольших размеров кувалдой. Они заперли дверь снаружи на один из восьми водонепроницаемых засовов. Одного было вполне достаточно. Точно так же Джордже хватило единственного удара кувалдой — теперь открыть засов изнутри не смогла бы даже горилла. Оставив кувалду в проходе, они направились в машинное отделение; там, они знали, сейчас никого не было — управление велось из рулевой рубки. Им потребовалось меньше минуты, чтобы найти то, что они искали. Совершив быструю вылазку на верхнюю палубу, они отправились в каюту Карлоса.

— Ну и ночка! Совсем в горле пересохло, — заявил Джордже, допивая вторую, а может, третью стопку граппы. Он взглянул на стоявшие рядом радиостанции фон Караянов. — У нас в каютах держать их более безопасно. Зачем они здесь?

— У нас в каютах держать их слишком уж безопасно. Юный Михаэль ни за что не решился бы

до них добраться, будь они там.

— Только не говори, что он решится на попытку добраться до них здесь.

— Согласен, вряд ли. Михаэль однозначно не похож на героя. Все это, конечно, может быть превосходной игрой, но, на мой взгляд, актер из него такой же, как и герой. Впрочем, оказавшись в безвыходном положении — а положение у него именно такое, иначе он не пытался бы что-либо передавать в такое время и в таком месте, — он вполне может решиться.

— Вернется Карлос, и радиостанции окажутся в сейфе. И у Карлоса единственный ключ.

— Карлос мог бы дать ему этот ключ.

— Ах вон оно что. То есть мы будем следить за Михаэлем остаток ночи? Которой не так уж много осталось? Но даже если он в самом деле попытается завладеть радиопередатчиками, что это докажет, кроме наличия некоей связи между ним и Карлосом?

— Именно это я и хочу доказать. Сомневаюсь, что кто-то из них обоих в чем-либо сознается. Зачем им это — Михаэлю, по крайней мере. Я могу отправить его под арест в Плоче за неповиновение приказу и по подозрению в связях с противником.

— Ты в самом деле его подозреваешь?

— Господи, нет. Но пытался же он с кем-то связаться, и этот кто-то вполне может быть шпионом. Это очень неплохо смотрится в перечне обвинений. Все, что я хочу, — выяснить, есть ли какая-то связь между ним и Карлосом.

— И если есть — ты готов упрятать его за решетку?

— Само собой.

— А насчет его сестры что?

— Она не совершила ничего противозаконного. Может отправиться вместе с нами, остаться в Плоче или составить ему компанию за решеткой, как ты говоришь. Решать ей.

— Прямо-таки верх благородства, — покачал головой Джордже, наливая себе граппы. — Значит, мы можем подозревать наличие связи между Карлосом и Михаэлем или отсутствие таковой, но точно подозреваем наличие связи между Карлосом и Алессандро?

— Я — нет. Хотя, думаю, Карлос знает об Алессандро намного больше, чем мы, но вряд ли ему известно, что тот замышляет. Все очень просто. Если бы Карлос был посвящен в планы Алессандро, тогда Алессандро незачем было бы тащить с собой чайник и горелку. Он мог бы просто пойти

на камбуз и вскрыть там конверт.

Вошел Карлос, Петерсен повернулся к нему:

— Как Кола?

— Жить будет. Но его плечо — сплошная каша, и я бы к нему не притронулся даже в полный штиль. Тут нужен хирург или остеолог, а я ни тот ни другой. — Карлос открыл сейф, убрал в него радиоаппаратуру и запер дверцу на ключ. — Ну что, господа, вам, может, и некуда спешить, а мне нужно вернуться в рубку.

— Один момент.

— Да, Петр? — улыбнулся Карлос. — Это допрос?

— Нет. Всего лишь пара вопросов. Ты мог бы сэкономить нам время и избавить от многих проблем.

— Каких? С допросом Алессандро? Ты обещал его не пытать.

— И до сих пор обещаю. Алессандро собирался на нас напасть и похитить кое-какие бумаги. Тебе что-нибудь об этом известно?

— Нет.

— Я тебе верю. — (Карлос слегка приподнял брови, но промолчал.) — Похоже, тебя не слишком заботит, что твой соотечественник-итальянец оказался в плену у банды нецивилизованных

югославов.

— Если речь о том, значит ли он что-либо лично для меня, — то нет.

— А его репутация?

Карлос не ответил.

— Тебе явно известна его биография, его связи, то, чем он занимается. То есть нечто такое, чего не знаем мы. Я прав?

— Возможно, хотя вряд ли тебе стоит рассчитывать, что я поделюсь подобного рода информацией.

— Я не рассчитываю. Я надеюсь.

— Не надейся. Не станешь же ты нарушать Женевскую конвенцию, чтобы вытянуть из меня эти сведения?

— Естественно, нет. — Петерсен встал. — Спасибо за гостеприимство.

Петерсен вошел в каюту, где содержались Алессандро и трое его подручных, неся в одной руке складной стул, в другой металлический ящичек с капсулами. Джордже нес два мотка толстой веревки и кувалду, ту самую, с помощью которой он только что открыл внешний засов. Алекс был вооружен одним пистолетом-пулеметом. Петерсен разложил стул, сел, с явным интересом глядя, как Джордже заколачивает засов обратно.

— Это чтобы нам никто не мешал, — объяснил Петерсен и посмотрел на Франко, Зеппа и Гвидо. — Отойдите в тот угол. Если кто-нибудь пошевелится, Алекс его пристрелит. Снимай пиджак, Алессандро.

Алессандро вновь сплюнул на пол.

— Снимай пиджак, — улыбнулся Джордже. — Или я тебя из него вышибу.

Алессандро, явно не отличавшийся оригинальностью, сплюнул опять. Джордже ударил его в область солнечного сплетения — с виду не слишком сильно, но удара хватило, чтобы Алессандро согнулся пополам, мучительно задыхаясь. Джордже сдернул с него пиджак.

— Свяжи его.

Джордже принялся за дело. Когда Алессандро немного пришел в себя и отдышался, он попробовал сопротивляться, но небрежный кулак Джордже пришелся ему по скуле, убедив его, что так вести себя неразумно. Джордже примотал обе его руки к бокам, связал вместе колени и лодыжки, а затем с помощью второй веревки надежно приторочил Алессандро к койке, так что тот не мог пошевелиться.

Удовлетворенно оглядев дело своих рук, Джордже повернулся к Петерсену:

— В Женевской конвенции об этом что-нибудь говорится?

— Возможно, возможно. Если честно, никогда ее не читал. — Петерсен открыл металлический ящичек и посмотрел на Алессандро. — В интересах науки, как ты понимаешь. Быстро и безболезненно. — (Алессандро, впрочем, его не слушал, глядя на нависшее над ним неумолимое лицо; увиденное ему совсем не нравилось.) — Здесь три голубые ампулы и три розовые. Мы считаем, и капитан Тремино, как врач, с нами согласен, что три из них смертельны, а три — нет. К сожалению, мы не знаем, какие из них какие, и есть лишь один простой и логичный способ это выяснить. Я введу тебе одну, и если ты останешься жив, мы будем знать, что это не смертельная ампула. Если нет — мы будем знать, что не смертельное вещество в других. — Петерсен взял две ампулы, одну голубую, другую розовую. — Какую, Джордже?

Тот задумчиво потер подбородок:

— Слишком большая ответственность. От моего решения может зависеть человеческая жизнь. Хотя — не такая уж большая потеря для человечества. Голубая.

— Пусть будет голубая. — Петерсен разбил ам-

пулу, вылил ее содержимое в пробирку, вставил в шприц иглу и потянул за поршень. Алессандро с зачарованным ужасом смотрел, как шприц заполняется голубой жидкостью. — Боюсь, я не слишком гожусь для этой работы. — Небрежный тон Петерсена внушал больше ужаса, чем слова, сказанные с угрозой. — Тут стоит недосмотреть — и в шприц попадет пузырек воздуха, а воздух в кровотоке может привести к весьма неприятным последствиям. В смысле, может убить. Хотя в твоем случае вряд ли разница будет очень уж велика.

Глаза Алессандро распахнуты были настежь, губы побелели.

Петерсен коснулся сгиба его правого локтя:

— Похоже, подходящая вена. — Он ущипнул вену и поднес к ней шприц.

— Нет! Нет! Нет! — Из горла Алессандро вырвался нечеловеческий вопль. — Господи, нет! Нет!

— Тебе не о чем беспокоиться, — успокаивающе произнес Петерсен. — Если это не смертельный препарат, ты просто отрубишься и придешь в себя через несколько минут. Если смертельный — тоже просто отрубишься. — Он помедлил. — Хотя… с тем же успехом он может умереть в страшных муках. — Взяв сложенный в несколько раз кусок

белой ткани, он подал его Джордже. — На всякий случай. Но осторожнее. Когда умирающий стискивает зубы, их потом нелегко разжать. Хуже того, если он укусит до крови, ты тоже можешь заразиться.

Петерсен сжал вену между пальцами. Алессандро закричал, и Джордже прижал тряпку к его рту, а через несколько секунд по кивку Петерсена убрал ее. Алессандро уже не кричал, из глубины его горла вырывался странный стон. Он отчаянно бился в путах, лицо его исказила безумная судорога; казалось, еще немного — и с ним сделается сердечный приступ. Петерсен посмотрел на Джордже, на лбу которого проступили капельки пота.

— Это ведь смертельная доза? — спокойным голосом спросил Петерсен.

Алессандро его не слышал.

Петерсену пришлось повторить вопрос дважды, прежде чем его суть дошла до обезумевшего от страха разума.

— Смертельная доза! Смертельная! — Слова охваченного ужасом Алессандро едва можно было разобрать.

— И от нее умирают в муках?

— Да, да, да! — Алессандро тяжело дышал, будто

был на грани удушья. — В муках! В муках!

— Это означает, что ты сам кому-то ее вводил. Ты не заслуживаешь ни жалости, ни сочувствия, Алессандро. К тому же, возможно, врешь. — Петерсен коснулся его кожи острием иглы.

Алессандро снова закричал. Джордже поспешно зажал ему тряпкой рот.

— Кто тебя послал? — Петерсену пришлось повторить вопрос дважды, прежде чем взгляд Алессандро стал осмысленнее. Джордже убрал тряпку.

— Чиприано, — неразборчиво прохрипел он. — Майор Чиприано.

— Врешь. Ни один майор не мог поручить такое.

Осторожно, не касаясь поршня, Петерсен ввел острие иглы рядом с веной. Алессандро открыл рот, собираясь снова закричать, но Джордже заткнул ему его, прежде чем тот успел издать хоть какой-то звук.

— Кто тебе это поручил? Игла сейчас в твоей вене, Алессандро. Все, что мне требуется, — надавить на поршень. Кто тебе это поручил?

Джордже убрал тряпку. На мгновение показалось, будто Алессандро лишился чувств, затем он снова открыл глаза.

— Гранелли, — еле слышно прошептал он. — Генерал Гранелли.

Гранелли, главу итальянской разведки, ненавидели многие, и многим он внушал страх.

— Игла все еще в вене, моя рука все еще на поршне. Полковник Лунц об этом знает?

— Нет. Клянусь, нет!

— Генерал фон Лер?

— Нет.

— Тогда откуда Гранелли узнал, что я на борту?

— Ему сообщил полковник Лунц.

— Так-так… Обычное доверие между лояльными союзниками. Что тебе было нужно вчера в моей каюте?

— Документ. Сообщение.

— Пожалуй, тебе лучше вытащить иглу, — заметил Джордже. — Кажется, он сейчас отрубится. Или сдохнет. Или еще что-нибудь.

— Что ты собирался с ним сделать, Алессандро? — Острие иглы осталось на месте.

— Сравнить его с тем, что у меня в пиджаке. — Алессандро и впрямь выглядел нелучшим образом.

Петерсен нашел во внутреннем кармане пиджака документ, оказавшийся полной копией того, что находился в его каюте. Сложив бумагу,

он убрал ее в свой внутренний карман.

— Странно, — проговорил Джордже. — Похоже, он в самом деле отрубился.

— Могу поспорить, у его жертв на это не было никаких шансов. Я бы с удовольствием надавил на поршень, — с искренним сожалением сказал Петерсен. — Вне всякого сомнения, наш друг — карательный отряд в едином лице.

Понюхав пробирку, Петерсен бросил ее и ампулу себе под ноги, раздавил их каблуком и опорожнил шприц.

— На спирту, — определил он. — Быстро высохнет. Что ж, вот и все.

В коридоре Джордже вытер вспотевший лоб:

— Не хотелось бы пройти через такое когда-нибудь еще. Наверное, как и Алессандро.

— Мне тоже, — ответил Петерсен. — А тебе, Алекс?

— Жаль, что ты не нажал на поршень, — мрачно проговорил Алекс. — Я бы с радостью пристрелил его на месте.

— Неплохая мысль. По крайней мере, он бы не мучился. В любом случае с его карьерой агента теперь покончено — или будет покончено, как только он вернется в Термоли. А может, даже и в Плоче. Давайте займемся дверью.

Дверь закрыли на все восемь водонепроницаемых засовов, после чего Джордже забил каждый из них кувалдой. Алекс, чтобы заглушить шум, прижимал к двери сложенную в несколько слоев тряпку.

— Это их на какое-то время задержит, — сказал Джордже, разделавшись с последним засовом. — Особенно если мы выкинем за борт эту кувалду.

— Добавим для надежности. — Петерсен ушел и через минуту вернулся с газовым баллоном, сварочным аппаратом и маской. Если его и можно было назвать сварщиком, то в лучшем случае любителем, но недостаток опыта с лихвой компенсировался энтузиазмом. Результат его работы не отличался особым изяществом, но это не имело значения. Важно было то, что теперь дверь каюты была заварена наглухо. — А сейчас самое время потолковать с Карлосом и Михаэлем, — сказал он. — Но сперва, думаю, стоит сделать паузу и это дело обмозговать.

— Ну и как вам? — спросил Петерсен. Он сидел за столом Карлоса, перед ним стоял стакан скотча, а рядом лежал только что написанный текст сообщения. — Посадим Михаэля, пусть передаст. Открытым текстом, естественно. ПОЛКОВНИК ЛУНЦ. Затем его кодовый номер.

ВАШИ НЕСОСТОЯВШИЕСЯ НАЕМНЫЕ УБИЙЦЫ И/ИЛИ КАРАТЕЛИ БАНДА ДИЛЕТАНТОВ ТЧК АЛЕССАНДРО И ОСТАЛЬНЫЕ РАСТЯПЫ ЗАПЕРТЫ В НОСОВОЙ КАЮТЕ КОЛОМБО ЗА ЗАВАРЕННОЙ СТАЛЬНОЙ ДВЕРЬЮ ТЧК ПРОСТИТЕ НЕ МОГУ ПОЗДРАВИТЬ ВАС ГЕНЕРАЛ ФОН ЛЕР ГЕНЕРАЛ ГРАНЕЛЛИ МАЙОР ЧИПРИАНО С ВЫБОРОМ АГЕНТОВ ТЧК С УВАЖЕНИЕМ ЗЕППО. Зеппо, как вы, возможно, помните, — мое кодовое имя.

Джордже сплел пальцы.

— Неплохо, — рассудительно проговорил он, — неплохо. Хотя и не вполне точно. Мы на самом деле не знаем, что они наемные убийцы, карателли и так далее.

— Откуда им знать, что мы этого не знаем? Наведем немного шороха в их голубятне. Хватит уже этого нежного воркования, не находишь?

— Полковник Лунц и генерал фон Лер страшно расстроятся, — широко улыбнулся Джордже. — Алессандро говорил, что они ничего не знали.

— Опять-таки, откуда им об этом знать? — возразил Петерсен. — У них связаны руки, и они готовы будут предполагать что угодно. С радостью бы послушал оживленные телефонные переговоры между упомянутыми лицами в конце дня. Нет ничего лучше, чем посеять замеша-

тельство, раздор, подозрения и недоверие среди лояльных союзников. Что ж, неплохая работа, господа. Думаю, мы сегодня заслужили по рюмке на сон грядущий, прежде чем пойти побеседовать с Карлосом.

Единственным источником света в рулевой рубке было тусклое свечение нактоуза, так что Петерсену и двум его спутникам потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к полумраку. За штурвалом стоял сам Карлос — благодаря тактичному вмешательству Петерсена рулевой временно отсутствовал.

— Меня удивляет, Карлос, — заметил Петерсен, столь же тактично кашлянув, — можно даже сказать, всерьез тревожит, что простой честный моряк вроде тебя связался с печально знаменитыми и неразборчивыми в средствах личностями, такими, как генерал Гранелли и майор Чиприано.

Карлос продолжал смотреть прямо перед собой, положив руки на штурвал. Когда он заговорил, голос его был на редкость спокоен:

— Я ни с кем из них не знаком и после сегодняшней ночи приложу все усилия, чтобы впредь ничего подобного не случилось. Приказ есть приказ, но я никогда больше не возьму на борт

кого-то из убийц-отравителей Гранелли. Они могут угрожать мне трибуналом, но дальше угроз дело не пойдет. Как я понимаю, у Алессандро развязался язык?

— Да.

— Он жив? — Судя по тону, Карлоса это не особо беспокоило.

— Жив и здоров. Никаких пыток, как и было обещано. Простая психология.

— Вряд ли бы ты стал так говорить, будь это неправдой. Ладно, я с ним потолкую. Как-нибудь. — Торопиться он, похоже, не собирался.

— Боюсь, для этого тебе придется спуститься в беседке к иллюминатору его каюты. Так уж вышло, что дверь заперта.

— Запертое можно и отпереть.

— Не в этом случае. Приносим свои извинения, что не слишком благородно поступили с итальянским военным кораблем, но мы сочли благоразумным приварить дверь к переборке.

— Ах вот как! — Только теперь Карлос взглянул на Петерсена. На лице его появилось подобие вежливого интереса. — Приварить? Весьма оригинальное решение.

— Сомневаюсь, что в Плоче найдется ацетиленовый резак.

— Я тоже.

— Возможно, вам придется возвращаться до самой Анконы, чтобы их освободить. Надеюсь, вы не потонете до того, как туда доберетесь. Это будет кошмар, если Алессандро со своими друзьями отправятся в водяную могилу.

— Кошмар, да уж.

— Мы совершили еще один не слишком благородный поступок. У вас был ацетиленовый резак. Теперь он на дне Адриатики.

Петерсен не мог видеть, как блеснули зубы у Карлоса, но он готов был поклясться, что капитан улыбнулся.

Глава 4

Море оставалось неспокойным. Волнение не утихло даже тогда, когда они оказались в относительном укрытии Неретвинского канала между островом Пелешац и побережьем Югославии, поэтому все семеро пассажиров предпочли отложить завтрак, пока катер не пришвартовался к причалу в Плоче. Уже светало, когда они вошли в порт. Даже самый ушлый автор рекламных брошюр не назвал бы его жемчужиной Адриатики. Как Карлос и говорил, портовый гарнизон предпочел по ним не стрелять, причина — безумно большой итальянский флаг, развевавшийся над их кораблем.

Завтрак, вне всякого сомнения, был творением рук Джованни, механика, — невнятное месиво из яиц и сыра, и все это, похоже, поджарено на дизельном масле. Кофе, видимо, также было сварено из него же, правда хлеб оказался вполне съедобным, а морской воздух добавил едокам аппетита, особенно тем, кто в пути страдал сильнее других.

Джакомо отодвинул полупустую тарелку. Он

был чисто выбрит и, несмотря на ужасающую еду, как всегда, весел.

— Где Алессандро со своими головорезами? Они не знают, чего лишились.

— Может, они успели позавтракать раньше, — ответил Петерсен. — Или сошли на берег.

— На берег никто не сходил. Я был на палубе.

— Значит, предпочли общество друг друга. Любители посекретничать.

— А у тебя что, нет никаких секретов? — улыбнулся Джакомо.

— Иметь секреты и любить посекретничать — разные вещи. Никаких секретов у меня нет. Слишком много возникает проблем, когда пытаешься запомнить, кем ты должен быть на данный момент и что ты должен говорить. Особенно, это я про себя, если у тебя сложности с памятью. Стоит начать жить обманом, и в результате оказываешься в ловушке. Предпочитаю непосредственную, простую жизнь.

— Могу поверить, — кивнул Джакомо. — Особенно если пренебречь вчерашним ночным спектаклем.

— Ночным спектаклем? — Зарина, все еще бледная после морского путешествия, озадаченно посмотрела на него. — В каком смысле?

— Ты не слышала ночью выстрелов?

Зарина кивнула на Лорен:

— Мы слышали, как стреляли. — Она едва заметно улыбнулась. — Но когда ты лежишь полуживой, то не обращаешь внимания на такие мелочи. Что случилось?

— Петерсен подстрелил одного из людей Алессандро. Несчастного парня по имени Кола.

Зарина ошеломленно уставилась на Петерсена:

— Почему, во имя всего святого?

— Не стану брать на себя чужие заслуги. Стрелял Алекс — естественно, с полного моего одобрения. Почему? Он чересчур секретничал. Вот почему.

— Он… он мертв? — Зарина, похоже, его не слышала.

— Господи, нет. Алекс не убивает людей. — (Впрочем, немало призраков могло бы свидетельствовать об обратном.) — У него повреждено плечо.

— Повреждено? — Лорен сжала губы и глянула на него холодно. — В смысле — раздроблено?

— Возможно. — Петерсен пожал плечами. — Я не врач.

— Карлос его видел? — Лорен не просто спрашивала, но явно требовала ответа.

Петерсен задумчиво посмотрел на нее:

— И чем бы это помогло?

— Ну… Карлос…

— Что — ну? Чем бы он смог помочь?

— Чем бы он смог… он же ведь капитан?

— Глупый ответ и столь же глупый вопрос. Зачем Карлосу его видеть? Уверяю тебя, я сам видел куда больше огнестрельных ран, чем Карлос.

— Вы же не врач.

— А Карлос что, врач?

— Карлос? Откуда мне знать?

— Но ты же знаешь, — мило улыбнулся ей Петерсен. — Каждый раз, стоит тебе открыть рот, ты увязаешь все глубже. Ты совершенно не умеешь врать. Боюсь, это не самая сильная твоя сторона. Естественно, он врач. Он сам мне сказал. Но тебе он об этом не говорил. Как ты узнала?

— Какое вы имеете право меня допрашивать? — Лорен стиснула кулаки, глаза ее вспыхнули.

— Странно, — задумчиво проговорил Петерсен. — Ты еще прекраснее, когда злишься. Что ж, с некоторыми женщинами это бывает. А почему ты злишься? Потому что тебя поймали на вранье, вот почему.

— Да вы просто самодовольный наглец! Спокойный, рассудительный, уверенный в себе…

господин всезнайка!

— Ну-ну… неужели я в самом деле такой? Будто со мной сейчас говорит совсем другая Лорен. С чего ты вдруг так обозлилась?

— Не настолько уж вы умны. Да, я знаю, что он врач, — сказала она с легкой усмешкой. — Будь вы умнее, вспомнили бы наш разговор в кафе вчера вечером. И вспомнили бы, что, как выяснилось, я тоже родом из Пескары. Почему бы мне его не знать?

— Лорен, Лорен… Ты вовсе не увязаешь, ты уже погрузилась с головой. Ты родилась не в Пескаре. И не в Италии. Ты даже не итальянка.

Наступила тишина. Спокойная фраза Петерсена прозвучала вполне убедительно.

— Лорен! — подала голос Зарина, в нем было столько же злости, что и у Лорен несколько мгновений назад. — Не слушай его. Вообще не разговаривай с ним. Неужели ты не понимаешь, что у него на уме? Припереть тебя к стенке, поймать в ловушку. Заставить говорить тебя то, чего ты не хочешь, и всего лишь ради того, чтобы удовлетворить его ненасытное эго.

— Похоже, я в самом деле обзавожусь друзьями, — грустно проговорил Петерсен. — Мое ненасытное эго отмечает, что Лорен не стала

мне перечить, ведь ей известно, что я все знаю. Ей также известно, что я знаю, что она подруга Карлоса. Но она не из Пескары. Скажи, что я ошибаюсь, Лорен.

Лорен промолчала, лишь закусила губу, уставившись в стол.

— Да вы просто ужасны! — бросила Зарина.

— Если ты ставишь знак равенства между честностью и ужасом — то да, я ужасен.

— Похоже, тебе много чего известно, а, Петр? — улыбнулся Джакомо.

— Не очень. Просто, чтобы оставаться в живых, приходилось забивать голову всякой всячиной.

— Может, еще скажешь, что я тоже не итальянец? — не снимая с лица улыбки, спросил Джакомо.

— Нет, раз ты так хочешь.

— То есть я не итальянец?

— Как ты можешь им быть, если родился в Югославии? В Черногории, если точнее.

— Господи! — Джакомо перестал улыбаться, но во взгляде его не было ни обиды, ни злости. Затем он вновь улыбнулся.

Зарина холодно взглянула на Петерсена и повернулась к Джакомо:

— И что еще это… это…

— Чудовище? — услужливо подсказал Петерсен.

— Это чудовище… да замолчите вы наконец! Какие еще бесчинства совершил этот человек прошлой ночью?

— Ну… — Джакомо сплел пальцы на затылке, будто собираясь расслабиться. — Все зависит от того, что называть бесчинствами. Для начала, после того как он разделался с Колой, он газом отравил Алессандро и еще трех его людей.

— Отравил газом? — Зарина недоверчиво уставилась на Джакомо.

— Газом. Их собственным. Они этого заслужили.

— В смысле, он их убил? Совсем?

— Нет-нет. Они пришли в себя. Я знаю, я там был. Как посторонний наблюдатель, — поспешно добавил Джакомо. — Он забрал их оружие, патроны, гранаты и кое-какие другие неприятные вещи. Потом запер их всех в каюте. Всё.

— Всё? — выдохнула Зарина. — Можно подумать, ничего особенного не случилось. Почему он их запер?

— Может, не хотел, чтобы они вместе с нами завтракали. Откуда я знаю? Спроси сама. — Он посмотрел на Петерсена. — Но над тем, чтобы

их запереть, он основательно потрудился. Я случайно проходил мимо, когда мы приближались к причалу.

— Гм…

— Что именно «гм»? — Джакомо посмотрел на Зарину. — Ты не чувствовала ночью запаха дыма?

— Дыма? Да, мы что-то такое почувствовали. — Она дернулась, вспоминая. — Нам и так уже было достаточно паршиво, а от дыма сделалось еще хуже. А что?

— Это работали ваш друг Петр и его друзья. Они заваривали дверь каюты Алессандро.

— Заваривали дверь? — В голосе Зарины промелькнули истерические нотки. — С Алессандро и его людьми внутри? Зачем, ради всего святого… — Ей не хватило слов.

— Полагаю, он не хотел, чтобы они оттуда выбрались.

Девушки молча переглянулись. Сказать больше было нечего. Петерсен коротко откашлялся:

— Что ж, теперь, когда всему в достаточной степени дано объяснение… — (Девушки медленно повернули головы, недоверчиво уставившись на него). — Как говорится, где конец, там и начало. Мы отправимся примерно через полчаса,

или сколько там потребуется, чтобы получить транспорт. Так что всем чистить зубы и собрать вещи. — Он взглянул на Джакомо. — Ты и твоя подруга — с нами?

— Ты про Лорен?

— А у тебя здесь что, есть другие? Не увиливай.

— Все зависит от того, куда вы направляетесь.

— Туда же, куда и вы.

— И это куда же?

— В верховья Неретвы.

— Мы с вами.

Петерсен уже собирался встать, когда вошел Карлос с листком бумаги в руке. Как и Джакомо, он был выбрит, свеж, настроение его было веселое. Капитан нисколько не напоминал человека, который не спал всю ночь, — хотя, учитывая его профессию, он, возможно, успел выспаться днем.

— Доброе утро. Позавтракали?

— Выражаем благодарность шеф-повару. Это мне?

— Да. Только что пришло по радио. Зашифровано, так что для меня все равно полная бессмыслица.

Петерсен взглянул на бумагу:

— Для меня тоже, пока я не доберусь до кодового блокнота. — Он сложил бумагу и убрал во

внутренний карман.

— А вдруг что-то срочное? — предположил Карлос.

— Это из Рима. Всякий раз неизбежно оказывается, что, если в Риме что-то считают срочным, для меня оно таким не является.

— А человек, в которого стреляли, — спросила Лорен, — он серьезно ранен?

— Кола? — Карлоса, похоже, не слишком заботило состояние пострадавшего. — Он думает, что да. Я — нет. Так или иначе, я вызвал «скорую». Они уже должны приехать. — Он заглянул в неширокий иллюминатор. — Не вижу «скорой». А вот к трапу идут двое солдат — если их можно назвать солдатами. Одному за девяносто, другому лет десять. Вероятно, по вашу душу.

— Сейчас узнаем.

Карлос слегка преувеличил разницу в возрасте между солдатами, но ненамного — один в самом деле был безусым юнцом, другой явно в годах. Последний отдал честь настолько изящно, насколько ему позволял артрит.

— Капитан Тремино, среди пассажиров у вас есть офицер югославской армии?

— Майор Петерсен. — Карлос махнул рукой.

— Тот самый. — Старик опять отдал честь. —

Комендант приветствует вас, господин майор, и приглашает к себе. Вас и двоих ваших людей.

— Не знаете зачем?

— Комендант мне не докладывал, господин майор.

— Далеко идти?

— Пару сотен метров. Пять минут ходу.

— Сейчас буду. — Петерсен встал, забрав пистолет. Джордже и Алекс последовали его примеру.

Старый солдат вежливо кашлянул:

— Комендант не любит оружие у себя в кабинете.

— Не любит оружие? Идет война, а комендант не любит оружие? — Петерсен посмотрел на Джордже и Алекса, затем вынул из кобуры пистолет. — Похоже, он впал в маразм. Что ж, давайте его развеселим.

Они ушли. Карлос проследил, глядя в иллюминатор, как они спускаются по трапу на причал, и вздохнул:

— Не могу этого вынести. Как итальянец, просто не могу. Примерно как послать старого беззубого пса и молодого щенка, чтобы загнать трех волков. Даже не волков, саблезубых тигров. — Карлос повысил голос: — Джованни!

— Они реально такие? — неуверенно спросила

Зарина. — В смысле, я слышала, как вчера в Риме их так назвал один человек.

— А! Наверняка мой старый приятель полковник Лунц?

— Вы знаете полковника? — удивленно проговорила она. — Я думала… Хотя, похоже, тут все всё знают. Кроме меня.

— Ну конечно, я его знаю. — Карлос повернулся к появившемуся в дверях худощавому старшему механику с унылым выражением на лице. — Завтрак, Джованни, будь так любезен.

— Ты в самом деле будешь это жрать? — удивленно поинтересовался Джованни.

— Атрофировавшиеся вкусовые рецепторы, оцинкованный желудок, немного воображения — и вполне можно представить, будто ты где-нибудь «У Максима». Зарина, в Тремоли на причале никто просто так ко мне не подходит, не тыкает большим пальцем на восток и не просит подбросить до Югославии. Как думаешь, оказались бы вы на «Коломбо», если бы я не был знаком с полковником? Так что необязательно подозревать всех и каждого.

— У меня подозрения насчет нашего майора Петерсена. Я нисколько ему не доверяю.

— Хорошего же ты мнения о соотечественни-

ке. — Карлос сел и намазал масло на хлеб. — А я было подумал — ты человек честный, прямолинейный, каких нынче мало.

— Послушайте, нам ведь с ним в горы идти!

— Вряд ли он заблудится. Собственно, я уверен, что вы доберетесь до места, куда вам нужно, целыми и невредимыми.

— Кто бы сомневался. «До места, куда вам нужно» — нужно ему или нам?

— А у вас есть выбор? — Во взгляде Карлоса мелькнула искорка раздражения.

— Нет.

— Тогда чего попусту трепать языком?

— Карлос! Как ты можешь с ней так разговаривать? — Слова Лорен прозвучали настолько резко, что на лице Джакомо появилось выражение легкой задумчивости. — Естественно, она переживает. Я тоже переживаю. Это нам предстоит идти в горы с этим человеком, а не тебе. — Она то ли нервничала, то ли страдала повышенной возбудимостью. — Хорошо тебе — сидеть в покое и безопасности на своем «Коломбо».

— Ладно вам, — небрежно отмахнулся Джакомо. — Вряд ли это слишком честно по отношению к нашему другу. Но я уверен, Карлос, что она вовсе так не считает. — Он с притворным упреком

взглянул на Лорен. — Наверняка Карлос охотно покинул бы свой спокойный и безопасный корабль, чтобы отправиться вместе с тобой в горы. Но против этого есть две причины — долг перед страной и железная нога.

— Извини. — Лорен положила ладонь на плечо Карлосу, демонстрируя искреннее раскаяние. Карлос, принявшийся было за принесенный Джованни десерт, поднял взгляд и дружески улыбнулся. — Джакомо прав, — сказала она. — Само собой, я так не считаю. Просто… мы с Зариной чувствуем себя совершенно беспомощными.

— Джакомо с вами в одинаковом положении, но непохоже, что он чувствует себя беспомощнее меня.

— Слушай, ты не понимаешь. — Лорен раздраженно дернула плечом. — Мы не знаем, что происходит. Мы вообще ничего не знаем. А он, пожалуй, знает все.

— Кто? Петр?

— Кто же еще! — сказала она язвительно, что вовсе не соответствовало ее облику добропорядочной дамы. — Может, мне все же удастся пробить дыру в этой твоей упертости? Ты знаешь, что ему известно, куда направляемся мы с Джакомо? Ты знаешь, что ему, скорее всего, также

известно и мое прошлое? А еще знаешь ли ты, что он в курсе, что я не итальянка? И что мы с тобой были знакомы раньше, но не в Пескаре?

Если Карлоса и взволновали ее слова, то он скрыл это мастерски.

— Петр знает много такого, о чем вы даже не догадывались. По крайней мере, так говорит полковник Лунц. Вполне возможно, именно Лунц рассказал ему про вас с Джакомо, хотя на полковника это не похоже. Петр вполне мог догадываться, что вы окажетесь на борту. И полагаю, ваше присутствие его нисколько не беспокоило.

— Зато его беспокоило присутствие Алессандро.

— Про Алессандро он знать не мог. Алессандро числится по другому ведомству.

— Откуда ты знаешь? — спросила Лорен молниеносно.

— Петр сам мне сказал.

Она убрала руку и выпрямилась.

— Ах вот оно что? Значит, у вас с Петром тоже есть свои маленькие секреты? — Она повернулась к Зарине. — Ну как тут не доверять людям?

— Ты начинаешь напоминать мужа-подкаблучника, Карлос, — заметил Джакомо.

— Я и вправду начинаю так себя чувствовать.

Дорогая моя, — обратился Карлос к Лорен, — я узнал об этом только сегодня ночью. Как я, по-твоему, должен был поступить? Стучать кулаками в дверь вашей каюты в четыре часа утра, чтобы объявить вам с Зариной эту сногсшибательную новость? — Он взглянул на вновь появившегося в дверях тощего главного механика.

— Карлос, завтрак подан.

— Спасибо, Джованни. — Он посмотрел на Лорен. — И прежде чем ты начнешь в чем-то подозревать Джованни, знай, он просто имеет в виду, что отнес еду нашим друзьям в носовой каюте.

— Я думала, что дверь заперта.

— О господи! — Карлос положил нож и вилку. — Опять подозрения. Да, дверь заперта. А завтрак спущен в ведре к иллюминатору.

— Когда ты собираешься их навестить?

— Когда созрею. В смысле, когда позавтракаю. — Карлос снова взял нож и вилку. — Если мне, конечно, вообще дадут поесть.

— А ведь ты все-таки рисковал, — сказал Джорджже. — Как говорится, пошел ва-банк, сделал вид, будто тебе известно об их планах и об их прошлом, хотя на самом деле ты не знал ничего. Так?

— Это все твоя заслуга, Джордже. Я основывался исключительно на паре твоих замечаний насчет их происхождения. Хотя прямо я им об этом сказать не мог. Опять же Лорен сама выдала больше информации, чем я думал. Вряд ли из нее получилась бы хорошая шпионка.

Они лавировали среди кранов, военных и гражданских грузовиков, разбросанных в беспорядке портовых строений, следуя в нескольких ярдах за спинами двух итальянских солдат. Снег прекратился, риличские предгорья защищали их от северо-восточного ветра, но температура все еще оставалась ниже нуля. Народу вокруг было негусто — раннее время и холод не способствовали пребыванию на свежем воздухе. Здешние солдаты, Карлос не соврал, были либо резервистами, либо совсем мальчишками. Несколько встретившихся им гражданских принадлежали к тем же возрастным категориям. Похоже, в порту из молодежи или мужчин средних лет не было никого.

— По крайней мере, — признал Джордже, — тебе удалось установить над ними своего рода моральное превосходство. Над девушками уж точно. К Джакомо это вряд ли относится. Та бумага, которую дал тебе Карлос, сообщение от наших

союзников из Рима?

— Да. Нам приказано оставаться в Плоче и ждать дальнейших распоряжений.

— Смешно.

— Правда?

— Ты считаешь, разумно было посылать ту депешу? Этого следовало ожидать.

— Собственно, именно на это я и рассчитывал. Мы знаем, чего можно ожидать, и перехватили инициативу. Если бы мы беспрепятственно покинули порт, а потом по дороге в долине нас остановила парочка танков, мы бы этой инициативы лишились. Эти наши охранники, что идут впереди, не слишком-то умны, как считаешь?

— В смысле, что не обыскали нас на предмет оружия? Один больно уж стар, и ему все до лампочки, а второй просто неопытен. К тому же посмотри на наши честные лица.

Следом за охранниками они подошли к невысокому деревянному строению, явно временному, поднялись по ступеням и, постучавшись, вошли в маленькую комнатку, выглядевшую столь же по-спартански и так же примитивно, как и само строение, — потрескавшийся линолеум на полу, два металлических шкафа для документов, радиостанция, телефон, стол и несколько стульев.

Сидевший за столом офицер встал, когда они вошли. Он был высок и худ, возраста среднего, в очках с толстыми стеклами, что вполне объясняло, почему он не на фронте.

— Майор Петерсен? — спросил он, близоруко щурясь.

— Да. Рад с вами познакомиться, комендант.

— Гм… в общем… — Он откашлялся. — Я только что получил приказ арестовать…

— Тсс! — Петерсен приложил палец к губам и понизил голос. — Мы одни?

— Да.

— Вы точно уверены?

— Точно уверен.

— В таком случае: руки вверх!

Карлос встал, отодвинув стул.

— Прошу прощения. Мне нужно взглянуть на эту самую дверь каюты.

— В смысле, ты ее еще не видел? — спросила Лорен.

— Нет. Если Петр говорит, что она заварена, значит так и есть. Вряд ли одна заваренная дверь сильно отличается от другой. Хочу глянуть просто из любопытства.

Через минуту с небольшим он вернулся.

— Заваренная дверь — это заваренная дверь,

и единственное средство ее открыть — ацетиленовый резак. Я послал Пьетро на берег, чтобы он попытался найти что-то подобное, хотя надежды мало. У нас был один, но Петр со своими друзьями выбросили его за борт.

— Похоже, тебя это не очень-то беспокоит, — заметила Лорен.

— Я не переживаю по мелочам.

— А если ты не сумеешь их оттуда вытащить?

— Им придется оставаться там, пока мы не вернемся в Термоли. Там найдется все, что потребуется.

— Вы можете потонуть раньше, чем туда доберетесь. Об этом ты не подумал?

— Подумал. Меня бы это всерьез расстроило.

— Что ж, уже лучше. Хоть какое-то сочувствие.

— Расстроило бы, потому что я успел всерьез полюбить эту старую посудину. Не хотелось бы думать, что она может стать могилой для Алессандро, — холодно проговорил Карлос. — Сочувствие? Сочувствие к этому чудовищу? Сочувствие к наемному убийце, отравителю, который путешествует со шприцами и ампулами, в которых смертельный яд? Сочувствие к психопату, который с радостью сделал бы вам с Зариной по уколу, а потом зловеще хихикал, слушая ваши

предсмертные вопли? Петр его пощадил, но я жалею, что не убил. Сочувствие, это надо же! — Он повернулся и вышел.

— Похоже, ты его реально расстроила своими придирками, — заметил Джакомо. — Люди — в смысле, Петр и Карлос — провели расследование и суд, вынесли приговор, а ты даже ни малейшего понятия не имеешь, о чем говоришь.

— Я ничего такого не имела в виду, — в замешательстве пробормотала Лорен.

— Дело не в том, что ты имеешь в виду, а в том, что ты болтаешь. Всегда можно последить за языком. — Он встал и покинул каюту.

Лорен с тоской уставилась на открытую дверь. По ее щекам медленно скатились две крупные слезинки. Зарина обняла ее за плечи.

— Все в порядке, — сказала она. — Все хорошо. Они не понимают. Зато я тебя понимаю.

Десять минут спустя прибыли Петерсен и двое его товарищей. Петерсен сидел за рулем старенького грузовика, гражданского, а не военного, с брезентовой крышей и клапанами позади. Спрыгнув с водительского сиденья, Петерсен взглянул на стоявших на палубе Карлоса, Джакомо, Лорен, Михаэля и Зарину. Все, кроме Карлоса, были с рюкзаками, рядом стояли их радиостанции.

— Что ж, мы готовы. — Похоже, Петерсен был в отличном расположении духа. — Только поднимемся на борт забрать вещи.

— Незачем, — ответил Карлос. — Их сейчас принесут двое Пьетро.

— А наше оружие?

— Разве я позволил бы вам почувствовать себя голышом? — Карлос спустился по трапу первым. — Как все прошло?

— Лучше некуда. В дружеской обстановке взаимодействия и сотрудничества. — Он достал два документа. — Военный пропуск и права на управление грузовиком для меня. Только до Метковича, но, по крайней мере, хотя бы часть дороги. Оба подписаны майором Массамо. Дамы, не хотите сесть впереди со мной? Намного удобнее, к тому же кабина обогревается. В отличие от кузова.

— Спасибо, — ответила Лорен. — Предпочту ехать сзади.

— Да уж, — в такт ей заявила Зарина. — У меня тоже никакого желания оставаться наедине с этим инквизитором.

Взяв Лорен за руку, она что-то зашептала ей на ухо, пока Петерсен терпеливо смотрел в небо. Сперва Лорен решительно помотала головой, затем неохотно кивнула.

Они пожали руку Карлосу, поблагодарили его и попрощались — все, кроме Лорен, которая просто стояла, уставившись на причал.

— Ладно, — раздраженно посмотрев на нее, сказал Карлос. — Ты меня расстроила, и я, забыв, что мне полагается быть офицером и джентльменом, расстроил тебя. — Он обнял ее за плечи, сдавил их легонько и довольно крепко поцеловал в щеку. — Вместо извинений и прощания.

Петерсен завел страдающий астмой двигатель и тронулся с места. Престарелый охранник в будке у ворот апатично махнул рукой, даже не взглянув на предъявленные бумаги, — должно быть, ему не хотелось покидать теплую будку. Петерсен бросил взгляд на Лорен, которая сидела на дальнем краю сиденья, глядя прямо перед собой, с мокрым от слез лицом. Нахмурившись, Петерсен наклонился вперед и немного вбок, но его остановил далеко не нежный тычок локтем под ребра. Зарина тоже сидела хмурая, едва заметно качая головой. Вопросительно посмотрев на нее, Петерсен получил в ответ каменный взгляд и откинулся на спинку сиденья, сосредоточившись на езде.

В кузове грузовика, где воздух уже был основательно отравлен сигарами Джордже, Джакомо, то

и дело поглядывавший на накрытую брезентом груду впереди, в конце концов постучал Джордже по плечу:

— Джордже?

— Да?

— Ты когда-нибудь видел, чтобы брезент шевелился сам по себе?

— Не припомню такого.

— Так посмотри.

Джордже проследил за его указательным пальцем.

— Понял, о чем ты. Господи, надеюсь, что они там не задыхаются. — Он стащил брезент, под которым обнаружились три лежащих на боку тела, с кляпами во рту и надежно связанными лодыжками и запястьями. — Нет, вроде не задохлись еще. Просто дергаются.

Тусклого света в кузове грузовика хватило, чтобы Джакомо смог узнать престарелого солдата и его юного напарника, поднявшихся утром на борт, чтобы забрать Петерсена и остальных двоих.

— А кто третий?

— Майор Массамо. Комендант порта. Точнее, если не ошибаюсь, заместитель коменданта.

— Кто эти люди? — спросил Михаэль, сидев-

ший напротив вместе с Алексом. — Что они тут делают? Почему они связаны?

В его вопросах не чувствовалось особого интереса, голос звучал глухо, как у человека, еще не до конца пришедшего в себя от потрясения. То были первые слова, которые он произнес за день, — морская болезнь и пережитое ночью настолько вышибли его из колеи, что Михаэль был даже не в состоянии позавтракать.

— Комендант порта и двое его солдат, — ответил Джордже. — Они здесь потому, что мы не могли их оставить, иначе они сразу же подняли бы тревогу, но не пристрелить же их было, верно? А связаны руки-ноги и заткнуты рты у них потому, что мы не могли им позволить устроить песни с плясками по пути из порта. Ты задаешь глупые вопросы, Михаэль.

— Этот тот самый майор Массамо, про которого говорил Петерсен? Как вам удалось заставить его подписать все те разрешения?

— Ты чересчур подозрителен, Михаэль. Так не годится. Он их нам не подписывал. Подписал я. В его кабинете куча бумаг с его подписью. И чтобы ее скопировать, не требуется особого опыта.

— И что теперь с ними будет?

— Избавимся от них в нужное время в каком-

нибудь подходящем месте.

— Избавитесь?

— Они вернутся в Плоче сегодня вечером, целыми и невредимыми. Господи, Михаэль, никто не собирается расстреливать собственных союзников!

Михаэль взглянул на связанных мужчин с кляпами во ртах.

— Угу. Понятно. Союзников.

Их останавливали на блокпостах еще в двух селениях, но досмотр оба раза был весьма поверхностным и рутинным. В третьем селении, под названием Багалович, Петерсен затормозил у временной армейской бензоколонки, дал какие-то бумаги капралу, который ее обслуживал, дождался, когда заправят грузовик, протянул капралу немного денег, на что тот удивленно отдал ему честь, и они поехали дальше.

— Что-то они не похожи на солдат, — сказала Зарина. — Солдаты так себя не ведут. Слишком они… как бы это сказать?.. апатичны, что ли.

— Согласен, энтузиазмом они явно не страдают. Как солдаты они выглядят не лучшим образом, это верно. Вообще-то, итальянцы могут быть очень хорошими солдатами, только не на этой войне. К ней у них не лежит душа, несмотря на

все воодушевляющие речи Муссолини. Народ никогда не хотел этой войны и, чем дольше она идет, хочет ее все меньше. Их войска на фронте неплохо сражаются, но не из чувства патриотизма, а лишь из профессиональной гордости. Но для нас это к лучшему.

— Что за бумаги вы дали тому солдату?

— Купоны на дизель. Их мне выдал майор Массамо.

— Ах, майор Массамо… Топливо, естественно, бесплатное. Те чаевые, что вы дали солдату, — насколько я понимаю, деньгами вас снабдил тоже майор Массамо?

— Нет, конечно. Мы ничего не крадем.

— Не считая грузовиков и купонов на топливо. Или вы их просто одолжили?

— Временно. По крайней мере, грузовик.

— Который вы, конечно же, вернете майору Массамо?

Петерсен бросил на нее взгляд:

— Тебе следует волноваться и нервничать, а не задавать кучу вопросов. Не люблю, когда из меня выпытывают. Мы вроде как на одной стороне, забыла? Что до грузовика — боюсь, майор его больше не увидит.

Дальше они ехали молча, а еще через пят-

надцать минут въехали в городок Меткович. Петерсен припарковал грузовик на центральной улице и вышел из кабины.

— Вы ничего не забыли? — спросила Зарина.

— Что?

— Ключи. Вы оставили их в замке зажигания.

— Давай без глупостей. — Петерсен пересек улицу и скрылся внутри магазина.

— Что он имел в виду? — впервые с тех пор, как они покинули Плоче, подала голос Лорен.

— То, что сказал. Он многое знает — думаю, знает и то, что я все равно не умею водить машину. Тем более такую старую развалюху. И даже если бы умела — куда бы я поехала? — Она потрогала заднюю стенку кабины. — Дерево. Я бы и пяти метров не сделала — это страшилище Алекс легко бы его прострелил. — Вид и голос Зарины свидетельствовали о крайней степени уныния.

— Неплохо было бы хоть разок посмотреть, как он в чем-то ошибается или делает что-то не так, — заметила Лорен.

— Я бы с удовольствием посмотрела на такое. Но нам это надо? У меня такое чувство, что то, что хорошо для майора Петерсена, хорошо и для нас. Ну и наоборот.

Петерсена не было минут двадцать. Для че-

ловека, спасающегося бегством, он не слишком спешил. Майор нес большую плетеную корзину, закрытую сверху коричневой бумагой. Передав ее в кузов грузовика, он опять сел за руль. Похоже, он пребывал в прекрасном расположении духа.

— Продолжай, — сказал он. — Спрашивай дальше.

Зарина поморщилась, но любопытство победило.

— Та корзина?..

— Армия плохо сражается на пустой желудок. А нас в каком-то смысле можно считать частью армии. Провизия. Что еще я мог купить в продуктовой лавке? Хлеб, сыр, ветчина, разное мясо, гуляш, фрукты, овощи, чай, кофе, сахар, спиртовая горелка, чайник и котелок. Я пообещал полковнику Лунцу доставить вас в надлежащем состоянии.

Зарина слегка улыбнулась — впрочем, невольно.

— Вы так говорите, будьте собираетесь доставить нас в идеальном состоянии на рынок рабов. А про вашего упитанного друга вы не забыли?

— Это первое, что я купил. И представляете, пяти секунд не прошло, как Джордже вскрыл литровую бутыль пива. Вино там тоже имеется.

Они выехали за городскую черту.

— Я думала, пропуск у вас только до Меткович, — заметила Зарина.

— У меня их два. Карлосу я показал только один.

Полчаса спустя Петерсен вновь пересек Неретву и затормозил у довольно большого гаража на окраине Чаплины. Он зашел внутрь и вернулся через несколько минут.

— Заскочил поздороваться со старым другом.

Они миновали деревушку Требижат, и вскоре Петерсен съехал с шоссе на второстепенную дорогу, довольно круто уходившую вверх. Затем он свернул на проселок, так же поднимавшийся в гору, пока они не развернулись кругом, остановившись в полусотне метров от низкого каменного здания. Дальше ехать было некуда — дорога кончилась.

Выйдя из кабины, они подошли к задней части кузова. Петерсен подергал за брезентовый клапан.

— Обед, — объявил он.

С минуту ничего не происходило. Зарина и Лорен озадаченно переглянулись. Расслабленное спокойствие Петерсена внушало им еще большую тревогу.

— Если уж Джордже развязывает узел, — загадочно сказал он, — то завязать его — та еще работа.

Внезапно брезент откинулся, и с заднего борта спустили майора Массамо и двоих его солдат, уже без кляпов и пут. Массамо и пожилой солдат тут же рухнули наземь.

— И кто же это у нас тут? Что сотворили с этими беднягами коварный Петерсен и его не менее зловещие друзья? — проговорил Петерсен. Юный солдат к этому времени тоже уселся на землю рядом с другими двоими. — Что ж, офицер — это майор Массамо, комендант порта, а других двоих вы уже видели. Мы не переломали им ноги или что-нибудь в этом духе. Они просто страдают от временного нарушения кровоснабжения. — (С заднего борта спрыгнули остальные четверо.) — Разомните им ноги, хорошо? — попросил Петерсен.

Джордже поднял майора, Джакомо — молодого солдатика, а Михаэль — пожилого. Последний был не только стар, но и толст и, похоже, не особо рвался вставать. Зарина бросила на Петерсена испепеляющий, как ей казалось, взгляд и стала помогать брату. Петерсен посмотрел на Лорен, затем на Джордже.

— Что будем делать? — негромко спросил он. — Прирежем ее или дадим по башке?

Джордже, на лице которого не дрогнул ни один мускул, на мгновение задумался.

— Какая разница? Вокруг полно оврагов.

Лорен растерянно переводила взгляд с одного на другого. Сербохорватским она явно не владела.

— Могу теперь понять, почему с ней ее приятель. Телохранитель и переводчик. Я знаю, кто она.

— Я тоже.

Лорен бросила на них раздраженный и вместе с тем властный взгляд:

— О чем вы там переговариваетесь? Весьма невежливо с вашей стороны, знаете ли. — В другое время она наверняка топнула бы ногой.

— Это наш родной язык. Без обид. Дорогая моя Лорен, тебе намного легче было бы жить, если бы ты перестала подозревать всех подряд. И да, мы говорили про тебя.

— Я так и думала, — уже не столь решительно заявила она.

— Просто попробуй иногда доверять людям, — улыбнулся Петерсен. — Мы ничем не худшие опекуны, чем твой Джакомо. Пойми, мы хотим

тебя защитить. Если с тобой что-то случится, Джейми Харрисон никогда нам этого не простит.

— Джейми Харрисон? Вы знаете Джейми Харрисона? — Она широко раскрыла глаза, и на ее губах высветилась легкая улыбка. — Не могу поверить! Вы знаете капитана Харрисона?

— Для тебя — просто Джейми.

— Да, Джейми. — Она повернулась к Джордже. — Вы тоже его знаете?

— Ну-ну! Опять подозрения. Если Петр говорит, что знает его, то и я наверняка знаю. Разве не так? — Джордже улыбнулся, заставив ее слегка покраснеть. — Дорогая, я ни в чем тебя не обвиняю. Естественно, я его знаю. Высокий, даже очень. Худой. С каштановой бородой.

— Когда я его видела, никакой каштановой бороды у него не было.

— Теперь есть. И усы. Так или иначе — каштановые волосы. И, выражаясь на языке Шекспира, он выглядит ужасно по-английски. Носит монокль — ну, я бы сказал, что только для красоты. Заявляет, будто без него ему не обойтись, но это неправда. Он просто строит из себя англичанина.

— Это он, точно, — улыбнулась Лорен.

Майор Массамо и двое его солдат, у которых,

судя по лицам, помаленьку восстанавливалось кровоснабжение, обрели хоть какую-то подвижность. Петерсен вытащил из кузова тяжелую корзину и направился по вырубленным в поросшем травой склоне ступеням к каменному строению, на ходу доставая ключ. Зарина взглянула на ключ, потом на Петерсена, но промолчала.

Петерсен поймал ее взгляд.

— Я же вам говорил. Друзья.

Судя по скрежету петель и затхлому запаху изнутри, помещением не пользовались уже много месяцев. Оно состояло из единственной комнаты, холодной, промозглой и скудно обставленной: дощатый стол, пара скамей, несколько шатких деревянных стульев, печь и груда дров перед ней.

— Скромненько, но со вкусом, — весело обронил Петерсен. — Ну что, вперед? — Он посмотрел на Джордже, только что доставшего из корзины бутылку пива. — У тебя, похоже, есть дела поважнее.

— Замучила проклятая жажда, — с достоинством ответил Джордже. — Впрочем, я могу утолять ее и одновременно разжигать печь.

— Присмотришь за нашими гостями? Мне нужно кое-куда сходить.

— Когда вернешься?

— Думаю, через полчаса.

Вернулся он через час. Джордже никогда ничего не делал наполовину, и ко времени возвращения Петерсена в каменной хижине было уже тепло, даже слишком. Плита раскалилась докрасна, и в помещении стояла удушающая жара. Сознательно оставив дверь приоткрытой, Петерсен водрузил на стол новую корзину.

— Еще провизия. Извини, что задержался.

— Мы особо не беспокоились, — сказал Джордже. — Еда готова. Мы уже поели. — Он заглянул в принесенную Петерсеном корзину. — И на это ушло столько времени?

— Я встретил кое-кого из друзей.

— А где грузовик? — спросила от двери Зарина.

— За углом. Стоит под деревьями. С воздуха его не увидеть.

— Думаете, нас станут искать с воздуха?

— Нет. Но лучше не рисковать. — Петерсен сел за стол и сделал себе бутерброд с сыром и салями. — Если кто-то хочет поспать, то лучше прямо сейчас. Я тоже собираюсь. Прошлой ночью мы глаз не сомкнули. Так что прилягу-ка я часика на два или три. К тому же предпочтительней ехать ночью.

— А я предпочитаю ночью спать, — заявил

Джордже, протягивая руку к очередной бутылке. — Что ж, буду твоим верным стражем. Ешь, мы уже.

— После стряпни Джованни у любого проснется зверский аппетит.

Петерсен решил доказать, что не является в этом смысле исключением. Несколько минут спустя он поднял взгляд, осмотрелся и спросил у Джордже:

— Куда подевались эти чертовы девицы?

— Просто ушли. Прогуляться, я полагаю.

Петерсен покачал головой:

— Это я виноват, что тебя не предупредил. — Он встал и вышел. Обе девушки были от него метрах в сорока. — Вернитесь! — крикнул им Петерсен. Они остановились и обернулись. Петерсен повелительно помахал рукой. — Вернитесь!

Девушки переглянулись и медленно двинулись назад.

— Что такого в безобидной прогулке? — озадаченно спросил Джордже.

Петерсен понизил голос, чтобы его не слышали в хижине:

— Я тебе скажу, что такого в безобидной прогулке. — И он рассказал, на что Джордже кивнул в ответ. Петерсен замолчал, когда подошли де-

вушки.

— В чем дело? — спросила Зарина. — Что не так?

Петерсен кивнул в сторону небольшой деревянной постройки в нескольких метрах от хижины.

— Если вы искали туалет…

— Нет. Просто пошли прогуляться. А что такого?

— Быстро внутрь.

— Как скажете. — Зарина мило улыбнулась. — Может, все-таки объясните, в чем дело? Корона с головы не упадет.

— Подчиненные не разговаривают с офицерами в таком тоне. То, что вы женщины, ничего не значит. — Зарина перестала улыбаться — Петерсен явно не собирался шутить. — Я вам скажу, в чем дело. В том, что вам ничего не дозволяется без моего разрешения. В том, что вы как дети в лесу. И в том, что я стану доверять вам только в случае, если вы будете доверять мне.

Девушки непонимающе переглянулись и, не говоря ни слова, вошли в хижину.

— Не слишком ли ты с ними резко? — заметил Джордже.

— Опять поддаешься женскому обаянию? Верно, слегка резковато. Я просто хотел, чтобы до них

дошло, что им нельзя никуда уходить без разрешения. Зачем создавать нам лишние проблемы, черт побери?

— Да, пожалуй. Конечно же незачем. Но они не знают, что могут создать нам проблемы. Для них ты всего лишь большой злой волк, который непонятно с чего к ним цепляется. Они считают, что ты ведешь себя неразумно. Приказы ради приказов. Не важно, Петр, — когда они оценят твои выдающиеся качества, они, возможно, еще тебя полюбят.

— Прошу никому не выходить наружу, — сказал Петерсен, когда они уже были в хижине. — Кроме Джордже и Алекса, само собой. И Джакомо.

Джакомо, который сидел на скамье возле стола, опустив голову на руки, поднял сонный взгляд:

— Джакомо никуда идти не собирается.

— А мне нельзя? — спросил Михаэль.

— Нет.

— Тогда почему Джакомо можно?

— Ты не Джакомо, — коротко сказал Петерсен.

Проснувшись часа через два, Петерсен тряхнул головой, прочищая мозги. Насколько он мог понять, не спали лишь не знавший усталости Джордже со стаканом пива в руке и трое пленников. Петерсен разбудил остальных.

— Пора ехать дальше. Пейте чай, кофе, вино или что хотите, и мы отправляемся. — Он стал подбрасывать дрова в печь.

— Мы едем с вами? — спросил майор Массамо, до этого почти все время молчавший, хотя изо рта у него вынули кляп.

— Вы остаетесь здесь. Связанные, но без кляпов. Можете вопить во все горло, вас все равно никто не услышит. — Он поднял руку, предупреждая возражения. — Нет, вы не замерзнете насмерть ночью. Вам вполне хватит тепла, пока не придет помощь. Примерно через час после нашего отъезда я позвоню в ближайшую воинскую часть — она отсюда всего в пяти километрах — и сообщу им, где вы находитесь. Они должны прибыть в течение четверти часа после моего звонка.

— До чего же вы любезны, — слабо улыбнулся Массамо. — Все лучше, чем быть застреленным.

— Королевская армия Югославии не подчиняется ничьим приказам, в том числе от немцев и итальянцев. Когда наши союзники начинают нам мешать, нам приходится кое-что предпринимать в свою защиту. Но мы никого не расстреливаем. Мы не варвары.

Чуть позже Петерсен взглянул на троих заново связанных пленников:

— Печь растоплена, искр быть не может, так что опасность сгореть заживо вам не грозит. Вас наверняка освободят в течение ближайших полутора часов. Всего хорошего.

Никто из пленников не ответил.

Петерсен спустился по поросшим травой ступеням и свернул за угол. Грузовик стоял на небольшой полянке, без единого дерева вокруг.

— О, новая машина! — воскликнула Зарина.

— «О, новая машина»! — передразнил Петерсен. — Именно так ты бы и заявила, вернувшись со своей прогулки. Как я уже говорил, нельзя отпускать детей одних в лес. Майор Массамо был бы крайне рад от тебя такое услышать. Он сразу бы понял, что мы избавились от старого грузовика и искать его больше нет смысла, — а его наверняка сейчас ищут. И потом, освободившись, он объявил бы поиски другого пропавшего грузовика, сообщив о его приметах. Маловероятно, конечно, но такое могло бы случиться, и тогда мне пришлось бы снова тащить Массамо с собой.

— Что, если кто-то наткнется на старый грузовик? — спросил Джакомо.

— Вряд ли, разве что кому-то придет в голову нырять в ледяную воду Неретвы. Кто способен на подобную глупость? Я всего лишь сбросил его с

небольшого утеса, но там глубоко. Так мне сказал местный рыбак.

— А из-под воды его не будет видно?

— Нет. В это время года вода в Неретве бурая и мутная. Через несколько месяцев, когда в горах сойдет снег, река станет голубой и чистой. Но кого волнует, что будет через несколько месяцев?

— Какая добрая душа подарила тебе эту прекрасную новую модель? — поинтересовался Джордже. — Как я понимаю, не итальянская армия?

— Нет, конечно. Мой друг-рыбак, который по случаю также владеет гаражом, где мы останавливались по дороге. У армии здесь нет местных ремонтных мастерских, и он иногда оказывает им услуги. У него было несколько гражданских грузовиков, но этот показался нам более подходящим и официальным.

— Твоему другу не придется за это отвечать?

— Нисколько. Мы уже выломали замок сзади гаража, просто на случай, если завтра туда заглянет кто-нибудь из солдат, что маловероятно, поскольку завтра воскресенье. Утром в понедельник, как и надлежит хорошему коллаборационисту, он пойдет к итальянским военным властям и заявит о взломе и краже одной военной машины. Никто

не станет его ни в чем винить. Преступники очевидны — кто же еще это может быть, кроме нас?

— И что будет в понедельник? — спросила Зарина. — Когда нас начнут искать?

— К утру понедельника этот грузовик, вероятно, разделит судьбу предыдущего. В любом случае мы к тому времени будем от него уже далеко.

— Ну вы и ловкач!

— Опять ты за свои глупости. Это называется планирование наперед. Залезайте.

Новый грузовик был и комфортабельнее, и намного тише, чем старый.

— Я не ворчу и не придираюсь, — сказала Зарина, когда они тронулись с места, — но… в общем, не слишком-то вы любезно относитесь к собственности ваших союзников.

Петерсен бросил на нее взгляд и вновь переключил внимание на дорогу.

– *Наших* союзников.

— Что? А, ну да, конечно. Наших союзников.

Петерсен продолжал смотреть вперед. Возможно, он о чем-то всерьез задумался, но по выражению его лица это, как обычно, нельзя было понять.

— Помнишь, что говорил Джордже вчера за обедом? В той горной таверне?

— Откуда мне помнить? Он постоянно что-то болтает. И про что он говорил?

— Про наших союзников.

— Что-то смутно припоминаю.

— Смутно… — Он неодобрительно цокнул языком. — Плохо дело. Радист, как и любой оперативник, должен помнить все, о чем говорят вокруг. Наш союз — лишь временная мера ради удобства и целесообразности. Мы сражаемся вместе с итальянцами — Джордже говорил «с немцами», но это то же самое, — а не для них. Мы сражаемся для себя. Когда они выполнят свою задачу, им придет время уйти. Пока же возник конфликт интересов между итальянцами и немцами с одной стороны и нами — с другой. Наши интересы на первом месте. Грузовиков, конечно, жаль, но потеря одного или двух не решит исхода войны.

— И кто победит в этой кошмарной войне, майор Петерсен? — спросила Лорен после короткой паузы.

— Мы. Я бы предпочел, чтобы ты называла меня просто Петр. Если, конечно, будешь и во всем прочем придерживаться правил хорошего тона.

Девушки переглянулись. Если Петерсен это и заметил, то не подал виду.

В Чаплине в сгущающихся сумерках их остановили на военном блокпосту. Подошел молодой офицер, посветил фонариком на листок бумаги у себя в руке, затем направил луч на номер грузовика и прошелся лучом по лобовому стеклу. Петерсен высунул из кабины голову.

— Не свети в глаза, черт бы тебя побрал! — яростно рявкнул он.

Луч фонарика тут же погас.

— Прошу прощения, господин офицер. Рутинная проверка. Не тот грузовик. — Он отступил на шаг, отдал честь и дал отмашку рукой. Петерсен тронулся с места.

— Не нравится мне это, — сказала Зарина. — А если ваше везение кончится? И почему он нас так легко пропустил?

— Молодому человеку вполне хватает сообразительности и такта, — ответил Петерсен. — Он сразу задал себе вопрос: кто он такой, чтобы вставать на пути армейского офицера, который едет развлечься в компании двух симпатичных девиц? Поиски, однако, продолжаются. На бумаге, которую он держал, был номер нашей старой машины. Потом он проверил водителя и пассажиров, что более чем необычно. Его предупредили, что нужно искать троих головорезов. Любой ска-

жет, что я выгляжу более чем респектабельно, да и вас обеих не спутаешь с парочкой душегубов, одним — худым, другим — толстым.

— Но они должны знать, что мы с вами.

— Ничего они не должны. Скоро наверняка узнают, а пока — нет. Единственные, кому известно, что вы были на борту корабля, — те двое, что все еще сидят связанные в той хижине.

— Кто-то мог поинтересоваться на «Коломбо».

— Возможно, но сомневаюсь. И даже если так, никто из команды ничего не расскажет без разрешения Карлоса. Такие уж у него с ними отношения.

— Мог рассказать сам Карлос, — с сомнением проговорила Зарина.

— Карлос ничего добровольно не выдаст. Может, ему и пришлось бы сражаться с собственной совестью, но борьба стала бы короткой, и победу одержало бы чувство долга. Он не предаст свою старую подружку, особенно если дойдет до стрельбы, что весьма вероятно.

Лорен наклонилась вперед, глядя на Петерсена:

— Это кто его подружка? Я, что ли?

— Так, полет фантазии. Ты же знаешь, как я люблю поболтать.

Их еще дважды останавливали на блокпостах, оба раза без происшествий. Через несколько минут после последней проверки Петерсен свернул на придорожную стоянку.

— Мне бы хотелось, чтобы вы теперь пересели в кузов. Там холоднее, но мой друг-рыбак дал мне несколько одеял.

— Зачем? — спросила Зарина.

— Затем, что теперь вас могут опознать. Вероятность невелика, но мало ли. В любую минуту могут разослать ваши описания.

— Как их могут разослать, пока майор Массамо… — Оборвав фразу на полуслове, она взглянула на часы. — Вы говорили, что позвоните в воинскую часть в Чаплине через час. Прошел уже час и двадцать минут. Они там замерзнут. Зачем вы врали?

— Если ты не умеешь думать, а ты явно не умеешь, то хотя бы заткнись. Всего лишь небольшая, безвредная, необходимая ложь. Что бы случилось, если бы я позвонил сейчас или двадцать минут назад?

— За ними отправили бы спасательную группу.

— И все?

— Что еще?

— Боже, храни Югославию. Звонок бы отследили, и стало бы примерно известно, где я. Вместо меня в условленное время звонил мой друг. Из Груды, на дороге Чаплина — Имотски, к северо-западу отсюда. Из этого можно сделать вполне естественный вывод, что мы направляемся в сторону Имотски — там штаб итальянской дивизии. Так что поиски будут сосредоточены в окрестностях Имотски. Там полно мест, где можно спрятаться, — здания, склады, грузовики, — а поскольку итальянцы любят немцев примерно так же, как югославов, и приказ о моем аресте отдан в германской штаб-квартире в Риме, вряд ли они станут искать с особым энтузиазмом. Они, конечно, могут разгадать мой хитроумный план, но сомневаюсь, что они даже станут пытаться. В любом случае отправляйтесь в кузов.

Выйдя из кабины, Петерсен убедился, что девушкам помогли забраться в машину, затем вернулся за руль и тронулся с места.

Он миновал еще два блокпоста — где его пропустили, не останавливая, — прежде чем прибыть в город Мостар. Въехав в центр города, он пересек реку, свернул направо у отеля «Бристоль» и две минуты спустя, заглушив двигатель, обошел грузовик.

— Прошу оставаться в кузове, — сказал он. — Вернусь через пятнадцать минут.

— Нам позволено узнать, где мы? — поинтересовался Джакомо.

— Конечно. На общественной автостоянке в Мостаре.

— Не слишком ли на виду? — как и следовало ожидать, прозвучал вопрос Зарины.

— Чем больше на виду, тем лучше. Если действительно хочешь спрятаться, самое лучшее место — на глазах у всех.

— Не забудешь сказать Йосипу, что я ничего не ел и не пил уже несколько дней? — спросил Джордже.

— Мне незачем ему говорить. Он всегда это знает.

Петерсен вернулся в небольшом микроавтобусе «Фиат» на четырнадцать мест, чьи лучшие времена явно приходились на середину двадцатых. Водитель, невысокий, худой и смуглый, со свирепого вида черными усами, сверкал глазами, источая неукротимую энергию.

— Это Йосип, — сказал Петерсен. Йосип с энтузиазмом поприветствовал Джордже и Алекса, которые явно были его давними знакомыми. Петерсен не стал тратить время на представление

Йосипа остальным. — Грузите вещи в машину. Воспользуемся автобусом, Йосипу не слишком нравится, если перед входом в его отель будет стоять итальянский армейский грузовик.

— Отель? — переспросила Зарина. — Мы остановимся в отеле?

— Путешествуя с нами, — жизнерадостно ответил Джордже, — следует ожидать только самого лучшего.

Отель, к которому они подъехали, вовсе не выглядел самым лучшим, — во всяком случае, его окрестности вряд ли можно было назвать привлекательными. Поставив автобус в гараж, Йосип повел их по узкой извилистой дорожке, ширины которой не хватило бы даже для автомобиля, и остановился перед массивной деревянной дверью.

— Служебный вход, — сказал Петерсен. — Йосип держит вполне респектабельный отель, но ему не хочется привлекать излишнее внимание, приводя сразу столько народа.

Они прошли по короткому коридору в вестибюль — небольшой, но светлый и чистый.

— Итак, — Йосип оживленно потер ладони, — забирайте свой багаж, и я покажу вам ваши номера. Умойтесь, приведите себя в порядок, а

потом ужин. — Он развел руками. — Не «Риц», но, по крайней мере, голодными спать не ляжете.

— Вряд ли я смогу одолеть лестницу. — Джордже кивнул в сторону сводчатого прохода. — Пожалуй, просто присяду там и спокойно отдохну.

— Бармен сегодня выходной, профессор. Придется обслуживать себя самому.

— Что ж, с чем-то приходится мириться.

— Сюда, дамы.

В коридоре наверху Зарина повернулась к Петерсену и негромко спросила:

— Почему ваш друг назвал Джордже профессором?

— Его многие так называют. Такое уж у него прозвище. И можно понять, откуда оно взялось, — он всегда говорит так, будто стоит за кафедрой.

Ужин оказался намного лучше, чем обещал Йосип, но, с другой стороны, боснийские хозяева гостиниц славились своей изобретательностью и находчивостью, не говоря уже о жажде наживы. Учитывая, что дело происходило в разоренной войной стране, предложенная еда выглядела настоящим чудом — далматинская ветчина, рыба-лобан с превосходным белым пошипским вином и, к всеобщему удивлению, оленина, к которой подали одно из знаменитых неретвинских

красных вин. Мрачно заметив, что никому не дано знать, что готовит им будущее, Джордже затем молчал беспрецедентные пятнадцать минут. Он и в лучшие времена любил хорошо поесть, а его нынешний аппетит был воистину достоин восхищения.

Кроме Джордже, двоих его спутников и хозяина, за столом присутствовала Мария, жена Йосипа. Невысокая, смуглая, энергичная под стать мужу, во всех прочих отношениях она была его полной противоположностью: если он был сосредоточен и молчалив, то она вела себя оживленно, болтая почти без умолку. Взглянув на Михаэля и Зарину, которые сидели чуть поодаль за маленьким столиком, и на сидевших примерно на таком же отдалении Джакомо и Лорен, она понизила голос:

— Что-то ваши друзья не слишком уж разговорчивы.

Джордже проглотил кусочек оленины:

— Это потому что едят.

— Нет, они говорят, — возразил Петерсен. — Просто Джордже так громко чавкает, что их не слышно. Но ты права, они разговаривают очень тихо.

— Почему? — спросил Йосип. — Зачем им

шептаться? Здесь нечего опасаться. Никто их не услышит, кроме нас.

— Вы же слышали Джордже. Они не знают, что им готовит будущее. Для них все это в новинку — не для Джакомо, естественно, но для остальных троих. Они боятся, и, с их точки зрения, у них есть на это полное право. Кто знает, может, завтрашний день станет последним в их жизни.

— Для вас он тоже может стать последним, — сказал Йосип. — На рынке говорят — мы, отельеры, немало времени проводим на рынке, — что отряды партизан обошли итальянский гарнизон в Прозоре, спустились в долину Рамы и сейчас в холмах над дорогой, которая ведет отсюда в Ябланицу. Возможно, они даже по обеим сторонам дороги — партизаны способны на что угодно. Каковы ваши планы на завтра? Если, конечно, я могу поинтересоваться.

— Почему бы и нет? Скоро нам предстоит отправиться в горы, но эти трое молодых людей не слишком похожи на горных коз, так что будем оставаться в грузовике и на дороге, пока это возможно. В смысле, на дороге в Ябланицу.

— А если наткнетесь на партизан?

— Тогда и будем думать, что делать.

Покончив с едой, Джакомо и Лорен встали и

направились к общему столу.

— Я пыталась сегодня днем размять ноги, но вы мне не дали. Мне хотелось бы прогуляться. Вы не против?

— Нет. В смысле, против. В данный момент это, можно сказать, прифронтовой город. Ты молода и красива, а на улицах полно распутной солдатни. Даже если тебя остановит патруль, ты не знаешь ни слова на местном языке. К тому же очень холодно.

— С каких это пор вас начало заботить мое здоровье? — К ней вернулся ее прежний властный вид. — Джакомо за мной присмотрит. Хотите сказать, вы до сих пор мне не доверяете?

— Хм… да, и это тоже.

— Чего вы боитесь? Что я сбегу? Доложу о вас… властям? Чьим властям? Я все равно ничего не могу поделать.

— Знаю. Меня беспокоит исключительно твое собственное благополучие.

Красивые девушки не слишком умеют презрительно фыркать, но ей это почти удалось.

— Спасибо.

— Я пойду с тобой.

— Нет уж, благодарю. Вы мне ни к чему.

— Вот видишь, — сказал Джордже, — она тебя

не любит. — Он отодвинул стул. — Но все любят Джордже. Большого, веселого, добродушного Джордже. Я пойду с тобой.

— Вы мне тоже ни к чему.

Петерсен откашлялся.

— Майор прав, дамочка, — сказал Йосип. — Ночью в городе действительно опасно. Ваш Джакомо, похоже, вполне способен защитить любого, но есть улицы, куда не заглядывают даже патрули военной полиции. Я знаю, где безопасно, а где — нет.

— Вы весьма любезны, — улыбнулась она.

— Можно, мы тоже пойдем? — спросила Зарина.

— Конечно.

Все пятеро, включая Михаэля, застегнули тяжелые пальто и вышли, оставив Петерсена и двух его спутников. Джордже пожал плечами и вздохнул:

— Подумать только, когда-то я был самым популярным человеком в Югославии. Естественно, еще до того, как познакомился с тобой. Ну что, идем отдыхать?

— Так скоро?

— Я имел в виду — вон туда. — Джордже прошел под сводчатую арку и занял место за стойкой

бара. — Странная дамочка. В смысле, Лорен. Это я размышляю вслух. С чего она вдруг решила отправиться в темную и опасную ночь? Не слишком она похожа на фанатичную любительницу свежего воздуха или физических нагрузок.

— Как и Зарина. Две странные дамочки.

Джордже потянулся к бутылке красного вина.

— Будем считать, что причуды представительниц прекрасного пола, особенно столь юных, нас не касаются, и с большей пользой сосредоточимся на этом вине урожая тридцать восьмого года.

— Не такие уж они странные, — сказал вдруг Алекс.

Петерсен и Джордже посмотрели на него. Алекс так редко говорил, а тем более высказывал свое мнение, что его всегда внимательно слушали, стоило ему подать голос.

— Надо ли так понимать, Алекс, — спросил Джордже, — что ты заметил нечто, ускользнувшее от нашего внимания?

— Да. Все дело в том, что я не болтаю столько, сколько болтаете вы. — Слова его могли показаться обидными, но вовсе таковыми не являлись — он просто объяснял. — Когда вы говорите, я смотрю, слушаю и запоминаю, пока вы слушаете только друг друга. Две юные дамы, похоже, весьма

сдружились, и, как мне кажется, слишком быстро. Возможно, они в самом деле друг другу нравятся, не знаю. Но я точно знаю, что они друг другу не доверяют. Уверен, что Лорен отправилась что-то выяснить. Не знаю, что именно. Скорее всего, Зарине пришла в голову та же мысль, и она пошла с ней, чтобы узнать, о чем речь.

— Вполне разумный аргумент, — рассудительно кивнул Джордже. — Как думаешь, что они обе хотят выяснить?

— Откуда мне знать? — с ноткой раздражения в голосе ответил Алекс. — Я просто наблюдаю. Думать — ваша задача.

Обе девушки и их сопровождающие вернулись еще до того, как трое мужчин прикончили бутылку вина, то есть действительно весьма скоро. Девушки и Михаэль уже слегка посинели от холода, а Лорен откровенно стучала зубами.

— Хорошо погуляли? — вежливо спросил Петерсен.

— Очень даже неплохо, — ответила Лорен, явно не простившая ему некоего греха, который он якобы совершил. — Я просто пришла пожелать вам спокойной ночи. Утром во сколько мы выезжаем?

— В шесть.

— В шесть?!

— Если это слишком поздно…

Не обращая на Петерсена внимания, Лорен повернулась к Зарине.

— Идешь?

— Сейчас.

Лорен ушла.

— Зарина, рекомендую в качестве рюмочки на ночь вот этот мараскин[8] из Задара, — сказал Джордже. — Проведя целую жизнь…

Зарина проигнорировала его так же, как до этого Лорен — Петерсена.

— Вы мне солгали, — заявила она, поворачиваясь к майору.

— Да что ты говоришь, дорогая?

— Насчет Джордже. Его прозвища «профессор». Якобы из-за того, что он много говорит.

— Я выразился не совсем так — не «много говорит», а «говорит так, будто стоит за кафедрой».

— Не придирайтесь! Прозвище, как же! Декан филологического факультета и профессор западной филологии Белградского университета!

— Ого! — восхищенно проговорил Петерсен. — А ты и впрямь умная. Как ты выяснила?

---

[8] Notes: 8

Мараскин — хорватский вишневый ликер.

— Просто спросила Йосипа, — улыбнулась Зарина.

— Что ж, неплохо. Наверняка для тебя это стало потрясением. В смысле, ты ведь думала, будто он работал уборщиком?

Она перестала улыбаться, едва заметно покраснев:

— Вовсе я такого не думала. Но зачем вы солгали?

— На самом деле это не ложь, а всего лишь мелочь. Просто Джордже не любит хвастаться своими скромными академическими достижениями. Он так и не достиг головокружительных высот вроде диплома по экономике и политике Каирского университета.

Зарина снова покраснела, на этот раз заметнее, и улыбнулась, пусть тоже слегка:

— Я даже не защитила диплом. Так что не заслужила такого к себе отношения.

— Верно. Извини.

Она повернулась к Джордже:

— Но что вы делаете… в смысле, как простой солдат…

Стоявший за стойкой Джордже с достоинством выпрямился:

— Я весьма непростой солдат.

— Да. Но я имела в виду — декан, профессор…

Джордже с грустью покачал головой:

— Никто еще не выигрывал сражений, швыряя во вражеские окопы плюсквамперфекты сослагательного наклонения.

Зарина уставилась на него, затем повернулась к Петерсену:

— О чем это он?

— Вернулся в академическую стихию.

— Куда бы мы ни ехали, — убежденно заявила она, — сомневаюсь, что мы доберемся до места. Вы сумасшедшие. Оба. Полностью чокнутые.

Глава 5

Когда Петерсен проснулся, часы показывали полчетвертого утра. Часов он видеть не мог, потому что, когда ложился, погасил свет. Странно, но свет горел, хотя его разбудил не свет, а что-то твердое и холодное, приставленное к его правой скуле. Стараясь не поворачивать голову, Петерсен перевел взгляд на сидевшего на стуле рядом с кроватью человека с пистолетом в руке. Тридцать лет с небольшим, ладно скроенный серый костюм, аккуратно подстриженные черные усы в стиле Рональда Колмана[9] довоенных времен, обворожительная улыбка и очень светлые, ледяные голубые глаза. Медленно протянув руку, Петерсен мягко отвел в сторону приставленный ствол.

— Обязательно нужно тыкать этой штукой мне в голову? Когда с вами трое таких же, как вы, вооруженных бандитов?

В номере действительно были еще трое. В отличие от их предводителя, выглядели они неряшливо и зловеще, в чем-то смутно напоминавшем военную форму. Впрочем, внешность

---

[9] Notes: 9
Рональд Колман (1891–1958) — британский актер.

мало что значила, учитывая, что каждый держал в руке пистолет.

— Таких же? — Человек на стуле обиженно поморщился. — Меня вы тоже считаете бандитом?

— Только бандиты приставляют пистолет к голове спящего.

— Да бросьте, майор Петерсен. У вас репутация крайне опасного и весьма жестокого человека. Откуда нам знать, что вы не держите заряженный пистолет под одеялом?

Петерсен медленно вытащил правую руку из-под одеяла и показал пустую ладонь.

— Он у меня под подушкой.

— Ах вот как. — Незнакомец убрал оружие. — Уважаю профессионала.

— Как вы вошли? Дверь была заперта.

— Синьор Пияде оказал нам все возможное содействие.

Пияде — это была фамилия Йосипа.

— Что, правда?

— В наше время никому нельзя доверять.

— Это я уже выяснил.

— Начинаю верить тому, что о вас говорят. Вы ведь совсем не взволнованы. Вам что, не интересно, кто я такой?

— Зачем мне это? Вы мне не друг. Все остальное

не имеет значения.

— Может, я и не друг. А может, наоборот. Если честно, пока не знаю. Я майор Чиприано. Возможно, вы обо мне слышали.

— Слышал. Вчера. Впервые. Мне жаль вас, майор, воистину жаль, но я предпочел бы сейчас оказаться где-нибудь в другом месте. Я из числа тех чувствительных душ, что чувствуют себя неуютно в больничных палатах. В смысле, рядом с больными.

— Больными? — слегка удивился Чиприано, продолжая улыбаться. — Я — больной? Да я здоров как конь.

— Физически — не сомневаюсь. Во всех остальных отношениях вы, увы, скорее похожи на старую клячу. Любой, кто берется за грязную работу для такого злобного садиста, как генерал Гранелли, явно болен душой, а любой, кто нанимает для грязной работы психопата-отравителя Алессандро, сам наверняка садист и кандидат в психушку строгого режима.

— Ах вот оно что! Алессандро… — Чиприано либо не так-то легко было сбить с толку, либо он хорошо умел это скрывать. — Он кое-что просил вам передать..

— Вы меня удивляете. Я думал, ваш друг-отрави-

тель не в состоянии кому-либо что-то передавать. Значит, вы с ним виделись?

— Увы, нет. Он до сих пор сидит в заваренной носовой каюте «Коломбо». Должен заметить, майор Петерсен, что вы не из тех, кто ограничивается полумерами. Но я с ним говорил. Он заявил, что, когда снова с вами встретится, ваша смерть будет медленной.

— Вряд ли. Я пристрелю его как бешеного пса. Не желаю больше обсуждать вашего друга-психопата. Что вам от меня нужно?

— Пока точно не уверен. Скажите, почему вы постоянно называете Алессандро отравителем?

— Вы не знаете?

— Возможно, и знаю, но пока я понятия не имею, о чем вы.

— Вам известно, что при нем были гранаты с одурманивающим газом?

— Да.

— Полагаю, вам точно так же известно, что при нем имелся небольшой набор со шприцами и жидкостями, вызывающими потерю сознания, — видимо, какая-то разновидность скополамина?

— Да.

— Вам известно, что при нем также были капсулы с инъекциями, приводящими к мучительной

смерти?

— Это ложь. — Чиприано перестал улыбаться.

— Могу я встать?

Чиприано кивнул.

Петерсен подошел к своему рюкзаку, достал металлическую коробочку, которую он забрал у Алессандро, и протянул ее Чиприано. — Заберите это с собой в Рим, или еще куда, и отдайте содержимое капсул на анализ. На вашем месте я не стал бы его пить или вкалывать себе. Я угрожал сделать вашему другу укол из отсутствующей здесь капсулы, и он от страха лишился чувств.

— Я ничего об этом не знаю.

— Верю. Где Алессандро раздобыл столь смертоносный яд?

— Этого я тоже не знаю.

— А вот тут я не верю. Так что́ вам от меня все-таки нужно?

— Просто пойдемте с нами. — Чиприано направился в обеденный зал, где уже сидели шестеро спутников Петерсена под бдительным присмотром молодого итальянского офицера и четырех вооруженных солдат. — Оставайтесь здесь. Я знаю, что вы как профессионал вряд ли способны на глупости. Мы скоро вернемся.

Джордже, как обычно, расслаблялся в кресле

с кружкой пива в руке. За внешне спокойным обликом Алекса явно таились мысли об убийстве. Джакомо задумчиво смотрел в пол. Зарина сидела бледная, плотно сжав губы, в то время как лицо Лорен, что было для нее весьма странно, не выражало никаких чувств.

— Что ж, — покачал головой Петерсен, — хороши же мы оказались. Майор Чиприано только что назвал меня профессионалом. Будь я…

— Это был майор Чиприано? — спросил Джордже.

— Так он говорит.

— Может, ему и хватает сообразительности, но что-то он не похож на майора Чиприано.

— И разговаривает он не похоже. В общем, я собирался сказать, Джордже, что, будь я профессионалом, я бы выставил пост, часового. Моя вина. Я думал, здесь нам ничего не угрожает.

— Не угрожает, как же! — в высшей степени презрительно фыркнула Зарина.

— Что ж, будем надеяться, с нами не произойдет ничего плохого.

— Ничего плохого?

Петерсен развел руками:

— Все, что ни делается, к лучшему. Тебе, да и Лорен тоже, хотелось увидеть меня, скажем так,

в невыгодном свете. Что ж, теперь видите. И как вам? — (Ответа не последовало.) — Есть два вопроса. Удивлен, что они застигли тебя врасплох, Алекс. Мимо тебя и мышь не проскочит.

— Они приставили пистолет к голове Зарины.

— Ах вот как? А где наш добрый друг Йосип?

— Ваш добрый друг, — едко проговорила Зарина, — наверняка сейчас помогает Чиприано и его людям найти то, что они ищут.

— Господи! До чего же ты низкого мнения о моем друге! И как быстро оно у тебя сложилось!

— Кто сообщил им, что мы здесь? Кто их впустил? Кто дал им ключи — или мастер-ключ — от номеров?

— Когда-нибудь, — спокойно ответил Петерсен, — для тебя это может плохо кончиться. У тебя слишком острый язык, и ты всегда готова кого-то судить и обвинять. Если бы тот солдат, что приставил пистолет к твоей голове, успел нажать на спуск, он был бы уже мертв. Ты, естественно, тоже. Но Алекс не хотел твоей смерти. Никто их не впускал — Йосип никогда не запирает входную дверь. А когда они оказались внутри, раздобыть ключи уже не представляло проблемы. Не знаю, кто им сообщил. Я выясню. Это можешь быть даже ты.

— Я?! — Она уставилась на него сперва ошеломленно, затем с яростью.

— Под подозрением может быть любой. Ты уже не раз говорила, что я тебе не доверяю. Наверняка у тебя есть причины считать, что у меня имеются в отношении тебя сомнения. Что это за причины?

— Да вы, похоже, с ума сошли. — Она даже уже не злилась, полностью сбитая с толку.

— Ты внезапно побледнела. Почему?

— Оставьте мою сестру в покое! — гневно крикнул Михаэль. — Она ничего не сделала! Оставьте ее в покое! Преступница? Изменница? Она права — вы, похоже, в самом деле сумасшедший. Хватит над ней измываться! Кем вы себя считаете, черт бы вас побрал?

— Я армейский офицер, который не колеблясь готов поучить зеленого новобранца — по сути, мальчишку — основам дисциплины. Учти, хоть ты наконец и проявил силу духа, но не в то время и не в том месте. Пока же довольствуйся тем, что лично ты вне подозрений.

— Я должен этому радоваться, в то время как вы подозреваете Зарину?

— Мне все равно, радуешься ты или нет.

— Послушайте, Петерсен…

— Петерсен? Кто тут Петерсен? К офицеру положено обращаться «майор Петерсен». Или «господин майор». — (Михаэль не ответил.) — Ты вне подозрений, потому что после того, как ты вчера утром передал то сообщение в Рим, я вывел твой передатчик из строя. Сегодня ты мог воспользоваться рацией сестры, но вряд ли бы тебе хватило на это духу, после того как тебя поймали прошлой ночью. Знаю, ты не слишком умен, но вывод очевиден. Алекс, можно тебя на пару слов?

Пока брат и сестра смотрели друг на друга со смешанным чувством тревоги, непонимания и смятения, Алекс направился через зал к Петерсену, который начал ему что-то говорить.

— А ну прекратите! — резко бросил молодой итальянский офицер.

Петерсен терпеливо взглянул на него:

— Что прекратить?

— Разговаривать.

— С чего бы? Вы же не мешали мне говорить с этими молодым человеком и девушкой.

— Я понимал, о чем речь. Но я не понимаю по-сербохорватски.

— Ваш недостаток образования меня мало волнует. Чтобы подчеркнуть ваше невежество,

добавлю, что мы говорим не по-сербохорватски, а на славянском диалекте, который понятен только этому солдату, тому толстому господину с пивом и мне. Возможно, вы думаете, будто мы замышляем самоубийственную атаку на вас — трое невооруженных людей против четырех автоматов и пистолета? Вряд ли вы настолько сошли с ума, чтобы считать настолько сумасшедшими нас. В каком вы звании?

— Лейтенант. — Он был крайне холоден, крайне корректен и очень молод.

— Лейтенанты не приказывают майорам.

— Вы мой пленник.

— Мне пока об этом не сообщали. Но даже если бы я им являлся — хотя это и незаконно, — то был бы пленником майора Чиприано, который считал бы меня крайне важной персоной, над которой не следует измываться и которую нужно оберегать, так что хватит поглядывать на ваших людей. Если кто-то из них попытается нам помешать или разделить нас, я заберу у него оружие и сломаю о его голову, после чего можете меня пристрелить. Вас отдадут под трибунал, разжалуют, а затем, в соответствии с Женевской конвенцией, поставят к стенке. Но вам, насколько я понимаю, и самому об этом известно. — Петерсен надеялся,

что лейтенант в действительности ничего такого не знает, ведь он и сам не имел ни малейшего представления на этот счет, но, похоже, то же самое можно было сказать и о молодом офицере, поскольку он больше не пытался настаивать.

Поговорив с Алексом не больше минуты, Петерсен прошел за стойку, взял бутылку вина и бокал и сел за стол рядом с Джордже, на что молодой лейтенант, возможно размышлявший, из скольких человек могла бы состоять расстрельная команда, даже бровью не повел. Когда вернулся Чиприано вместе со своими солдатами, Йосипом и Марией, его женой, они все еще продолжали негромкий и, похоже, достаточно серьезный разговор. Чиприано уже не выглядел столь жизнерадостно и уверенно, как до этого, хотя по-прежнему улыбался, но скорее лишь по привычке — его улыбка была довольно мрачной.

— Рад видеть, что вы приятно проводите время.

— У нас есть полное право предъявить вам претензии за то, что вы прервали наш сон. — Петерсен наполнил бокал. — Но мы многое готовы простить, и наша совесть чиста, так что мы просто расслабляемся. Не хотите выпить вместе с нами бокал на сон грядущий? Уверен, это поможет вам

изящнее сформулировать свои извинения.

— Нет, спасибо, но вы правы насчет извинений. Я только что кое-куда звонил.

— Надо полагать, умникам из штаб-квартиры вашей разведки?

— Да. Откуда вы знаете?

— Откуда же еще могла поступать вся эта дезинформация? Мы, как вам известно, занимаемся примерно одним и тем же, и что-то похожее случается с нами постоянно.

— Приношу искренние извинения за доставленные вам неудобства из-за дурацкой ложной тревоги.

— Что еще за тревога?

— В нашей штаб-квартире в Риме пропали некоторые документы. Какой-то гений из числа подчиненных генерала Гранелли — пока не знаю, кто именно, но выясню это еще до конца дня — решил, что они попали в руки либо к вам, либо к кому-то из вашей группы. Документы очень важные, крайне секретные.

— Все пропавшие документы крайне секретные. У меня есть с собой кое-какие бумаги, но, уверяю вас, они не краденые, и я не знаю, насколько они важны или секретны.

— Про эти бумаги я знаю, — улыбнулся Чипри-

ано, пренебрежительно махнув рукой. — Да вы и сами наверняка знаете. Те, что пропали, куда важнее, они никогда не покидали сейфа в Риме. Но это просто недосмотр одного из служащих, ответственных за подобные документы, только и всего.

— Могу я поинтересоваться, что в них?

— Можете, и это все, что я могу ответить на ваш вопрос. Я этого не знаю, а даже если бы знал, то не сказал бы. Желаю спокойной ночи — или того, что от нее осталось. Еще раз мои извинения. До свидания, майор Петерсен.

— До свидания. — Петерсен пожал протянутую руку. — Передавайте привет полковнику Лунцу.

— Передам. — Чиприано нахмурился. — Хотя я его едва знаю.

— В таком случае от меня привет Алессандро.

— Одним приветом я не ограничусь. — Он повернулся к Йосипу и пожал ему руку. — Большое вам спасибо, синьор Пияде. Вы очень помогли. Мы этого не забудем.

После того как Чиприано и его люди ушли, первой нарушила молчание быстрее всех пришедшая в себя Зарина:

— «Спасибо, синьор Пияде. Вы очень помогли, синьор Пияде. Мы этого не забудем, синьор

Пияде».

Озадаченно взглянув на нее, Йосип повернулся к Петерсену:

— Это она мне?

— Полагаю, она обращается ко всем присутствующим.

— Не понимаю.

— Вряд ли она сама понимает. У этой юной дамы сложилось странное впечатление, будто ты сообщил майору Чиприано — скорее всего, она так считает, по телефону — о нашем приезде, а затем устроил ему и его людям экскурсию по отелю, выдавая при необходимости ключи. Возможно, впрочем, что она пытается отвести от себя подозрение, в то время как именно она всему этому виной.

Зарина попыталась что-то сказать, но разгневанная Мария не дала ей шансов. Сделав три быстрых шага, она оказалась перед внезапно испугавшейся Зариной, уперев в бока кулаки с побелевшими костяшками пальцев. В глазах ее бушевала буря.

— До чего же у тебя симпатичное личико, дорогуша, — прошипела она сквозь зубы. — До чего же нежный цвет кожи. А у меня ох какие острые ногти. Мне разодрать тебе физиономию за то, что

ты оскорбила честь моего мужа? Или для такой твари, как ты, достаточно нескольких пощечин, крепких пощечин — чтобы в полной мере выразить свое презрение к тебе? — Марии Пияде не требовались подсказчики в таких случаях.

Зарина молчала. Страх на ее лице сменился подобием шока.

— Какой-то солдат — не майор, он цивилизованный человек, и его тут не было — наставил на меня пистолет. Вот так. — Мария театральным жестом взмахнула правой рукой, ткнув указательным пальцем в шею. — Не просто наставил — надавил. Сильно надавил. Он сказал, что у меня есть три секунды, чтобы мой муж отдал ему мастер-ключ. Вряд ли бы он выстрелил, но Йосип сразу же отдал ключ. Ты готова его в этом обвинить? — (Зарина медленно, с ошеломленным видом покачала головой.) — Но ты все еще считаешь, будто Йосип тебя предал?

— Нет. Не знаю даже, что и думать, но я больше так не считаю. Я просто не знаю. Простите, Мария. В самом деле, простите. — Она слабо улыбнулась. — Мне тоже угрожал оружием военный. Он приставил мне пистолет к уху. Может, потому я не слишком хорошо соображаю?

Полный холодной ярости взгляд Марии

несколько смягчился. Порывисто шагнув вперед, она обняла девушку и стала гладить ее по волосам.

— Вряд ли кто-то из нас сейчас хорошо соображает. Джордже! — крикнула она через плечо Зарины. — О чем ты задумался?

— О сливовице, — решительно заявил Джордже. — Универсальное средство. Если прочесть этикетку на бутылке «пеллегрино»…

— Джордже!

— Сейчас.

Йосип потер небритый подбородок:

— Если мы с Зариной не виноваты, то это нисколько не приближает нас к ответу. Кто проговорился? У тебя есть подозрения, Петр?

— Никаких. Они мне ни к чему. Просто я знаю кто.

— Знаешь? — Повернувшись к бару, Йосип взял бутылку сливовицы с подготовленного Джордже подноса, наполнил рюмку, осушил ее в два глотка и, кашляя и отплевываясь, спросил: — Кто?

— Я пока не готов сказать. Не потому, что намерен продлить тревогу, поднять напряжение, дать злодею достаточно веревки, чтобы он мог сам повеситься, и тому подобные глупости. Дело в том, что я пока не могу этого доказать. Я даже

не уверен, что хочу доказать. Возможно, тот, кого я имею в виду, заблуждался или действовал непреднамеренно, по неосторожности или даже из лучших побуждений — естественно, с его собственной точки зрения. В отличие от Зарины, я избегаю преждевременных суждений и обвинений.

— Петр! — В голосе Марии прозвучали предупреждающие, почти не терпящие возражений нотки. Рука ее все еще лежала на плече Зарины.

— Прости, Мария. Прости, Зарина. Порой всплывают наружу не самые лучшие черты моей натуры. Кстати, если хотите спать — конечно, идите. Спешить теперь некуда. Планы меняются. Мы уедем завтра за час-два до полудня, не раньше. Джакомо, можно тебя на пару слов?

— А у меня есть выбор?

— Само собой. Ты всегда можешь сказать «нет».

Широко улыбнувшись, Джакомо встал и сунул руку в карман:

— Йосип, могу я купить бутылку этого превосходного красного вина?..

— Друзья Петра Петерсена в моем отеле ни за что не платят, — со слегка оскорбленным видом ответил Йосип.

— А если я ему не друг? В смысле, если он мне не друг. — Джакомо, похоже, весьма позабавила эта мысль. — В любом случае спасибо. — Взяв из бара бутылку и два бокала, он прошел к дальнему столу, налил вина и восхищенно проговорил: — Ну и матерая эта Мария женщина! Такой палец в рот не клади. Хотя не слишком ли быстро она меняет свое мнение?

— В смысле, переменчивая натура?

— Именно. Похоже, она знает тебя прекрасно. Давно вы знакомы?

— Давно, — слегка прочувствованно ответил Петерсен. — Двадцать шесть лет, три месяца и несколько дней. Со дня ее рождения. Она моя двоюродная сестра. А почему ты спросил?

— Из любопытства. У меня начинает возникать мысль, что ты знаешь все в этой долине. Ладно, допрашивай, инквизитор. Должен по случаю заметить, что мне льстит роль главного подозреваемого, а может, даже обвиняемого.

— Ты не подозреваемый и не обвиняемый. Так что с ролью ты ошибся. Если бы ты хотел, скажем, избавиться от Джордже, Алекса или меня либо прибрать к рукам нечто, по твоему мнению у нас имеющееся, ты бы использовал средства потяжелее. Тайные телефонные звонки или секретные

наводки не в твоем духе. Хитроумные ходы никогда не были частью твоей профессии.

— Что ж, благодарю. Хотя ты меня разочаровал. Как я понимаю, ты хочешь у меня что-то спросить?

— Если можно.

— Обо мне, естественно? Валяй. Нет, погоди. Давай я сам поведаю тебе свою биографию. За моей спиной — безупречное прошлое. Моя жизнь — открытая книга. Ты прав, я родился в Черногории. Мое имя Владимир, но я предпочитаю Джакомо. В Англии меня звали Джонни, но я все равно предпочитаю Джакомо.

— Ты жил в Англии?

— Я англичанин. Может показаться странным, но на самом деле ничего странного. До войны я был первым помощником капитана в торговом флоте — в смысле, в югославском. В Саутгемптоне я познакомился с прекрасной канадской девушкой и сошел на берег. — Он говорил так, будто это являлось чем-то совершенно естественным, и Петерсен сразу же понял, что для Джакомо так оно и было. — Сперва у меня возникли небольшие сложности с пребыванием в Англии, но я нашел превосходного и весьма понятливого босса, который работал водолазом по правительственному

контракту и которому не хватало еще одного опытного ныряльщика. Лицензию водолаза я получил еще до того, как пришел на флот. Потом я женился…

— На той самой девушке?

— На той самой. В августе тридцать девятого я получил гражданство, а когда месяц спустя началась война, пошел служить. Поскольку у меня был диплом моряка дальнего плавания и лицензия водолаза, которая могла бы пригодиться для установки магнитных мин на корабли во вражеских портах, я не сомневался, что мое место во флоте. Но, как со всей неизбежностью оказалось, меня определили в пехоту. Я отправился в Европу, вернулся через Дюнкерк и в итоге попал на Ближний Восток.

— И с тех пор так там и оставался? Без отпуска?

— Без отпуска.

— То есть ты два года не видел жену? Дети есть?

— Девочки-близнецы. Одна родилась мертвой. Другая умерла в шесть месяцев. Полиомиелит, — коротко, почти небрежно сообщил Джакомо. — В начале лета сорок первого жена погибла во время налета люфтваффе на Портсмут.

Петерсен молча кивнул. Да и что было гово-

рить? Оставалось лишь удивляться, что такой человек, как Джакомо, постоянно улыбается, — хотя удивляться на самом деле было нечему.

— Я был в Восьмой армии, в группе дальней разведки, в пустыне. Потом один умник раскопал, что я на самом деле моряк, а не солдат, и я поступил в Особую корабельную службу под командованием майора Джеллико в Эгейском море. — (Петерсен знал, что и туда и туда набирали добровольцев, но спрашивать Джакомо, почему он пошел добровольцем, не имело смысла.) — Потом тот же умник выяснил насчет меня еще кое-что, а именно что я югослав, и меня отозвали обратно в Каир, чтобы сопровождать Лорен к месту ее назначения.

— А что будет потом, когда ты доставишь ее к месту назначения?

— В смысле, когда *ты* доставишь ее туда? Моя ответственность закончилась, с этого момента я просто сижу, расслабляюсь и еду вместе со всеми. Кто-то решил, будто я лучше всего гожусь для этой работы, но откуда им было знать, что мне повезет встретиться с тобой? — Джакомо добавил себе вина, откинулся на стуле и широко улыбнулся. — У меня нет родных во всей Боснии.

— Если уж такое наше везение, надеюсь, что

оно нас не покинет. Вернемся к моему вопросу, Джакомо…

— Конечно. Но дай мне еще минутку. Я с радостью бы вернулся уже сейчас, с чистой совестью, но я должен получить что-то вроде расписки от этого полковника Михайловича. Думаю, от меня хотят, чтобы я снова стал водолазом. Нетрудно догадаться почему — наверняка причина тому тот же умник, который выяснил, что я бывший моряк. Как там говорил Михаэль в той горной таверне? Странный старый мир? Я три года с лишним сражался с немцами и через пару недель буду заниматься тем же самым. И этот перерыв, когда я в той или иной степени сражаюсь вместе с немцами — хотя вряд ли увижу в Югославии пусть даже одного немца, — мне не по душе.

— Ты слышал, что Джордже говорил Михаэлю. Нет смысла излагать это же другими словами. Перерыв очень короткий, Джакомо. Попрощаешься со своей подопечной, проронишь слезу — только постарайся не улыбаться, — а потом вперед, в Эгейское море.

— «Постарайся не улыбаться»? — Джакомо задумчиво посмотрел на содержимое бокала. — Что ж, может быть. И да, и нет. Если это странный старый мир, то она — странная юная девушка на

странной старой войне. Столь же переменчива, как и твоя двоюродная сестра. Темпераментна, с аристократической внешностью, но, увы, порой ей недостает аристократического хладнокровия. Секунду назад она холодна и неприступна, а в следующее мгновение дружелюбна и полна нежности.

— Насчет нежности я пока что не замечал.

— Зато я заметил некоторое отсутствие взаимопонимания между вами. Она может быть очаровательна даже в гневе, что уже немалое достижение. Совершенно не по-английски. Полагаю, ты знаешь, что она англичанка? Похоже, тебе много чего о ней известно.

— Я знаю, что она англичанка, потому что мне сказал об этом Джордже. Еще он сказал мне, что ты родом из Черногории.

— Ах, наш профессор-лингвист…

— Выдающийся лингвист с выдающимся слухом. Вероятно, он мог бы назвать даже твой домашний адрес.

— По ее словам, ты знаешь того капитана Харрисона, с которым ей предстоит работать?

— Знаю, и очень хорошо.

— Она тоже. Работала с ним раньше. До войны, в Риме. Он был управляющим итальянского

филиала английской компании по производству шарикоподшипников, а она — его секретаршей. Именно там она выучила итальянский. Похоже, Харрисон ей весьма нравится.

— Похоже, ей вообще весьма нравятся мужчины. Ты еще не угодил в ее сети, Джакомо?

— Нет. — Он снова широко улыбнулся. — Но я над этим работаю.

— Что ж, спасибо. — Петерсен встал. — Прошу меня извинить. — Он направился к месту, где сидела Зарина. — Мне хотелось бы с тобой поговорить. Наедине. Знаю, это звучит зловеще, но на самом деле нет ничего такого.

— О чем?

— Дурацкий вопрос. Если я хочу поговорить с тобой наедине, я не стану сообщать об этом всем.

Она встала. Михаэль тоже.

— Я не позволю вам разговаривать с ней без меня, — заявил он.

Вздохнув, Джордже устало поднялся на ноги, подошел к Михаэлю, положил тяжелые ладони на плечи парня и с легкостью, будто ребенка, усадил его на стул.

— Михаэль, ты всего лишь простой солдат. В американской армии ты был бы рядовым второго класса. Я — старший сержант, пусть временно, но

тем не менее. Не понимаю, с чего майору с тобой заморачиваться. И не понимаю, зачем заморачиваться с тобой мне. Какое нам до тебя дело? Ты уже не мальчик. — Протянув руку назад, он взял со стола рюмку мараскина и подал ее Михаэлю. Тот с мрачным выражением взял рюмку, но пить не стал. — Если Зарину похитят, мы все будем знать, кто это сделал.

Петерсен повел девушку в ее номер. Оставив дверь открытой, он оглядел помещение с таким видом, будто не ожидал ничего найти, и принюхался. Зарина холодно взглянула на него.

— Что вы ищете? Что вынюхиваете? Все, что вы делаете и говорите, — неприятно, отвратительно, невыносимо, оскорбительно, унизительно…

— Да перестань. Я твой ангел-хранитель, а с ангелами-хранителями так не разговаривают.

— Ангел-хранитель, как же! Вы еще и врете. Вы врали там, в столовой. Вы до сих пор думаете, будто я передавала что-то по радио.

— Я так не думал и не думаю. Ты просто не способна действовать за чужой спиной. — Он положил руки ей на плечи, и она настороженно, почти с испугом взглянула на него, но даже не попыталась отстраниться. — Ты умна и сообразительна — в отличие от твоего брата, но это не его

вина, — и я не сомневаюсь, что ты можешь быть хитрой и коварной, поскольку по твоему лицу многого не понять. Есть лишь одно, что мешает тебе стать шпионкой, — ты чересчур… как бы это сказать… кристально честна.

— Довольно-таки сомнительный комплимент, — заметила Зарина.

— Сомнительный или нет, но так оно и есть. — Опустившись на колени, Петерсен пошарил под не слишком хорошо подогнанной дверью, потом извлек из замка ключ и внимательно его осмотрел. — Ты запирала дверь прошлой ночью?

— Конечно.

— Куда ты дела ключ?

— Оставила в замке, повернув на пол-оборота. Чтобы тот, у кого есть дубликат ключа или мастер-ключ, не смог протолкнуть ключ внутрь или на подложенную под дверь бумагу. Нас этому учили в Каире.

— А, перестань. Вашим инструктором, вероятно, был десятилетний школьник. Видишь два маленьких блестящих следа по обе стороны черенка ключа? — (Зарина кивнула.) — Их оставил инструмент, крайне ценимый профессионалами высшего класса, которые чересчур изысканы, чтобы взламывать дверь кувалдой. Пара очень

тонких щипцов из нержавеющей стали с добавкой карборунда или титана. С их помощью можно повернуть в замке любой ключ. У тебя ночью побывали гости.

— Кто-то позарился на мое радио?

— Кто-то наверняка им воспользовался. Может быть, прямо здесь.

— Ерунда. Я вчера устала, но сплю я не крепко.

— А вчера, возможно, спала. Как ты себя чувствовала, когда проснулась — в смысле, когда тебя разбудили?

— Ну… — Зарина замялась. — На самом деле меня немного тошнило. Но я думала, что это от усталости, или от недосыпа, или от страха, — я не особая трусиха, но не такая уж и отважная, и на меня впервые в жизни наставили пистолет… а может, я просто не привыкла к незнакомой еде.

— Иными словами, ты чувствовала себя… слегка одурманенной?

— Да.

— Вероятно, так оно и было. Вряд ли кто-то тайно пробрался в номер и прижал тебе к носу тряпку с хлороформом или чем-то подобным, поскольку запах от него не выветривается часами. Скорее, какой-то газ, впрыснутый в замочную скважину из баллончика, который вполне может

быть из той же химической лавки, где Алессандро покупает свои игрушки. В любом случае могу обещать, что сегодня ночью никто тебя не потревожит. Можешь спокойно отдыхать, зная, что ты не находишься ни в чьем черном списке. Тебя ни в чем не осуждают, не обвиняют и даже не подозревают. Можешь теперь по крайней мере не сомневаться, что я вовсе не такое чудовище, как ты себе представляла.

Зарина выдавила улыбку:

— Возможно, вы вообще не чудовище.

— Ну что, пойдешь спать?

Она кивнула. Петерсен пожелал ей спокойной ночи и вышел, закрыв за собой дверь.

Прошел почти час, прежде чем Петерсен, Джордже и Йосип остались в столовой одни. Остальные не спешили уходить. Ночные события не способствовали скорому отходу ко сну, к тому же все знали, что завтра рано вставать не нужно.

Джордже, вновь налегший на красное вино, приканчивал очередную из бесконечных бутылок, но выглядел и разговаривал при этом так, будто все это время употреблял лишь минеральную воду. Увы, нельзя было того же сказать по поводу сигар — под потолком висела густая пелена вонючего сизого тумана.

— Твой друг майор Чиприано не стал задерживаться, — заметил Йосип.

— Он мне не друг, — ответил Петерсен. — Я никогда его раньше не видел. Внешность, конечно, мало что значит, но человек он с виду вполне разумный. В смысле, для агента разведки. А ты его давно знаешь?

— Он дважды здесь бывал. Как обычный постоялец. Мне он тоже не друг. А его благодарность за мою помощь — всего лишь попытка отвлечь подозрения от того, кто его навел. Наверняка он знал, что попытка окажется тщетной, но, вероятно, не смог придумать ничего лучше. Какая у него была цель?

— В этом нет никакой тайны. Ко мне относятся с подозрением как немцы, так и итальянцы. Я должен доставить сообщение командиру четников. На корабле из Италии один из агентов Чиприано, неприятный тип по имени Алессандро, пытался выведать у меня это сообщение. Ему хотелось знать, совпадает ли оно с имевшейся у него копией. У него ничего не вышло, и Чиприано, забеспокоившись, отправился в Плоче. Ему сообщили, где мы находимся, и он явился сюда — наверняка на легкомоторном самолете, — а потом, когда всех нас собрали здесь, обыскал

наши вещи, вскрыл паром конверт с моим сообщением, выяснил, что оно не изменилось, и снова его заклеил. После чего Чиприано покинул сцену, сбитый с толку, но удовлетворенный — по крайней мере, пока.

— Что с Зариной? — спросил Джордже.

— Кто-то сегодня утром проник к ней в номер, одурманил ее какой-то дрянью и воспользовался ее передатчиком, чтобы вызвать Чиприано. Зарина сказала, что теперь мне доверяет. Я ей не верю.

— Как всегда, — печально проговорил Джордже. — Все против нас — и мужчины, и женщины.

— Одурманил? — недоверчиво переспросил Йосип. — В моем отеле? Как можно кого-то одурманить в моем отеле?

— А как вообще можно кого-то одурманить?

— И кто был этот злодей?

— Злодейка. Лорен.

— Лорен? Эта прекрасная девушка?

— Возможно, душа ее не столь прекрасна, как все остальное.

— Зарина, теперь Лорен, — с грустью покачал головой Джордже. — Чудовищный женский полк.

— Но как ты догадался? — спросил Йосип.

— Простая арифметика. Методом исключения. Лорен вечером пошла прогуляться и быстро вернулась. Она ходила не на прогулку, а за чем-то еще. За информацией. Ты ходил с ней, Йосип. Не помнишь, она не делала или не говорила ничего странного?

— Она ничего не делала, просто шла. И почти ничего не говорила.

— В таком случае легко было запомнить.

— Ну… ей показалось странным, что у меня нет вывески с названием отеля. Я ответил, что пока не собрался ее повесить и что отель называется «Эдем». Еще ей показалось странным, что нигде нет уличных табличек, и я сказал ей, как называется улица. Ага… так она что, выяснила таким способом название отеля и адрес?

— Да. — Петерсен встал. — Пойду лягу. Надо полагать, ты не собираешься сидеть здесь до утра, Джордже?

— Нет, конечно. — Джордже взял из-за стойки новую бутылку. — Но нам, ученым, порой требуется время помедитировать.

В полдень Петерсен и шесть его спутников все еще оставались в отеле, сидя за обедом, на котором настоял Йосип и который оказался вполне

под стать вчерашнему ужину. Но одно место за столом пустовало.

— Где профессор? — спросил Йосип.

— Джордже нездоров, — ответил Петерсен. — Не встает с постели. Острая боль в желудке. Он полагает, что съел вчера что-то не то.

— Что-то не то?! — возмущенно возразил Йосип. — Он ел вчера в точности то же самое, что и остальные, — не считая, естественно, количества, — и никто больше не заболел. Так что моя еда тут ни при чем! Я знаю, в чем причина нездоровья профессора. Когда я спустился сюда рано утром, примерно через два часа после того, как вы пошли спать, профессор все еще сидел здесь и, как он выразился, медитировал.

— Что ж, это многое объясняет.

Однако это никак не объясняло появления Джордже минут через десять после того, как все приступили к еде. Он попытался слабо улыбнуться, хотя особо измученным не выглядел.

— Простите за опоздание. Майор наверняка сказал вам, что я плохо себя чувствую. Спазмы, впрочем, немного прошли, и я решил попробовать чего-нибудь перехватить. Так сказать, чтобы успокоить желудок.

К часу дня желудок Джордже, похоже, успокоил-

ся в полной мере. За пятьдесят минут, прошедших с тех пор, как он присоединился к остальным, он съел вдвое больше всех прочих, без особых усилий осушив две большие бутылки вина.

— Мои поздравления, Джордже, — сказал Джакомо. — Только что ты пребывал на смертном одре, а теперь поражаешь всех своим аппетитом.

— Ничего особенного, — скромно ответил Джордже. — Я во многих отношениях поразительная личность.

Петерсен присел на кровать в номере Джордже.

— Ну?

— Неплохо, хотя в каком-то смысле не совсем. Мне попались два предмета, которые вряд ли кто-то стал бы искать в багаже столь аристократичной юной дамы. Один из них — маленький кожаный футляр с весьма профессиональным воровским инструментом. Другой — небольшая металлическая коробочка, внутри пакетики с какой-то жидкостью, которая, когда пакетик сжимаешь, превращается в газ. Я его понюхал совсем чуть-чуть, но это явно какое-то снотворное. Интересно, что эта коробочка, хотя и меньше той, что была у Алессандро, сделана из того же материала и тем же материалом выложена внутри. Что

будем делать с нашей юной обольстительницей?

— Ничего. Она не опасна. Иначе она не совершила бы такую дилетантскую ошибку.

— Ты говорил, что знаешь, кто злоумышленник. Ей наверняка станет интересно, почему ты не назвал его по имени.

— Пусть. Что она сможет сделать?

— Верно, — согласился Джордже. — Верно.

Глава 6

После двух часов дня Петерсен уже был за рулем итальянского грузовика, который он угнал из Мостара. Шел густой снег, температура опустилась ниже нуля. Сидевшие рядом с ним девушки были подавлены и молчаливы, но это его нисколько не волновало. Он вел машину расслабленно и без особой спешки, как человек, которому принадлежит все время мира, а беспрепятственно миновав блокпост в Потоци, совсем сбавил скорость. Это было связано не столько со сменой настроения, сколько с состоянием дороги — узкой, извилистой и изрытой, явно нуждавшейся в услугах ремонтных бригад, давно тут не бывавших. Что важнее, дорога пошла на подъем, и довольно крутой, в то время как долина Неретвы сужалась с обеих сторон, уходя все ниже и ниже извилистой дороги, пока они не оказались над почти отвесным обрывом высотой в пару сотен метров, под которым бурлила и пенилась река. Учитывая убитое состояние скользкой дороги, отсутствие каких-либо ограждений и тот факт, что река постепенно исчезала в сгущающейся

снежной пелене, вряд ли поездка могла поднять настроение впечатлительным или нервным натурам. Судя по стиснутым пальцам и крайне встревоженным лицам спутниц Петерсена на переднем сиденье, они явно относились к вышеназванной категории. Петерсен не пытался как-либо их успокоить или развеселить, не из черствости или безразличия, а потому, что они все равно не поверили бы ни единому его слову.

Девушки облегченно вздохнули, когда Петерсен свернул с дороги в узкое ущелье, каким-то чудом открывшееся в отвесной стене справа. Дорога превратилась в извилистую колею, в которой постоянно пробуксовывали задние колеса, но, по крайней мере, свалиться в пропасть с нее было невозможно — по обеим сторонам тянулись высокие скалы. Минут через пять Петерсен остановился, заглушил двигатель и спрыгнул на землю.

— Дальше не поедем, — сообщил он. — Во всяком случае, не на этой машине. Оставайтесь здесь.

Обойдя грузовик кругом, он раздвинул брезент, повторил то же самое тем, кто оставался внутри, и скрылся в клубах снега. Через несколько минут он вернулся, сидя рядом с водителем странной

открытой машины, — когда-то это вполне мог быть небольшой грузовик, с которого срезали верх и заднюю половину. Водитель, одетый в толстую шерстяную шинель цвета хаки, мог быть любой национальности: надвинутая на лоб меховая шапка, роскошная черная борода с усами и темные очки в роговой оправе не позволяли разглядеть черт его лица, за исключением носа. Машина остановилась, и Петерсен вышел из кабины.

— Это Доминик, — сказал он. — Он нам поможет. Его машина с полным приводом и способна добраться туда, куда наша не доберется, но даже она далеко не уедет, пару километров от силы. Доминик довезет наших дам, все наши вещи и одеяла — уверяю вас, сегодня они нам понадобятся — докуда получится, потом вернется за нами. Пока мы пойдем пешком.

— Хотите сказать, вы знали, что этот ваш друг нас тут встретит? — спросила Зарина. — И именно в это время?

— Плюс-минус несколько минут. Какой бы из меня был проводник, если бы я не мог вовремя встретиться со связным?

— А что с грузовиком? — поинтересовался Джакомо. — Ты же не собираешься его тут оставить?

— Почему бы и нет?

— Я думал, у тебя есть привычка сбрасывать ненужные итальянские грузовики в Неретву. Я видел несколько подходящих мест в том чертовом ущелье, через которое мы только что проехали.

— Пустая трата времени. К тому же он еще может нам пригодиться. А самое главное, нашему другу майору Чиприано уже известно, что грузовик у нас.

— Откуда он мог это узнать?

— Скорее, почему бы ему это не знать? Тебе не приходило в голову, что информатор, от которого он узнал, что мы в отеле «Эдем», сообщил ему также все подробности нашего путешествия после схода на берег с торпедного катера, в том числе и про этот грузовик? По радио, а может, еще до того, как его выволокли из номера отеля, — не важно. Мы проехали блокпост в Потоци около часа назад, и нас даже не пытались остановить. Может показаться странным, если не считать, что там уже получили описание нашей машины, сразу же ее опознали и, в соответствии с приказом, пропустили. Давайте побыстрее вытаскивайте вещи. Становится еще холоднее, чем я думал.

Действительно похолодало всерьез. Юго-во-

сточный ветер, от которого они укрывались в долине Неретвы, усиливался с каждой минутой. Ему не положено было быть холодным, но, похоже, метеорологические нормы ничего для него не значили, и казалось, будто он дует прямиком из Сибири. Забрав вещи и пассажирок, Доминик тут же уехал; можно было не сомневаться, что его темные очки в первую очередь предназначались для защиты от снега.

Пятеро мужчин двинулись в путь пешком, и уже через пятнадцать минут их забрал вернувшийся Доминик. Поездка по еще более ухабистой и разбитой дороге, вдобавок вверх по склону и по глубокому снегу, оказалась лишь немногим приятнее и быстрее, чем пеший марш. Никто из пассажиров особо не жалел, когда машина остановилась в конце дороги возле полуразвалившегося деревянного строения, оказавшегося гаражом. Внутри прятались от снега обе девушки. Они были не одни — им составляли компанию трое мужчин или, скорее, юношей в полувоенной форме, и пять пони.

— Где мы вообще? — спросила Зарина.

— Почти на месте, — ответил Петерсен. — Еще часа полтора спокойной езды, и все. Это гора Прень, вернее горный массив. Неретва здесь

делает крутой поворот и обтекает Прень с трех сторон, и это делает гору идеальным местом с точки зрения обороны. Реку пересекают лишь два моста, один на северо-западе, в Яблаице, другой на северо-востоке, в Коньике, и оба их легко защищать и оборонять. На юго-востоке естественных преград нет, но с той стороны нам ничего не грозит.

— Спокойной езды, говорите? Эти лошади идут рысью или скачут галопом? Не люблю лошадей.

— Это пони, а не лошади, и нет, они не скачут галопом. Во всяком случае, не сейчас. Им вполне хватает ума. Дорога идет вверх по склону, и довольно-таки круто.

— Вряд ли мне это понравится.

— Что тебе точно понравится, так это окружающий вид.

Прошло полчаса, а Зарине не нравился ни подъем в гору, ни окружающий вид. Подъем, хотя и не настолько крутой, был достаточно труден, а вид, хоть и действительно впечатляющий, вызывал у нее нечто среднее между восторженным страхом и парализующим ужасом. Тропа, шириной всего в пару метров, а местами и того меньше, была выбита в отвесном, походившем на обрыв склоне и поднималась по нему казавшимся бесконечным

серпантином. С каждым шагом пони дно узкой долины, едва видимое сквозь снежную пелену, казалось все более далеким. Верхом ехали лишь они с Лорен — остальные маленькие лошадки несли весь их надежно навьюченный багаж и одеяла. Через какое-то время Лорен спешилась, вцепившись в руку Джакомо так, будто это была ее самая последняя слабая надежда.

— Боюсь, — заметил шедший рядом с пони Зарины Петерсен, — что все это тебе не настолько нравится, как мне бы хотелось.

— «Нравится»? — Она невольно вздрогнула, и вовсе не от холода. — Я тогда вам говорила в отеле, что я вовсе не такая уж большая трусиха. Так вот, это неправда! Мне страшно! Я пытаюсь себя убедить, что бояться глупо, но ничего не могу поделать.

— Ты не трусиха, — сухо ответил Петерсен. — У тебя это с детства.

— Что именно? В каком смысле?

— Страх высоты, вот что. От него может страдать любой. Я знаю самых смелых людей, самых бесстрашных бойцов, которые не могут даже ступить на стремянку или сесть в самолет.

— Да-да, со мной всегда так. Вам это тоже знакомо?

— Я не боюсь высоты, но слишком часто это наблюдал у других. Головокружение, потеря равновесия, почти неудержимое желание броситься с обрыва или, как в данном случае, уверенность, что твой пони в любой момент может прыгнуть в бездну. Я прав?

Зарина тупо кивнула. Петерсен предпочел не говорить, что, если она знала о своих проблемах и о югославских горах, ей следовало оставаться в Каире. Обойдя ее лошадь со стороны головы, он взял поводья.

— Эти пони куда увереннее, чем мы, передвигаются по горам. Даже если у твоей лошадки вдруг закружится голова, чего никогда не бывает, я первым свалюсь в пропасть. И даже если тебе покажется, что ты падаешь, ничего не случится — я между тобой и обрывом и, будь уверена, сумею тебя подхватить. И после каждого поворота буду идти с другой стороны. Так мы точно доберемся до вершины. Я не настолько глуп, чтобы предлагать тебе расслабиться и ни о чем не думать: могу лишь сказать, что через четверть часа ты почувствуешь себя намного лучше.

— Мы к тому времени уйдем с этого утеса? — Голос ее все еще дрожал.

— Уйдем, уйдем.

Петерсен знал, что это неправда, но к тому времени уже должно было настолько стемнеть, что Зарина не смогла бы разглядеть долину внизу.

Уже сильно стемнело, когда они миновали границу чего-то напоминающего постоянный лагерь. Множество хижин и палаток, расположившихся близко друг к другу, почти все были освещены, хотя и не слишком ярко, — на такой высоте отсутствовало централизованное электроснабжение, а единственный маленький генератор был зарезервирован для штабной зоны. Для большинства остальных, как солдат, так и неизбежных примкнувших пришлых, основным источником света были керосиновые лампы, сальные свечи и коксовые горелки. Проехав еще метров триста по почти безлюдному пологому склону, малочисленная кавалькада Петерсена остановилась перед большим строением с металлической крышей и двумя ярко светившимися окнами.

— Вот мы и на месте, — объявил Петерсен. — Можно сказать, дома, пока не найдется более подходящего слова. — Подставив руки, он помог дрожащей девушке сойти на землю. Она вцепилась в него так, будто боялась упасть, и наверняка бы упала, если бы Петерсен ее не поддержал.

— Меня ноги не держат, — хрипло проговорила она, но, по крайней мере, голос ее уже не дрожал.

— Не сомневаюсь. Могу поспорить, ты никогда раньше не ездила верхом.

— Вы выиграли, но не в этом дело. Я так вцепилась в эту несчастную лошадь... — Она попыталась рассмеяться, но попытка вышла неудачной. — Удивлюсь, если у бедного пони не останутся на много дней синяки на боках.

— Ты прекрасно справилась.

— Прекрасно? Да мне за себя стыдно! Надеюсь, вы никому не станете рассказывать, что встретили самую трусливую радистку на всех Балканах?

— Не стану. Не стану, потому что не собираюсь лгать. Думаю, ты самая отважная девушка из всех, кого я знал.

— После такого?

— Особенно после такого.

Она все еще цеплялась за него, явно боясь потерять равновесие.

— Думаю, вы самый добрый мужчина из всех, кого я встречала.

— Господи помилуй! — искренне удивился Петерсен. — Похоже, это все из-за нервного перенапряжения. После всего, что ты про меня

наговорила?

— Особенно после того, что я про вас наговорила.

Зарина продолжала держаться за майора, хотя в этом уже не было нужды. Внезапно послышался удар тяжелого кулака в деревянную дверь и грохочущий голос Джордже:

— Открывайте, именем закона, милосердия к ближнему или чего там еще! Мы пересекли пылающие пески и умираем от жажды!

Дверь почти сразу же распахнулась, и на пороге в прямоугольнике света появился высокий худой человек. Спустившись по двум ступенькам, он протянул руку.

— Не может быть… — проговорил он с едва заметным оксбриджским акцентом.

— Может. — Джордже пожал его ладонь. — Хватит формальностей. На кону само священное понятие британского гостеприимства.

— Боже милостивый! — Мужчина вставил в правый глаз странной формы овальный монокль и, шагнув к Лорен, с изысканной галантностью поцеловал ей руку. — Боже милостивый! Лорен Чемберлен! — Можно было подумать, будто он собирается разразиться пространной речью, но тут он заметил Петерсена и направился к

нему. — Петр, мой мальчик! Вновь все твои беды и испытания позади! Воистину, я не в силах поведать, как тут было уныло и тоскливо те две недели, пока тебя не было. Просто ужасно, скажу я тебе. Ужаснее некуда.

— Привет, Джейми, — улыбнулся Петерсен. — Рад тебя снова видеть. Дела теперь должны пойти получше. Джордже — естественно, не вполне законно — привез тебе кое-какие подарки, целую кучу, которая едва не сломала хребет одному из пони. Подарки, которые щелкают. — Он повернулся к Зарине. — Позволь представить тебе капитана Харрисона. Капитан Харрисон, — бесстрастно добавил он, — англичанин. Джейми, это Зарина фон Караян.

Харрисон энергично пожал ей руку:

— Очень приятно, очень приятно. Если бы вы только знали, как нам не хватает самых обычных радостей цивилизации в этих богом забытых краях. Нет, я вовсе не считаю вас кем-то обычным, — поспешно добавил он. — Господи, ни в коем разе. — Он посмотрел на Петерсена. — И вновь меня преследует злой рок Харрисонов. Мы родились под несчастливой, проклятой всеми звездой. Как я понимаю, тебе выпало великое счастье, немалая честь и радость сопровождать

двух этих прекрасных дам из самой Италии?

— Ни та ни другая не считают это счастьем, честью или радостью. Не знал, что ты имел удовольствие быть знакомым с Лорен.

С Джакомо случился внезапный, хотя и весьма кратковременный, приступ кашля, который Петерсен проигнорировал.

— О да, воистину. Мы с ней старые друзья, очень старые. Когда-то работали вместе, ты не знал? Как-нибудь расскажу. А другие твои новые друзья?

Петерсен представил Джакомо и Михаэля, которых Харрисон приветствовал в той же явно обычной для него восторженной манере, а затем сказал:

— Что ж, давайте-ка внутрь. Не хочу, чтобы все замерзли насмерть на этой жуткой погоде. А я займусь вашим имуществом. Заходите, заходите.

Внутри оказалось на удивление просторно, тепло, светло и, по партизанским стандартам, почти уютно. Вдоль стен стояли три койки, какая-то высокая мебель, которая могла быть шкафами для посуды или одежды, письменный стол, полдюжины деревянных стульев, неслыханная роскошь в виде двух довольно потрепанных кресел и даже два выцветших потертых ковра. По сторонам по-

мещения имелись две двери, ведшие, вероятно, в другие жилые комнаты. Харрисон закрыл за собой входную дверь.

— Садитесь, садитесь. — Капитан, похоже, имел привычку повторяться. — Джордже, предлагаю тебе… Ну и дурак же я, следовало сообразить, что подобного рода предложения попросту излишни. — Джордже и впрямь не стал терять времени, взяв на себя уже привычную для него роль бармена. Харрисон с хозяйской гордостью огляделся вокруг. — Неплохо, очень даже неплохо, скажу я вам. Вряд ли в этой истерзанной войной стране найдется много подобных уютных мест. Вынужден с сожалением заметить, что в таких условиях нам доводится жить нечасто, но, когда есть возможность, мы используем ее в полной мере. Электричество — пожалуйста! У нас единственный генератор на базе, кроме командирского, — он необходим для работы наших больших радиостанций. — Харрисон показал на две шестидюймовые трубы, шедшие наискосок вдоль обеих стен и исчезавшие под потолком. — Само собой, центральное отопление. Собственно, это всего лишь трубы от наших коксовой и дровяной печей, которые находятся снаружи. Можно было бы поставить их и внутри, но мы бы все

задохнулись через несколько минут. И что тут у нас, Джордже? — Он взглянул на содержимое поданного ему бокала.

— Ничего особенного, — пожав плечами, скромно ответил Джордже. — Шотландский виски.

— Шотландский виски! — Харрисон благоговейно оценил на просвет янтарную жидкость, сделал глоток и расплылся в восхищенной улыбке. — Где, ради всего святого, ты это раздобыл, Джордже?

— У меня есть друг в Риме.

— Благослови Господь твоих римских друзей. — Харрисон со столь же блаженным выражением лица сделал еще глоток. — Что ж, насчет современных удобств, пожалуй, все. Та дверь налево ведет в радиорубку. Аппаратура там не самая худшая, но всю ее с собой не возьмешь, а нам, увы, приходится большую часть времени проводить в пути. Другая дверь ведет в помещение, которое я зову моей спальней. Преувеличиваю, конечно. Оно размером с две телефонные будки, но там имеется пара коек. — Харрисон снова сделал из бокала глоток и галантно продолжил: — Естественно, я с радостью освобожу его на ночь для двух юных дам.

— Вы весьма любезны, — с сомнением прогово-

рила Зарина. — Но мне… нам… нужно доложиться полковнику.

— Чушь. Даже не думайте. Вы устали с дороги после стольких страданий и лишений. Достаточно одного взгляда на вас, чтобы это понять. Уверен, полковник с радостью подождет до утра. Так ведь, Петр?

— Завтра будет в самый раз.

— Конечно. А пока — нам, пленникам горной вершины, не терпится узнать новости из внешнего мира. Что произошло за последние две недели, друг мой?

Петерсен поставил нетронутый бокал и встал.

— Джордже тебе расскажет. У него это получается куда лучше, чем у меня.

— Да уж, тебе всегда недоставало таланта все приукрасить. Дела?

Петерсен кивнул.

— Ага! Полковник?

— Кто же еще. Скоро вернусь.

Петерсен вернулся не один. С ним были еще двое, как и он, покрытые толстым слоем снега. Пока они отряхивались, Харрисон вежливо поднялся со своего места и представил вошедших.

— Добрый вечер, господа. Для нас это большая честь. — Он повернулся к новоприбывшим. —

Позвольте мне представить вам майора Ранковича и майора Метровича, старших офицеров из штаба полковника. Однако, господа, вы рискнули выйти в весьма непогожую ночь.

— Вас, наверное, интересует, зачем мы пришли? — поинтересовался майор Метрович, среднего роста, смуглый, крепко сложенный и с приятной внешностью. — Из любопытства, само собой. Деятельность Петра всегда окутана тайной, и одному богу ведомо, когда мы еще увидим новые лица из внешнего мира.

— Петр не упоминал, что два из этих новых лиц принадлежат женщинам, молодым и — говорю, естественно, лишь как посторонний наблюдатель — очень даже привлекательным?

— Может быть, может быть. — Метрович снова улыбнулся. — Вы же знаете нас обоих. У нас голова постоянно занята военными проблемами. Верно, Марино?

Марино, он же майор Ранкович, высокий и худой, с темной бородой и довольно-таки мрачного вида — казалось, он уступил Метровичу право улыбаться за них обоих, — ничего не ответил. Похоже, что-то занимало его мысли, и этим «что-то», вне всякого сомнения, был Джакомо.

— Я пригласил их с собой, — сказал Петерсен. —

Решил хоть чем-то скрасить их безрадостную жизнь.

— Что ж, добро пожаловать, добро пожаловать. — Харрисон взглянул на часы. — Ты говорил, что уходишь ненадолго. Что же тогда в твоем понимании означает «долго»?

— Я хотел дать Джордже возможность закончить его рассказ. К тому же меня задержали и назадавали кучу вопросов. И еще я забежал в радиорубку — взглянуть, удалось ли вам что-то сделать в мое отсутствие. Похоже, нет. Может, вы потеряли ключ?

— Радиорубку? — Зарина посмотрела на дверь в торце комнаты. — Но мы ничего не слышали. В смысле…

— Моя радиорубка в пятидесяти метрах отсюда. Никакой тайны. В лагере три радиостанции. Одна для полковника, одна для капитана Харрисона и одна для меня. Вас назначат к полковнику. Лорен будет работать здесь.

— Это вы так устроили?

— Я ничего не устраивал. Я выполняю приказ, как и любой другой. Так распорядился полковник. О назначении сюда Лорен было решено несколько недель назад. В этом нет никакого секрета. Полковник по вполне понятным для меня, хотя,

возможно, неясным для вас причинам предпочитает, чтобы радист капитана Харрисона, как и сам капитан Харрисон, не говорил и не понимал по-сербохорватски. Система безопасности полковника основана на том, что никто не должен никому доверять.

— Похоже, у вас с полковником много общего.

— Мне кажется, это не вполне справедливо, — заметил Метрович, продолжая улыбаться. — Могу подтвердить слова майора. Я переводчик, своего рода посредник между полковником и капитаном Харрисоном. Как и майор, я какое-то время учился в Англии.

— Хватит, — сказал Харрисон. — Оставим недостойные мысли и сосредоточимся на более важных вещах.

— Вроде гостеприимства? — спросил Джордже.

— Именно. Вроде гостеприимства. Садитесь, прошу вас. Что желаете, господа, — ну и, конечно, дамы?

Все сказали ему, что они желают, за исключением майора Ранковича. Тот подошел к Джакомо и спросил:

— Могу я поинтересоваться вашим именем?

— Джакомо, — слегка озадаченно подняв брови, ответил тот.

— Это ведь итальянское имя?

— Да.

— Джакомо, а дальше?

— Просто Джакомо.

— Просто Джакомо, — резким, скрипучим голосом повторил Ранкович. — Вы всегда такой таинственный?

— Это вас не касается.

— В каком вы звании?

— Это тоже вас не касается.

— Я уже видел вас раньше, правда не в армии. Риека, Сплит, Котор или вроде того.

— Возможно. — Джакомо по-прежнему улыбался, но взгляд его посерьезнел. — Мир достаточно тесен. Я раньше был моряком.

— Вы югослав?

Петерсен знал, что Джакомо с легкостью мог бы подтвердить данный факт, но точно так же знал, что делать этого он не станет. Ранкович был способным солдатом, но отнюдь не психологом.

— Я англичанин.

— Лжете.

Шагнув вперед, Петерсен постучал Ранковича по плечу.

— Будь я на вашем месте, Марино, я бы оставил его в покое, пока не поздно. Хотя сомневаюсь, что

у вас осталось много времени.

— В каком смысле? — Ранкович повернулся к нему.

— В том смысле, что вы пока целы и невредимы. Продолжайте в том же духе — и очнетесь на больничной койке, пытаясь сообразить, не угодили ли вы под поезд. Я могу поручиться за Джакомо. Он англичанин. У него такой долгий и такой почетный военный послужной список, что любого из здесь присутствующих он может посрамить. Пока вы болтались по горам, он сражался во Франции, Бельгии, Северной Африке и Эгейском море, выполняя настолько опасные задания, что вы даже представить себе не можете. Взгляните на его лицо, Марино. Взгляните на него, и вы поймете, что перед вами лицо войны.

Ранкович пристально посмотрел на Джакомо.

— Я не дурак и никогда не оспаривал его качеств как солдата. Мне просто было любопытно, и, возможно, как и вы с полковником, я не слишком склонен кому-либо доверять. Я вовсе не собирался кого-либо обидеть.

— А я вовсе не собирался обижаться, — ответил Джакомо, к которому вернулось прежнее хорошее настроение. — Вы подозрительны, я раздражителен. Нехорошее сочетание. Позвольте

мне предложить вам сочетание получше или даже вообще ничего не смешивать. Шотландский виски ведь никогда ни с чем не мешают, верно, Джордже? Даже с водой.

— Это святотатство.

— Вы были правы в одном, майор. Я англичанин, но родился в Югославии. Давайте выпьем за Югославию.

— Тост, против которого никто не станет возражать, — произнес Ранкович. Обошлось без рукопожатий и заверений в вечной дружбе — в лучшем случае это было перемирие. У Ранковича, явно не обладавшего актерскими качествами, имелись свои сомнения насчет Джакомо.

Что до Петерсена, то у него не было никаких.

Ближе к вечеру общая атмосфера постепенно оттаяла, все расслабились. Некоторые решили отправиться поужинать в находившуюся в сотне метров столовую. Зарина и Лорен решительно — и, как выяснилось, вполне разумно — отказались совершать вылазку в бушевавшую снаружи снежную бурю. Михаэль, естественно, предпочел остаться с ними, а Джакомо, быстро переглянувшись с Петерсеном, заявил, что не голоден. Джакомо не требовались слова, чтобы понять, что Петерсен не доверяет практически никому

даже среди своих.

По сравнению с обедом у Йосипа Пияде питание в лагере можно было назвать гастрономическим кошмаром. В том не было вины местных поваров — как и повсюду в этой разоренной войной стране, продуктов не хватало, и хорошая еда была практически недоступна. По сравнению с той роскошью, которую они видели в Италии и Мостаре, местная еда навевала тоску. Даже Джордже сумел осилить лишь две тарелки жирной баранины с бобами, составлявшей главное и единственное блюдо в тот вечер. Они ушли, как только позволили правила приличия.

Вернувшись в обитель Харрисона, они вскоре позабыли о своих относительных страданиях.

— В гостях хорошо, а дома лучше, — объявил Харрисон, ни к кому конкретно не обращаясь. Вряд ли справедливо было утверждать, что он пьян в стельку, но трезвым как стеклышко его тоже никто бы не назвал. — Нектар придает мне бодрости. — Он с признательностью посмотрел на бокал у себя в руке. — Джордже снабдил меня всесторонними сведениями о вашей деятельности за последние две недели. Однако он не рассказал мне, зачем вы поехали в Рим. Ты тоже не стал меня просвещать по поводу вашего воз-

вращения.

— Потому что и сам не знал.

— Понятно, — глубокомысленно кивнул Харрисон. — Ты отправляешься аж до самого Рима, а потом обратно и не знаешь, зачем?

— Я просто доставлял сообщение. Его содержание было мне неизвестно.

— Позволено ли мне спросить, известно ли оно тебе теперь?

— Можешь. Да.

— Ага! А позволено ли мне спросить, в чем оно заключается?

— Говоря твоими же словами, Джейми, я не знаю, позволено или нет. Все, что я могу сказать: оно касается чисто военных дел. Строго говоря, я не военный, не командир подразделения. Я агент разведки. Разведчики не ведут сражений. Мы для этого чересчур умны. Или трусливы.

Харрисон взглянул на Метровича, затем на Ранковича:

— Вы военные. Если верить хотя бы половине того, что вы мне говорите, вам приходится сражаться.

— Мы не настолько умны, как Петр, — улыбнулся Метрович.

— Вы знаете содержание сообщения?

— Конечно. Осмотрительность Петра делает ему честь, но на самом деле в этом нет нужды. Через пару дней о новостях будет знать весь лагерь. Нам — немцам, итальянцам, нам самим и усташам — предстоит совершить полномасштабную атаку на партизан. Мы уничтожим вотчину Тито. Немцы назвали эту атаку операцией «Вайс», но партизаны наверняка назовут ее Четвертым наступлением.

На Харрисона его слова, похоже, не произвели никакого впечатления.

— Надо так понимать, — с сомнением произнес он, — что вы до этого уже наступали трижды? И видимо, без особого успеха?

— Знаю, говорить легко, — невозмутимо ответил Метрович, — но на этот раз все будет иначе. Они загнаны в угол. Они в ловушке. Им некуда бежать. У них нет ни одного самолета, истребителя или бомбардировщика. У нас целые эскадрильи. У них нет танков, нет даже ни одного действующего зенитного орудия. В лучшем случае у них есть пятнадцать тысяч человек, хорошо обученных и подготовленных. И наконец, последнее слабое место Тито, его, можно сказать, ахиллесова пята, — отсутствие мобильности: известно, что у него как минимум три тысячи раненых.

Силы неравны. Не стану говорить, что мне не терпится, но это будет не сражение, а резня. Готов поспорить, Джеймс?

— При таком перевесе — нет, спасибо. Как и Петр, не стану причислять себя к военным — я даже военную форму впервые увидел лишь три года назад, — но если впереди подобная операция, то почему вы спокойно попиваете вино, а не склоняетесь над военными картами, втыкая в них флажки и составляя боевые планы, или что там положено делать в таких случаях?

— По трем причинам, — рассмеялся Метрович. — Во-первых, операция еще не скоро — до нее две недели. Во-вторых, все планы уже составлены и все войска уже на позициях или будут через несколько дней. В-третьих, основной штурм намечается в Бихаче, где на данный момент сосредоточены силы партизан, а это в двухстах с лишним километрах к северо-западу отсюда. Мы в этом не участвуем — мы остаемся на месте на случай, если партизаны окажутся чересчур глупы, чересчур оптимистичны или им настолько недорога жизнь, чтобы попытаться прорваться на юго-востоке. Помешать им пересечь Неретву, если вдруг кто-то из них сюда доберется, — чистая формальность. — Он помед-

лил, глядя в темное окно. — Вполне может быть и четвертая возможность. Если погода ухудшится или даже останется такой, как сейчас, самые идеальные планы верховного командования могут пойти прахом и операцию придется отложить. В такую погоду бегать по горам в ближайшие дни уж точно никто не собирается. И дни вполне могут превратиться в недели.

— Что ж, — кивнул Харрисон, — можно понять, почему у вас столь обреченный взгляд на будущее. Судя по тому, что ты говоришь, есть немалая вероятность, что вы вообще не будете в том участвовать. Что касается меня, надеюсь, что твой прогноз верен — как уже было сказано, я не военный и уже успел привыкнуть к этому довольно-таки уютному жилищу. А ты, Петр? Собираешься залечь в спячку вместе с нами?

— Нет. Если полковник завтра ничего для меня не найдет — а сегодня на это не было никаких намеков, — отправлюсь на следующее утро в дорогу. Если, конечно, мы по уши не увязнем в снегу.

— И куда же ты собрался, если…

— Позволено спросить? Да. Мною очень интересуется один офицер итальянской разведки. Он пытается либо меня дискредитировать, либо мне помешать. Вернее, пытался. Мне хотелось бы

выяснить, с какой целью.

— И каким же образом он пытался, Петр? — спросил Метрович.

— Он и банда его головорезов задержали нас в отеле в Мостаре — это было сегодня утром. Полагаю, они что-то искали. Нашли или нет — не знаю. Незадолго до этого на пути из Италии его приспешники пытались ночью напасть на нас на корабле. У них ничего не вышло, но при них имелись шприцы и яды, которыми они были готовы воспользоваться.

— Господи, — потрясенно проговорил Харрисон. — И чем все кончилось?

— Все прошло вполне безболезненно, — удовлетворенно сообщил Джордже. — Мы заварили их в каюте на корабле. Последнее, что я слышал, — они все еще там.

Харрисон укоризненно посмотрел на Джордже:

— И ты опустил столь животрепещущую подробность в своем драматическом повествовании?

— Из благоразумия и осторожности.

— Этот офицер итальянской разведки, — заметил Метрович, — естественно, наш союзник. Как известно, с некоторыми союзниками и враги

не нужны. Что ты собираешься делать с этим союзником, когда с ним встретишься? Допросить или убить? — Майор, похоже, считал подобный вопрос вполне обычным.

— Убить? — потрясено посмотрела на него Зарина. — Такого приятного человека? Убить? Я думала, он вам понравился.

— Понравился? Он рассудителен, хорошо сложен, улыбчив, с открытым лицом, у него крепкое рукопожатие, он не отводит взгляд, смотрит прямо в глаза — любой сразу же скажет, что он из криминальных кругов. Он готов был меня убить — убить руками своего приспешника Алессандро, отчего его намерения выглядят еще отвратительнее. С чего бы мне не быть готовым к тому, чтобы с ним разделаться? Но я не стану этого делать — по крайней мере, не сейчас. Я просто хочу задать ему несколько вопросов.

— Но… но, возможно, вы даже не сумеете его разыскать.

— Сумею.

— А если он откажется отвечать?

— Ответит, — все с той же холодной уверенностью сказал Петерсен.

Зарина прижала ладонь ко рту и замолчала.

— Ты не из тех, кто задает вопросы, пока не уве-

рен заранее в ответах, — задумчиво проговорил Метрович. — Тебе требуется подтверждение или что-то в этом роде. Разве ты не мог получить это подтверждение в том самом отеле?

— Конечно мог. Но я не хотел усеивать отель трупами, не все из которых могли принадлежать врагам. Я обещал, что доставлю эту компанию целой и невредимой. Всему свой черед. Подтверждение? Мне требуется подтверждение, что Италия намерена выйти из этой войны, в чем я ни на мгновение не сомневаюсь. Итальянский народ никогда не хотел войны, как не хотели ее армия, флот и военно-воздушные силы. Помните, как войска Уэвелла в Северной Африке разгромили итальянцев? Есть фотография, сделанная сразу после завершающего сражения, которая облетела весь мир. На ней около тысячи итальянских пленных идут к своим клеткам из колючей проволоки под конвоем трех британских солдат. Стояла такая жара, что солдаты отдали свое оружие пленным, чтобы те его несли. Вполне можно сделать вывод об отношении итальянцев к войне. Если цель близка их сердцу, они умеют сражаться столь же отважно, как и любой другой народ. Но эта цель им не близка, скорее даже очень далека. Это война Германии, и итальян-

цы не хотят воевать для Германии, поскольку в большинстве своем не любят немцев. И итальянцы, и британцы не раз заявляли, что первые в глубине души на стороне вторых. На самом же деле они на стороне Италии. Никто не знает этого лучше, чем итальянское высшее командование. Но дело, естественно, не только в патриотизме. В итальянском высшем командовании хватает первоклассных умов, и, как мне кажется, они даже сейчас убеждены, что немцы проиграют войну. — Петерсен окинул взглядом присутствующих. — Вы можете в это не верить, я тоже, но это не имеет значения. Важно то, что они в это верят и даже сейчас ищут способ прийти к соглашению — за неимением лучшего слова — с британцами и американцами. Это соглашение, естественно, станет выглядеть как полная капитуляция, но, естественно, не будет иметь с ней ничего общего. Оно будет включать полномасштабное сотрудничество со стороны итальянцев с британскими и американскими войсками, за исключением участия их войск в боевых действиях на линии фронта.

— Похоже, ты слишком в этом уверен, Петр, — сказал Метрович. — С чего бы?

— С того, что у меня есть доступ к источникам и

информации, какого нет ни у кого из вас. Я нахожусь в постоянном контакте как с итальянскими, так и с германскими войсками в этой стране, а также, как вам известно, часто бываю в Италии и беседовал там в буквальном смысле с сотнями итальянцев, как военными, так и штатскими. Я не слеп, не глух, и я не дурак. Мне, например, известно, что итальянская и германская разведки практически не общаются и, со всей определенностью заявляю, не доверяют друг другу. Генерал Гранелли, глава итальянской разведки и начальник Чиприано — того самого майора разведки, о ком идет речь, — весьма неприятная и опасная личность, но ума ему не занимать. Он знает ситуацию и возможные варианты не хуже любого другого, нисколько не сомневается, что немцы будут разбиты в пух и прах, и вовсе не собирается разделять их судьбу. Он также более чем уверен, что я вполне представляю истинное положение дел и, если я начну озвучивать свои сомнения — вернее, свою уверенность — вслух, это может стать для него угрозой. Думаю, он дважды был готов меня ликвидировать и дважды отказывался от своих намерений в последний момент. Я знаю, что наверняка будет и третий раз, и это одна из причин, по которой я хочу отсюда убраться,

прежде чем явится Чиприано или кто-то еще, естественно, под личиной преданного союзника и устроит мне несчастный случай. Но главная причина моего отъезда: мне нужно добраться до их связного, прежде чем он доберется до меня.

— Связного? — Харрисон озадаченно покачал головой. — Связного? Ты говоришь загадками, Петр.

— Загадка, ответ на которую по-детски прост. Если немцы потерпят поражение, то вместе с кем?

— Ага!..

— Как ты только что сказал — «ага». Со всеми, кто сражался на их стороне, вот с кем. Включая нас. Будь ты на месте генерала Гранелли с его проницательным взглядом в будущее, какую из противоборствующих сил в Югославии ты бы поддержал?

— Господи помилуй! — слегка ошеломленно проговорил Харрисон, окинув взглядом остальных. Те были в глубокой задумчивости, в том числе Ранкович с Метровичем. — Ты хочешь сказать, что Гранелли и этот майор Чиприано работают рука об руку с партизанами и Чиприано — ловкий двойной агент?

Петерсен потер подбородок, коротко глянул

на Харрисона, вздохнул и налил себе вина, не удостоив его ответом.

Отведенное Петерсену жилище не шло ни в какое сравнение с роскошью апартаментов Харрисона, которые они покинули раньше остальных, поскольку в разговоре наступила чересчур затянувшаяся пауза. Харрисон и двое офицеров-четников погрузились в глубокую задумчивость, Зарина и Лорен, судя по выражениям их лиц, не скрывали еще более сильного, чем прежде, отвращения к Петерсену, а Алекс и Михаэль молчали, как молчали всегда. Лишь двое мастеров по части вести беседы, Джордже и Джакомо, сражались отважно, но недолго. В конце концов сдались и они.

Судя по размерам, барак мог бы сгодиться в качестве гаража для одной машины, причем достаточно небольшой. Всю его обстановку составляли три койки, стол, три стула и кухонная печь; радиорубка располагалась в крошечном помещении по соседству.

— Я встревожен и опечален, — сообщил Джордже. — Крайне встревожен. — Он налил себе большой бокал вина и осушил его наполовину одним глотком, показывая этим, насколько глубоко он встревожен. — Хотя, пожалуй, лучше

сказать — опечален. Осознание, что вся твоя жизнь и дело всей твоей жизни пошли прахом — чересчур горькая пилюля. Непоправимый удар по гордости и самолюбию. В конечном счете — сокрушительный эффект.

— Понимаю, о чем ты, — сочувственно кивнул Петерсен. — Я чувствовал себя точно так же.

Джордже, похоже, его не слушал.

— Ты не забыл те времена, когда был моим студентом в Белграде?

— Как я могу их забыть? Ты же сам говорил сотню раз как минимум, что прогулка в твоем обществе по усаженным розами садам Академа — незабываемый опыт.

— Помнишь заповеди, которые я проповедовал, вечные истины, которые я лелеял? Достоинство, честь, прямота, чистота помыслов, открытое сердце, искреннее презрение к обману, предательству, бесчестию? Помнишь, как мы собирались шагать сквозь тьму этого мира, ведомые лишь светом бессмертного огня истины?

— Да, Джордже.

— Я сломлен.

— Прости, Джордже.

Глава 7

Их было шестеро. Персонажей столь зловещего бандитского вида почти невозможно было себе представить, не говоря уже о том, чтобы найти. Все они странным образом походили друг на друга — чуть выше среднего роста, худощавые и широкоплечие, одетые в одинаковые, заправленные в сапоги штаны цвета хаки, подпоясанные ремнем куртки цвета хаки поверх рубашек цвета опять же хаки и пилотки того же цвета. На них не было никаких нашивок и знаков различия. Вооружены тоже были все одинаково — пистолеты-пулеметы в руках, револьверы на поясе и охотничьи ножи в ножнах на правом сапоге. Лица их были мрачны и бесстрастны, взгляды спокойны и настороженны. Это явно были опасные люди.

Их появление всех застигло врасплох, и о сопротивлении, пусть даже символическом, не могло быть и речи. Та же компания, что собралась у Харрисона накануне, пребывала все там же в том же составе, когда за несколько минут до восьми вечера входная дверь распахнулась и, прежде чем

хоть кто-нибудь успел среагировать, вошли трое с оружием наготове. Теперь их насчитывалось уже шестеро, а дверь была заперта. Один из них, чуть пониже и пошире в плечах, чем остальные, шагнул вперед.

— Мое имя Црни. — (По-сербохорватски это слово значило «черный».) — Всем по очереди достать оружие и положить на пол. — Он кивнул Метровичу. — Начнем с вас.

Минуту спустя все имеющееся в помещении оружие — по крайней мере, то, что было на виду, — лежало на полу. Црни подозвал к себе Лорен.

— Соберите оружие и положите его на тот стол. Надеюсь, вам не придет в голову такая глупость, как пытаться из него стрелять.

Лорен и в мыслях этого не держала — у нее настолько дрожали руки, что и оружие-то ей удалось собрать с великим трудом. Когда оно оказалось на столе, Црни спросил:

— А у вас есть оружие, дамы?

— Нет, — ответил за них Петерсен. — Могу гарантировать. Если найдете оружие при них или в их багаже, можете меня пристрелить.

Бросив на него насмешливый взгляд, Црни полез под куртку и достал лист бумаги.

— Фамилия?

— Петерсен.

— Ага! Майор Петр Петерсен. В самом верху списка. Что у них нет при себе оружия, я и так вижу. А в багаже?

— Я проверял.

На мгновение забыв о страхе, девушки негодующе переглянулись. Црни слегка улыбнулся:

— Я был обязан спросить. Ладно, верю. Если у кого-нибудь из присутствующих осталось что-нибудь при себе и я об этом узнаю, то пристрелю на месте. В сердце, — сухо, но с неприятной решительностью добавил Црни.

— Можно обойтись без всех этих дурацких угроз, — недовольно заметил Джордже. — Если нужно, то я готов. — Он достал из глубин одежды пистолет и ткнул под ребра Алекса. — Давай без глупостей. Вряд ли у этого Црни есть хоть какое-то чувство юмора.

Нахмурившись, Алекс бросил свой пистолет на стол.

— Спасибо. — Црни сверился со своей бумагой. — Вы, как я понимаю, тот самый ученый профессор, номер второй в списке. — Он перевел взгляд на Алекса. — А вы, видимо, третий номер. Тут говорится: «Алекс, в скобках „наемный убий-

ца“». Не слишком подробная характеристика. Будем иметь в виду. — Он повернулся к одному из своих людей. — Эдвард, обыщи одежду, которая там висит.

— Незачем, — сказал Петерсен. — Только пальто слева. Это мое. В правом кармане.

— Вижу, вы готовы сотрудничать, майор?

— Я тоже профессионал.

— Знаю. Я многое о вас знаю. Вернее, мне много о вас рассказывали. — Он посмотрел на принесенный Эдвардом пистолет. — Не знал, что в королевской армии Югославии есть на вооружении «люгеры» с глушителем.

— Их там нет. Мне его подарил друг.

— Ну да, конечно. У меня еще пять имен в списке. — Он взглянул на Харрисона. — Вы, как я понимаю, капитан Джеймс Харрисон?

— Почему именно я?

— В Югославии кто-то еще из офицеров носит монокль? А вы, надо полагать, Джакомо? Человек без фамилии? Просто Джакомо?

— Снова тот же вопрос.

— Судя по описанию.

— Неужели оно настолько лестное? — улыбнулся Джакомо.

— Нет, просто точное. — Он посмотрел на Миха-

эля. — А вы, методом исключения, Михаэль фон Караян. И две дамы. — Он взглянул на Лорен. — Лорен Чемберлен?

— Да, — слабо улыбнулась она. — У вас есть и мое описание?

— Зарина фон Караян удивительно похожа на своего брата-близнеца, — терпеливо проговорил Црни. — Все восемь, пойдете со мной.

— Можно вопрос? — поинтересовался Джордже.

— Нет.

— На мой взгляд, это откровенное варварство, — горестно произнес Джордже. — И несправедливость. Что, если мне захотелось в туалет?

— Как я понимаю, вы тут играете роль местного шута, — холодно сказал Црни. — Надеюсь, вам хватит чувства юмора на ближайшие дни. Майор, я намерен возложить на вас персональную ответственность за поведение вашей группы.

— Если кто-то попытается сбежать, я получу пулю? — улыбнулся Петерсен.

— Я бы не стал выражаться столь грубо, майор.

— «Майор то, майор это…» Майор Црни? Капитан Црни?

— Капитан, — коротко отозвался тот. — Предпочитаю просто Црни. Мне что, обязательно быть

офицером?

— Чтобы доставить столь опасных преступников, не посылают мальчика на побегушках.

— Никто не говорил, что вы преступники. Пока. — Он посмотрел на офицеров-четников. — Ваши фамилии?

— Майор Метрович, — сказал Метрович. — А это майор Ранкович.

— Слышал про вас. — Он повернулся к Петерсену. — Забирайте с собой весь ваш багаж.

— Мило, — заметил Джордже.

— В смысле?

— Ну, — рассудил Джордже, — раз мы забираем багаж с собой, вряд ли вы собираетесь расстрелять нас на месте.

— Да вы не просто шут, а неисправимый фигляр. — Он снова обратился к Петерсену: — Здесь весь ваш багаж? И мужчин, и женщин?

— Нет, только пятерых. Еще у троих вещи в бараке метрах в пятидесяти отсюда — мои и этих двух джентльменов.

— Славко, Сава! — бросил Црни своим людям. — Алекс покажет вам, где тот барак. Принесите оттуда вещи, но сперва их обыщите. И будьте осторожнее с этим парнем. У него кошмарное прошлое. — На лице Алекса на долю секунды

промелькнуло выражение, вполне подтверждающее слова Црни. — Не спешите, ничего не упускайте. — Он взглянул на часы. — У нас есть сорок минут.

Меньше чем за двадцать минут весь багаж был упакован и собран. Джордже сказал:

— Раз вопросы мне задавать не позволено, могу я сделать заявление? Хотя это тоже вопрос. Я желаю сделать заявление.

— Какое?

— Я хочу пить.

— Не возражаю.

— Спасибо. — Джордже почти молниеносно откупорил бутылку и осушил бокал вина.

— Попробуйте вон из той бутылки, — предложил Црни. Джордже моргнул, нахмурился, но с готовностью согласился. — Похоже, в норме. Моим людям пригодится средство от холода.

— «Похоже, в норме»? — Джордже уставился на него. — Хотите сказать, я мог отравить содержимое бутылок, как будто знал заранее, что вы придете? Невероятная логика! Отравить! Я? Декан факультета? Выдающийся ученый? И…

— Некоторые ученые ученее других. Вы на моем месте поступили бы так же.

Трое из команды Црни взяли по бокалу, двое

остальных продолжали держать всех под прицелом. В словах и действиях Црни чувствовалась некая обескураживающая уверенность — он предпринимал мельчайшие меры предосторожности на случай любых непредвиденных обстоятельств, включая самые невероятные, как говорил Джордже.

— А что с майором Ранковичем и со мной? — спросил Метрович.

— Останетесь здесь.

— Мертвые?

— Живые. Связанные, с кляпами во рту, но живые. Мы не четники. Мы не убиваем беспомощных солдат, а тем более беспомощных гражданских.

— Мы тоже.

— Как же, конечно! Тысячи мусульман, погибших на юге Сербии, сами покончили с собой. Разве не трусы?

Метрович не ответил.

— И сколько еще тысяч сербов — мужчин, женщин и детей — были вырезаны в Хорватии со зверской жестокостью, какой еще не знали Балканы, лишь из-за их религии.

— Мы не имели к этому отношения. Усташи — не солдаты, а никому не подчиняющиеся тер-

рористы.

— Усташи — ваши союзники. Как и немцы. Майор, помните Крагуевац, где партизаны убили десять немцев, после чего немцы согнали и расстреляли пять тысяч югославских граждан? Вывели детей из школ и расстреливали их целыми группами, пока даже расстрельные команды не выдержали и взбунтовались? Ваши союзники. Помните отступление из Ужице, когда немецкие танки раскатывали поля, пока не раздавили всех лежавших там раненых партизан? Ваши союзники. Вина ваших друзей-убийц — и ваша вина. Но как бы нам ни хотелось поступить с вами так же, мы не станем этого делать. У меня есть приказ, к тому же вы, по крайней мере формально, наши союзники. — В голосе Црни звучало неподдельное презрение.

— Вы партизаны, — сказал Метрович.

— Боже упаси! — На лице Црни промелькнуло неподдельное отвращение. — Мы что, похожи на этот сброд? Мы десантники из дивизии Мурдже. — (Дивизия Мурдже была лучшим итальянским подразделением, действовавшим в Юго-Восточной Европе.) — Как я уже говорил — ваши союзники. — Црни показал на восьмерых пленных. — Вы приютили целое змеиное гнездо.

Вы не в состоянии опознать в них врагов и уж тем более не знаете, как с ними поступить. Зато мы умеем и то и другое.

Метрович посмотрел на Петерсена:

— Похоже, я должен перед тобой извиниться, Петр. Вчера я не знал, верить ли мне твоим словам или нет. Мне это казалось фантастикой. Но теперь я понимаю, что ты был прав.

— И сильно мне это помогло? В смысле, мои пророчества? Меня уже сутки как не должно тут быть.

— Связать их, — приказал Црни.

Сразу после того, как они вышли за дверь, к ним присоединились еще двое солдат, что, впрочем, никого не удивило: Црни был не из тех, кто мог провести почти час внутри помещения, не выставив снаружи охрану. В том, что это элитные войска, можно было не сомневаться. Несмотря на густой снег, пронизывающий ветер и нулевую видимость, Црни и его люди не только спокойно воспринимали непогоду, но, похоже, реально ею наслаждались.

Метрович прошлой ночью ошибся, заявив, что никто не полезет в горы в такую погоду в ближайшие дни. Црни со своими людьми доказали его неправоту.

Как только они оказались поодаль от лагеря, Црни и его солдаты достали фонарики. Пленников построили так, чтобы они шли колонной по одному в глубоком, доходившем почти до колен снегу, в то время как по сторонам от них двигались четверо охранников. Вскоре Црни дал команду остановиться.

— Боюсь, здесь придется вас связать, — сказал он. — Руки за спину.

— Удивительно, что вы не сделали этого раньше, — заметил Петерсен. — И еще удивительнее, что вы хотите сделать это сейчас. Не собираетесь ли вы нас прикончить?

— Выражайтесь яснее.

— Мы в начале тропы, что ведет по склону в долину?

— Откуда вы знаете?

— Ветер со вчерашнего дня не менялся. У вас есть пони?

— Только два, для женщин. Вчера вам этого хватило.

— Вы хорошо информированы. А у остальных из нас будут связаны за спиной руки на случай, если у нас возникнет искушение столкнуть вас или кого-то из ваших людей в пропасть. Ошибка, капитан Црни, ошибка. Совершенно не в вашем

духе.

— В самом деле?

— По двум причинам. Камни здесь разбитые и скользкие ото льда и слежавшегося снега. Если кто-то поскользнется, то как он со связанными руками сумеет за что-либо ухватиться, чтобы не упасть с обрыва? Да и как он вообще сможет удержать равновесие? Для этого нужно иметь возможность расставить руки в стороны, что должно быть вам хорошо известно. Это то же, что посылать людей на верную смерть. Вторая причина — вашим людям вовсе незачем идти рядом с пленными. Четверо впереди, четверо сзади, пленные посредине, может, с парой фонариков. Что смогут сделать пленные, кроме как покончить с собой, прыгнув в пропасть? Могу вас заверить, что ни у кого из нас нет склонности к самоубийству.

— Я не альпинист, майор Петерсен. Но я с вами согласен.

— Еще одна просьба, если можно. Позвольте мне и Джакомо идти рядом с пони. Девушки побаиваются высоты.

— Не хочу вас видеть! — При одной лишь мысли о спуске по обледеневшей тропе в голосе Зарины послышались истерические нотки. — Не хочу!

— Она не хочет вас видеть, — сухо заметил Црни.

— Она сама не понимает, что говорит. Это всего лишь ее личное мнение. Она всерьез страдает от страха высоты. Мне-то какая от этого выгода?

— Пожалуй, никакой.

Когда они выстроились у вершины, Джакомо, ведший пони в поводу, вполголоса бросил:

— Неплохо сыграно, майор.

Он скрылся в снегу. Петерсен задумчиво посмотрел ему вслед.

Крутой спуск в непогоду всегда сложнее и опаснее, чем крутой подъем, что подтвердилось и в этот раз. К тому же он много медленнее, и им потребовалось целых сорок минут, чтобы добраться до дна долины, но, по крайней мере, без происшествий.

— Мы внизу? — впервые заговорила Зарина с тех пор, как они покинули плато.

— Целые и невредимые, как всегда.

Она протяжно, с дрожью вздохнула:

— Спасибо. Вам больше незачем держать мою лошадь.

— Пони. Как скажешь. Хотя я уже успел привязаться к старушке.

— Простите, — быстро сказала Зарина. — Я во-

все не хотела… Просто вы… так ужасны. И вместе с тем так добры. Нет, это я ужасная. Это ведь вас преследуют, не меня.

— Так и должно быть. Я старший по званию.

— Вас ведь хотят убить?

— Убить? С чего ты взяла? Зачем? Разве что слегка допросить.

— Вы же сами говорили, что генерал Гранелли злодей.

— Генерал Гранелли в Риме. Ты не задумывалась о том, что будет с тобой?

— Нет, — ответила она грустно. — Вряд ли меня вообще волнует, что со мной будет.

— На этом, как известно, заканчиваются любые разговоры, — заметил Петерсен.

Дальше они шли молча. Снег теперь сыпался им на спину. Наконец Црни велел всем остановиться, направив луч фонарика на итальянский армейский грузовик, угнанный Петерсеном два дня назад.

— Весьма предусмотрительно с вашей стороны, майор, что вы так удобно оставили наготове транспорт.

— Если мы хотим помочь нашим союзникам… Желаете им воспользоваться?

— Неплохая идея, но в этом нет нужды. — Црни

повел лучом, осветив другой грузовик, побольше, припаркованный рядом. — Все в ту машину. Эдвард, идем со мной.

Пленников посадили в грузовик на пол кузова возле кабины. Следом за ними на боковые скамейки уселись пятеро солдат, направив вперед лучи фонариков, в свете которых виднелись пять нацеленных в ту же сторону стволов. Затарахтел двигатель, и машина тронулась с места, спустя пять минут свернув направо, на главную дорогу, идущую вдоль Неретвы.

— Ага! — сказал Харрисон. — Как я понимаю, они направляются в сторону огней Ябланицы.

— По этой дороге только туда — куда же еще? — пожал плечами Петерсен. — Дальше дорога разветвляется, и мы можем поехать куда угодно, но подозреваю, что в Ябланице наше путешествие закончится. Уже поздно. Даже Црни и его людям нужно поспать.

Вскоре водитель остановил грузовик и заглушил двигатель.

— Не вижу никаких огней, — сказал Харрисон. — Что задумали эти черти?

— Ничего такого, что могло бы нас волновать, — ответил Петерсен. — Водитель просто ждет, когда Црни и его приятель Эдвард сядут к

нему в кабину.

— Зачем? У них есть своя машина.

— Была. Она теперь в Неретве. Парень, который встречал нас вчера, — помнишь, Доминик, водитель в темных очках, — наверняка запомнил марку и номер нашего грузовика. Когда — и если — Ранковича и Метровича найдут и освободят — что, возможно, случится очень не скоро, — может подняться пресловутый крик «держи злодея!». Я говорю «может», но сомневаюсь. Полковник не из тех, кто афиширует пробелы в безопасности своих войск. Но Црни не производит впечатления человека, готового хоть сколько-нибудь рисковать.

— У меня есть возражение, — сказал Джакомо. — Если за этим стоит твой друг Чиприано, ему уже известно, как выглядит грузовик. Какой смысл избавляться от машины?

— Джакомо, ты вгоняешь меня в тоску. Мы не знаем, стоит ли за этим Чиприано, но если да, он вряд ли захочет оставлять улики, указывающие на его связь с нашим похищением. Не забывай, что официально он и полковник — преданные до гроба союзники.

Из кабины послышались голоса, хлопнула дверца, снова заработал двигатель, и грузовик

двинулся вперед.

— Да, скорее всего, — согласился Джакомо, ни к кому конкретно не обращаясь. — А машину жаль.

Они тряслись в кузове, продолжая движение сквозь снежную ночь, все так же под прицелом стволов и фонариков охранников, когда Харрисон вдруг сказал:

— Наконец-то цивилизация. Давно я не видел огней большого города.

Харрисон, по своей привычке, преувеличивал. В открытой задней части грузовика иногда мелькали тусклые огоньки, но вряд ли их хватало, чтобы создать впечатление поездки через большой город. Вскоре грузовик свернул на боковую дорогу, слегка поднялся в гору и остановился. Охранники, похоже, знали маршрут и не стали дожидаться распоряжений. Спрыгнув на землю, они вновь направили на пленных оружие и свет фонариков, после чего к ним присоединился Црни.

— Выходите, — сказал он. — Сегодня дальше не поедем.

Сойдя на землю, пленники огляделись. Насколько можно было понять в свете фонариков, здание, стоявшее перед ними, было расположено

на отшибе, смутно напоминая загородный дом. Но в темноте и снегу это могло быть чем угодно.

Црни повел всех внутрь. Коридор приятно контрастировал с холодной и ветреной ночью за стенами. Обстановка была достаточно скромной — стол, комод и несколько стульев, но в помещении было тепло от небольшого камина. Тепла добавляли не ярко горящие подвесные керосиновые лампы — электричество до этой части Яблаицы еще не добралось.

— Туалет слева за дверью, — подсказал Црни. — Можно пользоваться в любое время. Само собой, — на всякий случай добавил он, — в коридоре будет постоянно находиться охрана. Другая дверь слева ведет в главную часть дома, и вас она не касается. Как и лестница. — Он подвел их к открытой двери справа и втолкнул внутрь. — Тут вы расположитесь на ночь.

Подобную комнату можно было найти лишь в загородном доме в горах — длинную, широкую, с низкими потолочными балками, суковатыми сосновыми стенами и дубовым паркетным полом. Вдоль обеих ее сторон тянулись выложенные подушками лавки, имелись также стол, несколько кресел, объемистый комод, несколько шкафов и полок, а также, что больше всего обрадовало,

роскошный дровяной камин, в несколько раз превосходивший размерами тот, что в коридоре. Единственную несообразность, сразу бросающуюся в глаза, вносили несколько походных коек с одеялами и подушками, аккуратно сложенными на них. Другую несообразность, не столь заметную, естественно, обнаружил Джордже. Отдернув на одном из двух окон занавеску, он внимательно изучил массивные решетки снаружи.

— Типичная болезнь современности, — с грустью произнес он. — С началом войны падение морали стало столь же быстрым, как и неизбежным. Законы чести и приличия, как и общепринятые нормы поведения, летят в пропасть, и на смену им поднимает свою уродливую голову моральное вырождение. — Он задернул занавеску. — Что ж, мудрая предосторожность, весьма мудрая. Можно не сомневаться, что улицы Ябланицы кишат грабителями, взломщиками, разбойниками и прочим подобного рода криминальным контингентом.

Не обращая внимания на Джордже, Црни посмотрел на Петерсена, осматривавшего постельные принадлежности.

— Да, майор. Я тоже умею считать. Шесть коек. Для молодых дам у нас есть комната наверху.

— Весьма любезно с вашей стороны. А вы, смотрю, были вполне уверены в себе, капитан Црни?

— С чего бы? — встрял язвительно Джордже. — Даже слепой на четверке с бубенцами смог бы проехать через кордон Михайловича.

Црни в очередной раз не обратил на него внимания, вероятно решив, что иного отношения тот не заслуживает.

— Может, двинемся завтра дальше, а может, нет. Но уж точно не с самого ранья. Все зависит исключительно от погоды. Идти придется в основном пешком. Если проголодаетесь, еда в том шкафу. А содержимое вон того буфета может в большей степени заинтересовать нашего профессора.

— Ага! — Джордже открыл дверцы, с видом знатока изучая что-то наподобие мини-бара, и весьма неплохого. — В таком случае решетки на окнах — лишнее, капитан Црни. Сегодня я точно не сдвинусь с места.

— Даже если бы и могли, куда бы вы пошли? Дамы, когда захотите спать, дайте знать охраннику, и я провожу вас в вашу комнату. Возможно, позже я устрою допрос, но сперва мне нужно кое с кем связаться.

— Вы меня заинтриговали. — Петерсен вскинул

брови. — Я думал, телефонная связь не работает.

— По рации, естественно. Рация у нас есть. И не одна, а целых четыре, включая вашу и две весьма современные радиостанции фон Караянов. Полагаю, кодовые блокноты тоже будут полезны.

Когда Црни ушел, наступила глубокая и довольно долгая тишина, лишь единожды нарушенная звуком откупориваемой бутылки. Первым заговорил Михаэль.

— Радио, — мрачно проворчал он. — Кодовые блокноты. — Он бросил обвиняющий взгляд на Петерсена. — Вы хоть понимаете, что это значит?

— Да ничего. Црни просто развлекается. Вернее, это значит, что от нас потребуют новый код. Что еще, по-твоему, они станут делать, когда обнаружат, что никаких кодовых блокнотов нет? Естественно, они поступят так, чтобы защититься не от своих врагов, а от своих друзей. Немцы дважды взламывали код, которым мы пользуемся между собой. — Петерсен бросил взгляд на Харрисона, который сидел в кресле у камина, закинув ногу на ногу и задумчиво созерцая бокал вина, только что поданный ему Джордже. — Джейми, для человека, которого только что выгнали из дома или похитили, что по сути одно и то же, ты

вовсе не выглядишь чересчур подавленным.

— Для этого нет никаких причин, — спокойно отреагировал Харрисон. — Я никогда не думал, что найду жилище получше, чем мое последнее, но я ошибался. Смотри, тут даже настоящий камин. На дровах. Carpe diem[10], как говорится. Как думаешь, Петр, что готовит нам будущее?

— Я не обучен смотреть в хрустальный шар.

— Жаль. Было бы неплохо, если бы у меня осталась надежда вновь увидеть белые утесы Дувра.

— Почему бы и нет? Никто не жаждет твоей крови. В смысле, ты ведь ничего такого не замышляешь, Джейми? Вроде отправки тайных радиограмм с неизвестным нам кодом людям, которые опять же нам неизвестны?

— Нет, конечно, — невозмутимо ответил Харрисон. — Я не тот человек, у меня нет никаких секретов, и в любом случае я не умею пользоваться радио. Значит, полагаешь, что я снова увижу белые утесы? Ну а мой старый дом на горе Прень, как думаешь, я увижу снова?

— А вот это маловероятно.

— Что ж… весьма ценное предсказание и без всякого хрустального шара.

---

[10] Notes: 10
Лови момент *(лат.)*.

— Хрустальный шар для этого мне не нужен. Того, кто занимал столь… гм… деликатную должность, никогда больше не наймут в той же роли, после того как он побывал в руках у врага. Пытки, промывание мозгов, превращение в двойного агента и все такое. Стандартная практика. Тебе никогда больше не будут доверять.

— Я бы сказал, это уже перебор. Для моей безупречной, незапятнанной репутации… Вряд ли в том, что я оказался в плену, есть моя вина. Этого бы не случилось, если бы вы получше за мной присматривали. Спасибо. Джордже, я выпью еще. Что ж, раз уж я счастливо оттуда вырвался, у меня нет больше никакого желания туда возвращаться, даже если меня потащат силой — буду орать и отбиваться ногами, как принято в таких случаях. — Он поднял бокал. — Твое здоровье, Петр.

— Тебе так ненавистны стали люди? Четники, полковник, я сам?

— Глубоко ненавистны. К тебе это не относится, хотя, должен признать, меня не слишком заботит то, что можно назвать твоей военной политикой. Ты для меня полная загадка, Петр, но я предпочту, чтобы ты был на моей стороне, а не на противоположной. Что касается прочих — я их презираю. Довольно необычная позиция для союзника, как

думаешь?

— Думаю, что я тоже выпью вина. Джордже, будь так любезен. Что ж, Джейми, ты и впрямь пусть осторожно, но иногда выказывал неудовольствие — я бы сказал, даже неприязнь, — но я считал, что это всего лишь неотъемлемое право каждого солдата — громко и пространно жаловаться по поводу любых проявлений армейской жизни. — Петерсен задумчиво глотнул из бокала. — Надо так понимать, что имелось в виду нечто большее?

— Нечто большее? Намного большее. — Харрисон пригубил вина и расслабленно уставился на горящие поленья. — Несмотря на то что будущее выглядит несколько неопределенным, в каком-то смысле я могу даже поблагодарить капитана Црни. Он всего лишь предвосхитил мое решение, мое намерение покинуть Прень и ее жалких обитателей при первой же удобной возможности. Если бы не неожиданные события последних часов, ты бы узнал, что я уже подал рапорт об официальном отзыве меня с этого поста. Но, естественно, до появления капитана Црни я не собирался никому об этом говорить.

— Возможно, я составил о тебе неверное мнение, Джейми.

— Воистину. — Он огляделся вокруг, словно пытаясь понять, не составил ли о нем неверное мнение кто-то еще, но, похоже, такие мысли не приходили никому в голову. Подобно притягивающему железные опилки магниту, он владел безраздельным вниманием всех присутствующих.

— Значит, мы тебе не понравились… не нравимся?

— Разве я не в полной мере дал это понять? Возможно, я не солдат, и, ведает бог, так оно и есть, но я и не клоун, хотя все указывает на обратное. Все дело в моем образовании — практически в любой интеллектуальной области, имеющей хоть какое-то значение, обычный солдат, по сути, безграмотен. Я не настолько образован, как Джордже, — не витаю в облаках и не блуждаю в садах Академа. — (Бросив на него глубоко оскорбленный взгляд, Джордже потянулся к бутылке.) — Я получил образование более практического плана. Согласна, Лорен?

— Вполне. — Она улыбнулась и перечислила: — Бакалавр-инженер, магистр-инженер, АЧИИЭ, АЧИИМ. Образование у него хоть куда. Я в свое время была секретаршей Джеймса.

— Ну и ну, — покачал головой Петерсен. — Мир

становится все теснее.

Джакомо прикрыл лицо рукой.

— Бакалавр, магистр — это все понятно, — сказал Джордже. — Остальное звучит как диагноз какой-нибудь смертельной болезни.

— Ассоциированный член Института инженеров-электриков, — объяснила Лорен. — Ассоциированный член Института инженеров-механиков.

— Не важно, — раздраженно бросил Харрисон. — Суть в том, что меня учили наблюдать, оценивать и анализировать. Я пробыл тут меньше двух месяцев, но мне хватило лишь небольшой доли этого срока и минимума наблюдений, оценок и анализа, чтобы понять, что Британия поставила в Югославии не на ту лошадь. Я говорю это как британский офицер. Не хочу излишне драматизировать, но Британия в буквальном смысле сцепилась в смертельной схватке с Германией. Как нам победить немцев? Сражаясь с ними и убивая их. Как нам оценить наших союзников или потенциальных союзников, какую мерку использовать? Одну-единственную. Сражаются ли они с немцами, убивая их? Например, Михайлович? Черта с два! Он сражается вместе с немцами, на стороне немцев. Тито? Каждый немецкий сол-

дат, попавший в прицел партизана, — труп. Но все эти дураки, болваны и идиоты в Лондоне продолжают поддерживать Михайловича, по сути их заклятого врага. Мне стыдно за мой собственный народ. Единственная причина — но, ведает бог, не оправдание — в том, что войну Британии, по крайней мере на Балканах, ведут политики и солдаты, а политики почти столь же наивны и безграмотны, как солдаты.

— Ты весьма нелицеприятно высказываешься о своих соотечественниках, Джеймс, — покачал головой Джордже.

— Да заткнись ты! Прости, Джордже, не хотел тебя обидеть, но вопреки твоему обширному образованию, а может, вследствие его, ты столь же наивен и безграмотен, как и любой из них. Нелицеприятно, но верно. Как вообще дошло до столь экстраординарной ситуации? Михайлович — гений международной дипломатии уровня Макиавелли. У Тито попросту нет на это времени, поскольку он слишком занят убийством немцев. Еще в сентябре сорок первого Михайлович и его четники, вместо того чтобы сражаться с немцами, занялись установлением контактов с вашим драгоценным роялистским правительством в Лондоне. Да, Петр Петерсен, я сказал «драгоценным»,

хотя вовсе так не считаю. Им полностью плевать на невообразимые страдания югославского народа — им хочется лишь вернуть королевскую власть, и если для этого потребуются трупы одного или двух миллионов их соотечественников, тем хуже для соотечественников. И естественно, Михайлович, контактируя с королем Петром и его так называемыми советниками, вряд ли мог не связаться и с британским правительством. Двойная выгода! И естественно, он в то же самое время вступил в контакт с британскими войсками на Ближнем Востоке. Кто знает, возможно, тупоголовые военные шишки в Каире до сих пор воспринимают полковника как великую белую надежду для Югославии. — Харрисон махнул рукой в сторону Зарины и Михаэля. — Собственно, в этом можно не сомневаться. Взгляните на эту легковерную юную пару, специально обученную британцами, чтобы прийти на помощь доблестным четникам…

— Мы вовсе не легковерны! — сдавленно сказала Зарина, нервно сплетая пальцы; похоже, она была готова то ли разозлиться, то ли расплакаться. — Нас обучали не британцы, а американцы. И мы приехали вовсе не для того, чтобы помогать четникам.

— В Каире нет американских школ по подготовке радистов, только британские. Если вас готовили американцы, то лишь потому, что так хотели британцы. — Тон Харрисона был столь же холодным и обескураживающим, как и выражение его лица. — Полагаю, вы легковерны, вы лжете и вы приехали помогать четникам. И еще я думаю, что ты прекрасная актриса.

— Браво, Джейми, — одобрительно кивнул Петерсен. — Ты прав в одном — она в самом деле прекрасная актриса. Но она не легковерна и не лжет — ну, может быть, пару раз, слегка. И приехала она не для того, чтобы нам помогать.

Харрисон и Зарина ошеломленно уставились на него.

— Откуда ты можешь знать, черт побери? — спросил Харрисон.

— Интуиция.

— Интуиция? — с необычным для него сарказмом усмехнулся Харрисон. — Если твоя интуиция стоит столько же, сколько твоя проницательность, им давно место в нафталине. И не пытайся увести разговор в сторону. Тебе не показалось чересчур ироничным, что когда ты и твои драгоценные четники, — Харрисону очень нравилось слово «драгоценный», которое он эффектно

использовал в уничижительном смысле, — получали оружие и деньги от немцев, итальянцев и коллаборационистского сербского режима Недича, вы одновременно получали оружие и деньги от западных союзников. Причем, заметь, в то же самое время, когда вы сражались вместе с немцами, итальянцами и усташами, пытаясь уничтожить партизан, единственных реальных союзников Британии в Югославии?

— Джейми, выпей еще вина.

— Спасибо, Джордже. — Харрисон покачал головой. — Честно скажу, я был полностью сбит с толку, причем во всех отношениях. Мне задурили голову ваши четники и мои собственные люди. Неужели все и впрямь настолько слепы, что ничего не видят? Неужели вас настолько лишает дара речи и ослепляет ваше всепоглощающее и полностью ошибочное чувство патриотизма? Неужели вы настолько преданы дискредитировавшей себя короне, что в силу своей близорукости видите лишь десять процентов окружающей действительности, не имея ни малейшего представления об остальных девяноста? Неужели то же самое произошло и с моими людьми в Лондоне? Наверняка, наверняка, ибо как еще объяснить непостижимый идиотизм, с которым они про-

должают снабжать Михайловича, имея при этом неопровержимые доказательства его сотрудничества с немцами?

— Могу поспорить, вряд ли ты сумел бы повторить это еще раз, — восхищенно проговорил Петерсен. — В смысле, все эти напыщенные слова. Как ты сам сказал, Джейми, все, вероятно, сводится к точке зрения, а она находится в глазах смотрящего. — Петерсен встал, подошел к камину и сел рядом с Зариной. — На самом деле никто не уводит разговор в сторону, речь все о том же. Как тебе понравилась твоя встреча наедине с полковником этим утром? — спросил он у Зарины.

— Наедине? У меня не было с ним никаких встреч наедине. Мы с Михаэлем просто доложили ему о нашем прибытии. Как вы сами велели. Или уже забыли?

— Я ничего не забыл. Но, похоже, забыла ты. У стен есть уши. Не оригинально, но тем не менее верно.

Зарина быстро посмотрела на Михаэля, затем снова на Петерсена:

— Не понимаю, о чем вы.

— У стен также есть глаза.

— Хватит издеваться над моей сестрой! — выкрикнул Михаэль.

— Издеваться? Задать простой вопрос — значит издеваться? Если ты называешь это издевательством, возможно, мне стоит поиздеваться и над тобой. Ты, естественно, тоже там был. Тебе есть что мне сказать? А ведь есть. И я уже знаю, какой должен быть твой ответ. Правдивый ответ.

— Мне нечего вам сказать! Нечего! Вообще нечего!

— Актер из тебя паршивый. К тому же ты переигрываешь как минимум в полтора раза.

— Я уже сыт вами по горло, Петерсен! — Дыхание Михаэля участилось и стало неровным. — Хватит донимать мою сестру и меня! — Он вскочил на ноги. — Если вы думаете, будто я стану…

— Ты не станешь, Михаэль. — Джордже подошел к нему сзади и положил ладони на плечи. — Ты сядешь. — (Михаэль сел.) — Если ты не успокоишься, мне придется тебя связать и вставить кляп в рот. Сейчас вопросы задает майор Петерсен.

— Господи! — возмущенно, а может, лишь только изображая возмущение, подал голос Харрисон. — Это уже чересчур, Джордже. Злоупотребление властью, я бы сказал. Петр, вряд ли ты вправе…

— А если и ты не успокоишься, — слегка устало

сообщил Джордже, — мне придется проделать то же самое и с тобой.

— Со мной? — На этот раз возмущение Харрисона было неподдельным. — Со мной? С офицером? Капитаном британской армии? Господи! Джакомо, ты же англичанин. Апеллирую к твоему…

— Апелляция отклоняется. Я не стал бы оскорблять чувства офицера, приказывая ему заткнуться, но, думаю, майор пытается кое-что выяснить. Возможно, тебе не по душе его военная философия, но, по крайней мере, тебе стоило бы хранить беспристрастность. И Зарине, думаю, тоже. Полагаю, вы оба ведете себя глупо.

Харрисон дважды пробормотал: «Господи!» — и затих.

— Спасибо, Джакомо, — поблагодарил Петерсен. — Зарина, если ты считаешь, будто я пытаюсь тебя оскорбить или задеть, то ты, как уже говорил Джакомо, ведешь себя глупо. Мне это вовсе ни к чему. Я хочу помочь. У вас с полковником состоялся личный разговор или нет?

— Да, мы с ним говорили, если вы про это.

— Естественно, говорили. Прошу простить, если я слегка раздражаюсь. О чем вы говорили? Обо мне?

— Нет. Да. В смысле, в числе прочего.

— В числе прочего, — повторил Петерсен. — Чего именно?

— Просто прочего. Вообще.

— Ложь. Вы говорили только обо мне и, возможно, немного о полковнике Лунце. Не забывай, у стен могут быть как уши, так и глаза. И конечно, ты уже забыла, что говорила, когда сдала меня с потрохами, из-за чего я оказался там, где нахожусь сейчас? Сколько сребреников заплатил тебе добрый полковник?

— Я ничего не говорила! — Дыхание ее стало прерывистым, на щеках выступили красные пятна. — Я не предавала вас! Не предавала!

— И все это ради клочка бумаги. Надеюсь, ты получила причитающуюся плату. Ты заслужила свои тридцать сребреников. Ты ведь не знала, что я потом подобрал бумажку? — Он достал из кармана листок и развернул. — Вот эту.

Зарина тупо уставилась на бумагу, затем столь же тупо на Петерсена. Опершись локтями о колени, она закрыла лицо руками.

— Не понимаю, что происходит, — глухо проговорила она. — Вообще ничего не понимаю. Я знаю, что вы плохой и злой человек, но я вас не предавала.

— Я тоже знаю, что ты меня не предавала. — Он

мягко коснулся ее плеча. — Но я понимаю, что происходит. Понимал с самого начала. Прости, если я сделал тебе больно, но мне было нужно услышать это от тебя. Почему ты сразу не сказала? Или ты уже забыла, что я тебе говорил вчера утром?

— Забыла о чем? — Она отняла руки от лица и посмотрела на него. В ее карих глазах стояли слезы.

— Что ты слишком добра и кристально честна, чтобы действовать тайно. Бумаг было три. Та, которую я отдал Михайловичу, вот эта, которую я приготовил перед отъездом из Рима, — я ничего не подбирал с пола после вашего разговора, — и та, которую дал вам полковник Лунц.

— А вы и впрямь умны. — Зарина утерла слезы, и в ее взгляде проснулась злость.

— Уж точно поумнее тебя, — весело сказал Петерсен. — По какой-то необъяснимой причине Лунц подумал, что я могу оказаться кем-то вроде шпиона или двойного агента и поменять сообщение, сфальсифицировав приказ. Но ведь я этого не сделал? Я отдал полковнику Михайловичу именно то сообщение, которое получил, и оно совпало с копией, которую дал тебе Лунц. Естественно, тебя, как женщину, это парадоксальным

образом раздосадовало. Будь я шпионом, неким перебежчиком, перешедшим на другую сторону, ты ведь была бы вне себя от радости? Возможно, ты стала бы меня уважать, даже слегка бы полюбила. Что ж, я остался все тем же четником. Ты, конечно же, знала, что если бы я подменил приказы, Михайлович велел бы меня расстрелять?

Зарина слегка побледнела и прижала ладонь ко рту.

— Естественно, ты не знала. Ты не только не в состоянии вести двойную игру и мыслить ее категориями, ты даже не в состоянии подумать о последствиях для игрока, пошедшего на подобный риск. Как столь умная во всех иных отношениях девушка… ладно, не важно. Как я уже говорил, в омерзительном мире шпионажа мыслить должны те, кто на это способен. Зачем ты это сделала, Зарина?

— Что сделала? — Взгляд ее вдруг стал полностью беззащитным. — В чем вы теперь меня обвиняете?

— Ни в чем, моя дорогая. Обещаю. Ни в чем. Мне просто было интересно, хотя я наверняка знаю и сам, как так вышло, что ты согласилась на эту тайную сделку с Лунцем — поступок, настолько чуждый твоей натуре. Все потому, что для тебя

это был единственный способ попасть в Югославию. Если бы ты отказалась, он запретил бы тебе въезд. Так что я ответил на свой собственный вопрос. — Петерсен встал. — Вина, Джордже, вина. После таких разговоров всегда хочется выпить.

— Мало кому известно, — заметил на это Джордже, — что если не говорить, а слушать, то пить хочется еще больше.

Подняв наполненный бокал, Петерсен повернулся к Харрисону.

— За твое здоровье, Джейми. Как британского офицера, естественно.

— Да-да, естественно. — Харрисон с трудом поднялся на ноги, хватая бокал. — Естественно. За твое здоровье. Что ж… смягчающие обстоятельства, старина. Откуда я мог…

— И как джентльмена.

— Естественно, естественно… — Он все еще пребывал в замешательстве. — Джентльмена.

— Вел ли ты себя по-джентльменски, Джейми, когда назвал ее легковерной лгуньей, помогающей нам скрасить уныние? Эта симпатичная и очаровательная девушка не только не заслужила подобных эпитетов — она из тех, кого ты всегда искал, из тех, кто может порадовать твою патриотичную душу, не роялистка, но истинная

патриотка Югославии в лучшем смысле этого слова. Столь преданная всей душой партизанам, как только может быть предан тот, кто никогда в жизни не видел ни одного партизана. Именно потому она и ее брат вернулись в страну, преодолев множество тягот, чтобы — как бы ты наверняка высокопарно выразился, Джейми, — предложить свои услуги родине, то есть партизанам.

Поставив бокал, Харрисон подошел к сидевшей Зарине и, наклонившись, поцеловал ей руку:

— Ваш верный слуга, мадам.

— Это извинение? — спросил Джордже.

— Для английского офицера, — ответил Петерсен, — это, как бы выразился английский офицер, весьма галантное извинение.

— Он не единственный, кому следовало бы извиниться. — Казалось, еще немного — и Михаэль начнет переминаться с ноги на ногу. — Майор Петерсен, я бы хотел…

— Никаких извинений, Михаэль, — поспешно остановил его Петерсен. — Никаких извинений. Будь у меня такая сестра, я бы не стал даже разговаривать с ее мучителем, в данном случае со мной, а с ходу врезал бы ему по башке. Так что если я не извиняюсь перед твоей сестрой за то, как я с ней поступил, то и ты не извиняйся пе-

редо мной.

— Спасибо, майор. — Михаэль поколебался. — Могу я спросить, как давно вы поняли, что мы с Зариной… в общем, как вы говорили?

— Сразу же, как только вас увидел. Вернее, скажем так, у меня возникло подозрение: что-то здесь не так, когда я встретился с вами в тех апартаментах в Риме. Вы оба были напряжены, неловки, замкнуты, даже несколько агрессивны. Ни улыбки на губах, ни песни в душе, никакой страсти и юношеского энтузиазма, свойственного тем, кто отправляется навстречу славному будущему. Чрезмерно осторожны, чрезмерно подозрительны. Странное поведение. Вам не требовалось размахивать красным флагом, чтобы дать понять, что вас что-то тяготит. Ваше прошлое было безупречно, так что вас явно заботили некие будущие проблемы — например, как, прибыв в нашу штаб-квартиру, перебраться в партизанский лагерь. Твоя сестра выдала себя почти сразу — в горной таверне, когда пыталась меня убедить в своих роялистских симпатиях, рассказав, что дружила с королем Петром — когда он был еще князем.

— Никогда не было такого! — не слишком убедительно возмутилась Зарина. — Просто

встречалась с ним несколько раз.

— Зарина… — мягко упрекнул ее Петерсен. Она промолчала. — Сколько раз мне тебе говорить…

— Ну ладно, ладно, — смутилась Зарина.

— Она никогда в жизни с ним не встречалась. Зарина вместе со мной сокрушалась по поводу его хромоты, но парень на самом деле здоров как бык. Он даже не знает, что значит ходить, хромая. Что ж, все это очень интересно, но, боюсь, лишь с академической точки зрения.

— Ну, не знаю, — сказал Джакомо. — Для меня это представляет больше чем академический интерес. — Он, как всегда, улыбался, но в данных обстоятельствах трудно было понять причину его улыбки. — Однако с точки зрения академического интереса я полностью согласен с ребятами — простите, с Зариной и Михаэлем. Мне вовсе не хочется сражаться, в смысле — сражаться в этих проклятых горах, потому как Эгейское море и королевский флот меня вполне устраивают, спасибо. Но если придется, я буду на стороне партизан.

— Ты вроде Джейми, — ответил Петерсен. — Если уж ты станешь сражаться, то с немцами?

— Думаю, я достаточно ясно дал это понять еще в отеле «Эдем».

— Да. Так что интерес по-прежнему остается лишь академическим. И что ты собираешься делать? Как ты намерен вступить в ряды своих друзей-партизан?

— Подожду, пока мы не вырвемся отсюда.

— Можешь ждать вечно.

— Петр. — В голосе Харрисона прозвучали умоляющие, почти отчаянные нотки. — Я знаю, что ты ничем нам не обязан и больше за нас не отвечаешь. Но должен же быть какой-то способ! Как бы ни различались наши взгляды, мы все вместе угодили в ловушку. Ну же, Петр! Все эти споры мы можем отложить на потом. Пока же… имея в распоряжении такие ресурсы, какие есть у тебя…

— Джейми, — мягко произнес Петерсен, — неужели ты не видишь стену, что разделяет эту комнату? Джордже, Алекс и я по одну ее сторону, вы пятеро — по другую. Во всяком случае, ты, фон Караяны и Джакомо. Насчет Лорен не знаю. Эта стена высотой в милю, Джейми, и она неприступна.

— Я понимаю, о чем он, капитан Харрисон, — кивнул Джакомо. — Стена действительно неприступна. К тому же моя гордость не позволила бы мне пытаться ее преодолеть. Должен заметить, майор, что ты не объяснил всего до конца, а это на

тебя не похоже. Что насчет Лорен? Вписывается ли она в какую-то из групп? Просто для нашего сведения.

— В какую-то из групп? Не знаю. И не в обиду тебе, Лорен, но мне на самом деле все равно. Это не имеет значения. Теперь уже нет.

Он сел с бокалом в руке и больше не произнес ни слова. Насколько можно было понять, майор Петерсен впервые в жизни погрузился в задумчивое молчание. Тишина, которую нарушало лишь периодическое бульканье наполняемых Джордже бокалов, неприятно затягивалась.

— Что не так? — вдруг резко нарушила тишину Лорен. — Скажите, что не так?

— Ты ко мне обращаешься? — спросил Петерсен.

— Да. Вы все время на меня пялитесь. Глаз не сводите.

— Даже если человек по другую сторону стены, это не мешает ему иметь хороший вкус, — заметил Джакомо.

— Я даже не задумывался, что смотрю на тебя, — улыбнулся Петерсен. — К тому же, как сказал Джакомо, в этом нет ничего неприятного. Извини. Я просто был где-то очень далеко отсюда, только и всего.

— И кстати, — весело добавил Джакомо, — Зарина тоже не сводила с тебя взгляда с того момента, как ты обрел позу роденовского «Мыслителя». Знаешь, что я решил? Что она тоже о чем-то думает.

— Да замолчи ты, Джакомо! — разозлилась Зарина.

— Полагаю, все мы временами о чем-то думаем, — сказал Петерсен. — А подумать нам, видит бог, есть о чем. Джейми, я гляжу, ты пребываешь в весьма мрачных раздумьях. О чем тоскуешь? О ярких огнях? Нет. О белых утесах? Нет. Ага! О родном доме? — (Харрисон молча улыбнулся.) — Какая она, Джейми?

— Какая? — Харрисон снова улыбнулся, пожал плечами и посмотрел на Лорен.

— Дженни чудесная, — негромко сказала Лорен. — Думаю, самая чудесная в мире. Она моя лучшая подруга, Джеймс ее не заслуживает. Она стоит десятерых таких, как он.

В очередной раз удовлетворенно улыбнувшись, Харрисон потянулся к бокалу. Если он и почувствовал себя оскорбленным, то тщательно это скрыл.

Небрежно посмотрев на Джакомо, на что тот едва заметно кивнул, Петерсен с легкой усмеш-

кой отвел глаза.

Через двадцать минут, прошедших то в молчании, то в отрывочных разговорах, открылась дверь и явился Эдвард:

— Майор Петерсен?

Петерсен встал. Джакомо хотел что-то сказать, но Петерсен его опередил:

— Можешь не говорить. Мне будут ломать пальцы.

Через пять минут он вернулся. Джакомо разочарованно взглянул на него:

— Что, пальцы целы?

— Целы. Меня так и подмывало сказать, что сейчас принесут тиски и ты следующий на очереди. Нет, никаких тисков. Но ты действительно следующий.

Джакомо вышел.

— И как оно? — спросил Харрисон. — Чего они хотели?

— Вполне гуманно и цивилизованно. Как и следовало ожидать от Црни. Много вопросов, часть их — весьма личного характера, но я им назвал лишь имя, звание и подразделение, что разрешено по закону. Настаивать они не стали.

Джакомо вернулся еще быстрее, чем Петерсен.

— Они меня разочаровали, — заявил он. —

Крайне разочаровали. Испанская инквизиция из них не получится никогда. Теперь они желают видеть вас, капитан Харрисон.

Харрисон отсутствовал чуть дольше их обоих, но не особо. Вернулся он в состоянии крайней задумчивости.

— Ты следующая, Лорен.

— Я? — Она встала, поколебавшись. — Что ж… если я не пойду сама, они все равно за мной явятся.

— Это было бы крайне неподобающе с твоей стороны, Лорен, — напутствовал ее Петерсен. — Мы же остались живы. Что значит логово льва для такой юной англичанки, как ты?

Кивнув, она вышла, хотя и с неохотой.

— Как там, Джейми? — спросил Петерсен.

— Весьма изысканные манеры, я бы сказал. Похоже, им удивительно много обо мне известно. И никаких вопросов с военным подтекстом, — во всяком случае, я ничего такого не заметил.

Лорен не было с четверть часа. Вернулась она побледневшая, и, хотя на ее щеках следы слез отсутствовали, ясно было, что она плакала. Взглянув на Петерсена, Харрисона и Джакомо, Зарина покачала головой и обняла Лорен за плечи.

— До чего же они галантны — верно, Лорен?

Рыцарственны и заботливы. — Она метнула в их сторону испепеляющий взгляд. — Может, они просто стесняются. Кто следующий?

— Больше никого не звали.

— Что они с тобой сделали, Лорен?

— Ничего. Если ты про… нет-нет, они ко мне не прикасались. Просто они задавали такие вопросы… — Она замолчала. — Зарина, прошу тебя… мне не хотелось бы сейчас об этом говорить.

— Мараскин, — авторитетно заявил Джордже. Взяв Лорен за руку, он усадил ее и подал рюмку. Она благодарно улыбнулась, но ничего не сказала.

Вошел Црни в сопровождении Эдварда, впервые за все время благодушный и улыбающийся.

— У меня для вас кое-какие новости. Надеюсь, они вам понравятся.

— Вы даже без оружия, — удивился Джордже. — Откуда вам знать, что мы не переломаем вам кости? Или, еще лучше, возьмем вас в заложники и сбежим? В отчаянии мы готовы на все.

— Вы в самом деле готовы так поступить, профессор?

— Нет. Вина?

— Спасибо, профессор. Хорошая новость — по крайней мере, я считаю ее хорошей — для фон Ка-

раянов, капитана Харрисона и Джакомо. Прошу простить за небольшой обман, но в данных обстоятельствах это было необходимо. Мы не состоим в дивизии Мурдже. Мы, слава небесам, даже не итальянцы. Мы всего лишь обычные рядовые члены партизанской разведывательной группы.

— Партизаны… — В голосе Зарины не слышалось радости, лишь сдобренное примесью недоверия непонимание.

— Да, это правда, — улыбнулся Црни.

— Партизаны, — покачал головой Харрисон. — Черт побери! Партизаны! Ну да… — Он покачал головой и повторил уже на октаву громче: — Партизаны!

— Это правда? — Зарина схватила Црни за руки и встряхнула. — Правда?

— Конечно правда.

Она заглянула ему в глаза, будто ища в них правду, а потом вдруг крепко его обняла. На мгновение замерев, она отпустила его и отступила на шаг.

— Простите, — сказала она. — Мне не следовало…

— Нет никаких правил, запрещающих юному новобранцу женского пола обнимать офицера, — ответил Црни весело. — Естественно, не стоит

возводить это в привычку.

— Ну и это тоже, само собой… — неуверенно улыбнулась Зарина.

— Тоже? Есть что-то еще?

— В общем, нет. Мы страшно рады вас видеть.

— Рады? — повторил Харрисон. — Еще как рады! — После того как миновал первый шок, он пребывал в состоянии, близком к эйфории. — Воистину, нам послало вас милосердное Провидение!

— Вовсе не Провидение, капитан Харрисон, а радиосообщение. Когда мой командир говорит «действуй», я действую. Насчет «чего-то еще», о чем вы не хотите говорить, госпожа фон Караян, — ваши опасения беспочвенны. Военный устав не позволяет мне стрелять в собственного начальника.

— Начальника? — Она посмотрела на Црни, потом на Петерсена, потом снова на Црни. — Не понимаю.

— Ты совершенно прав, Петр, — вздохнул Црни. — И ты, Джакомо, тоже. Среди этой компании бессмысленно искать агентов врага. Иначе им не пришлось бы вдалбливать в голову очевидное. Мы оба партизаны. Мы оба разведчики. Я младший офицер. Он заместитель начальника.

Теперь, полагаю, все ясно.

— Более чем. — Джордже протянул Црни бокал. — Твое вино, Иван. — Он повернулся к Зарине. — На самом деле он не любит, когда его называют Црни. И не сжимай кулаки. Ладно, ладно, — по сути, такова жизнь. Решения, решения. Поцеловать его или ударить? — Джордже внезапно сменил шутливый тон на деловой. — Если ты злишься из-за того, что тебя одурачили, значит ты сама дура. Иначе и быть не может. Все твоя уязвленная гордость. Ты получила своих партизан, и его не ждет расстрельная команда. Ты что, не умеешь радоваться, девочка моя? Или в ваших умишках избалованных аристократов нет места таким предметам, как облегчение и благодарность?

— Джордже! — Зарину потрясли не столько слова, сколько тон, которого она никогда прежде не слышала. — Джордже! Я что, настолько эгоистична?

— Вовсе нет. — К нему тут же вернулось прежнее добродушие, и он сжал ладонями ее плечи. — Просто я подумал, что ты могла бы испортить подобающий моменту настрой, если бы поставила Петру под глазом синяк. — Он бросил взгляд на Харрисона, который, опустив голову на руки,

бил кулаком по столу и что-то бормотал себе под нос. — Вам плохо, капитан Харрисон?

— Господи, господи, господи! — Тот продолжал стучать кулаком.

— Сливовицы? — предложил Джордже.

Харрисон поднял голову:

— Самое чудовищное в том, что моим проклятием всегда была идеальная память. Именно потому я всегда с ходу сдавал любые экзамены. Я помню каждое слово, которое произнес в той воодушевляющей речи о патриотизме, долге, преданности, близоруком идиотизме… не могу продолжать, просто не могу.

— Тебе не в чем себя упрекать, Джейми, — сказал Петерсен. — Только представь, как это подняло наш дух.

— Будь в мире хоть какая-то справедливость, хоть какое-то сочувствие, — простонал Харрисон, — земля разверзлась бы подо мной прямо в это мгновение. Британский офицер! Так я себя называл, подразумевая тем самым, что других поблизости нет. Выдающийся наблюдатель, способный оценивать и анализировать ситуацию. Боже милостивый! Идеальная память — это и есть настоящий ад!

— Очень сожалею, что не слышал эту речь, —

сказал Црни.

— Жаль, — кивнул Петерсен. — Но ты же знаешь теперь про идеальную память Джейми. Он может повторить свою речь дословно, когда захочешь.

— Пощади поверженного, — умоляюще проговорил Харрисон. — Я слышал, что ты говорил Зарине, Джордже, но мне по-прежнему больно. Меня одурачили, одурачили, одурачили. И вдвойне больно оттого, что Петр мне не доверял. Но ты ведь доверял Джакомо? Он все знал.

— Я ничего не говорил Джакомо, — возразил Петерсен. — Он догадался сам. Он солдат.

— А я — нет? Что ж, похоже на то. Как ты догадался, Джакомо?

— Я слышал то же, что и все. Я слышал, как майор говорил или, скорее, намекал капитану Црни, что связывать нас перед тем, как спускаться с утеса, может быть опасно. Капитан Црни не из тех, кому кто-то может приказывать или даже намекать. И тогда я понял.

— Ну конечно. Это я как-то упустил из виду. Значит, ты никому из нас не доверял, Петр?

— Да. Мне нужно было знать, с кем я имею дело. Слишком много странного случилось в Риме и после нашего отъезда из Рима. Мне нужно было

знать. На моем месте ты поступил бы так же.

— Я? Прежде всего, я вообще не заметил бы ничего странного. Когда ты решил, что можно обо всем рассказать? И почему ты так решил? Господи, если так подумать, то когда ты вообще мог говорить свободно? Воистину, не могу представить, просто не могу. А ты можешь, Зарина? Постоянно жить во лжи, в окружении врагов? Одна ошибка, один случайный промах, одно неосторожное слово — и бах! А ведь он почти половину времени провел с нами!

— Ага, зато другую половину я провел среди своих. Можно сказать, устроил себе отпуск.

— Отпуск? Боже милостивый! Я знал — хотя и не настолько долго был с тобой знаком, — что ты в чем-то не такой, как все, но это… это недоступно моему пониманию. А ведь ты всего лишь заместитель начальника. Хотел бы я встретиться с тем, кого ты называешь начальником.

— Я не называю его начальником. По-всякому, но не так. Что касается встречи с ним — можешь не беспокоиться. Ты с ним уже знаком. Собственно, ты сам его описал. Большой толстый клоун, наивный и невежественный, который постоянно витает в облаках. Или блуждает в садах Академа? Не помню.

Харрисон пролил содержимое бокала на стол.

— Не верю, — ошеломленно проговорил он.

— Никто не верит. Я всего лишь его правая рука, ответственный за оперативную работу. Как тебе известно, он редко меня сопровождает. На этот раз было иначе, но, с другой стороны, речь идет о задании особой важности, которое нельзя доверить растяпам вроде меня.

Михаэль недоверчиво и даже с легким испугом посмотрел на Джордже.

— Но в Мостаре вы говорили, что вы старший сержант.

— Всего лишь крошечное отклонение от истины, — пренебрежительно отмахнулся Джордже. — В нашем деле подобное неизбежно — в смысле, немного отклоняться от истины. Но я говорил, что это лишь мое временное звание. На самом деле я генерал-майор.

— Господи! — вырвалось у Михаэля. — В смысле, господин генерал…

— Это уже чересчур. — Харрисон даже не заметил, когда Джордже вновь учтиво наполнил его бокал. — Воистину чересчур для моего помутившегося рассудка. Может, я вообще уже ничего не соображаю? Скажите мне сейчас, что я Адольф Гитлер, и я всерьез задумаюсь над такой возмож-

ностью. — Он посмотрел на Джордже, тряхнул головой и осушил бокал сразу наполовину. — Вы видите перед собой человека, пытающегося найти путь назад к реальности. Так… на чем я остановился? Ах да. Я спрашивал, когда ты решил, что можешь говорить свободно.

— Когда ты рассказал мне — ты или Лорен — о своей Дженни.

— Ну да, конечно. Дженни. — Ясно было, что Харрисон полностью сбит с толку. Внезапно он содрогнулся. — При чем тут Дженни, черт побери?

— Напрямую — ни при чем.

— Дженни… Лорен, у меня до сих пор не выходит из головы вопрос, который мне задал капитан Црни.

— Какой вопрос, Джеймс? — удивилась Лорен.

— Он спросил меня, знаком ли я с Джанкарло Тремино — ну, с Карлосом то есть. Естественно, я ответил, что знаю его прекрасно. — Он посмотрел в свой бокал. — Возможно, мне не следовало отвечать. В смысле, никто меня не пытал. Может, я в самом деле плохо соображаю.

— Ты ни в чем не виноват, Джеймс, — сказала Лорен. — Ты не мог знать. К тому же это никому не повредило.

— Лорен, откуда ты знаешь, что не повреди-

ло? — резко спросила Зарина. — Я понимаю, что в том нет вины капитана Харрисона. И на самом деле вопрос задал не капитан Црни. Ты что, не знаешь, что майор Петерсен всегда выясняет то, что ему требуется? Нам все еще следует считать себя пленниками, капитан Црни?

— Господи, нет! Дом в полном вашем распоряжении. В любом случае спрашивать нужно не меня. Старший здесь майор Петерсен.

— Или вы, Джордже? — едва заметно улыбнулась Зарина. — Простите, еще не привыкла называть вас генерал-майором.

— Честно говоря, я тоже не привык. Меня вполне устраивает Джордже. — Он улыбнулся и пригрозил ей пальцем. — Не пытайся вносить раздор в наши ряды. За пределами моей штаб-квартиры, какой в данный момент является заброшенная пастушья хижина в окрестностях Бихача, единственный ваш начальник — Петр. Я всего лишь задаю основное направление, а потом не вмешиваюсь. Тот, кто понимает, что не в состоянии его превзойти, — а мне хватает ума это понять, — не станет вставать на пути лучшего в своем деле профессионала.

— Майор, можно мне с вами поговорить? — спросила Зарина. — В коридоре.

— Звучит зловеще. — Петерсен поднял бокал. — Весьма зловеще. — Он вышел следом за ней в коридор и закрыл за собой дверь. — Ну?

Зарина поколебалась:

— Не знаю даже, как сказать. Я думаю…

— Если не знаешь, что сказать, и все еще сомневаешься, к чему столь мелодраматично тратить впустую мое время?

— Это не глупости и не мелодрама! И у вас не получится меня разозлить. То, что я от вас только что услышала, полностью вас характеризует. Вы высокомерны, язвительны, всех презираете, не терпите ничьих ошибок и слабостей и в то же время можете быть самым внимательным и любезным человеком из всех, кого я знаю. Дело не просто в том, что вы несносны, — вы непостижимы. Будто Джекил и Хайд. Мне нравится та ваша часть, что подобна доктору Джекилу. Вы отважны. Джордже считает вас человеком выдающегося ума, вы совершаете крайне рискованные поступки, которые оказались бы гибельными для кого-то вроде меня, и, что лучше всего, вы умеете заботиться о других. Так или иначе, я уже вчера вечером поняла, что вы не один из них.

— Чтобы не давать тебе шанса в очередной раз заявить, насколько я отвратителен, — улыбнулся

Петерсен, — не стану говорить, что задним умом всякий крепок.

— Ошибаетесь, — спокойно возразила она. — Когда майор Метрович говорил вчера про ахиллесову пяту Тито — отсутствие мобильности, три тысячи раненых, — я поняла одно. В любой цивилизованной войне — если такое понятие вообще существует — этих людей оставили бы противнику, который бы лечил их в госпиталях. Но это не цивилизованная война. Их всех перебили бы. И вы никогда не смогли бы в этом участвовать.

— У меня есть свои положительные стороны. Но не для того же ты меня сюда вытащила, чтобы на них указывать?

— Нет. Это все та ваша часть, что подобна мистеру Хайду… не хочу читать лекции, но мне она не нравится, причиняет мне боль и сбивает с толку. Как такой милый и добрый человек может быть настолько холоден, отстранен и бесстрастен, что почти утрачивает человеческие черты?

— О господи! Или, как выразился бы Джейми, — как же, как же!

— Но это правда. Чтобы достичь своих целей, вы способны на безразличие, граничащее с жестокостью.

— Ты про Лорен?

— Да, про Лорен.

— Ну-ну… а я-то считал аксиомой, что две симпатичные женщины автоматически питают друг к другу неприязнь.

Зарина схватила его за руки:

— Не уходите от темы.

— Мне стоит рассказать об этом Алексу.

— О чем? — настороженно спросила она.

— Он считает, что вы друг друга ненавидите.

— Скажите Алексу, что он дурак. Лорен прекрасная женщина. А вы терзаете ее душу.

— Ты права, ей терзают душу, — кивнул Петерсен. — Но не я.

Она пристально взглянула ему в глаза, будто надеясь увидеть в них истину.

— Тогда кто?

— Если я тебе скажу, ты пойдешь и расскажешь ей. — (Зарина молчала, все так же не сводя взгляда с его лица.) — Она знает, кто это. Но я не хочу, чтобы она думала, будто об этом знают все.

Зарина отвела взгляд.

— Может, где-то в глубине души у вас еще остались утонченные чувства. — Она снова посмотрела ему в глаза и слегка улыбнулась. — Но вы мне не доверяете.

— Мне бы очень хотелось вам доверять.

— Попробуйте.

— Она честный, добропорядочный, патриотично настроенный британский гражданин, который работает на итальянскую разведку — а конкретно на майора Чиприано. И вполне возможно, Лорен ответственна, пусть и косвенно, за гибель множества моих соотечественников.

— Не верю! Не верю! — Зарина широко раскрыла полные ужаса глаза, голос ее дрожал. — Нет! Нет! Нет!

— Знаю, что не веришь, — мягко ответил Петерсен. — Потому что не хочешь верить. Я сам не хотел в это верить. Но теперь верю. И могу доказать. Думаешь, я настолько глуп, чтобы утверждать, что могу доказать то, чему у меня нет никаких подтверждений? Или мне ты тоже не веришь?

— Не знаю, чему и верить, — выдохнула она. — Нет, знаю. Знаю. Я знаю, чему верить. Я не верю, что Лорен может быть такой.

— Потому что она слишком приятная, слишком честная, слишком добрая, слишком преданная?

— Да! Да! Вот во что я верю.

— Я тоже верил. И верю до сих пор.

Она крепче сжала его руки, почти умоляюще глядя ему в глаза:

— Пожалуйста… пожалуйста, не надо надо мной издевайтесь.

— Ее шантажировали.

— Шантажировали? Шантажировали?!! Как кто-то мог шантажировать Лорен? — Она отвела взгляд, немного помолчала и снова посмотрела на Петерсена. — Это как-то связано с Карлосом?

— Да. Косвенно. — Он с любопытством посмотрел на нее. — Как ты поняла?

— Потому что она его любит, — раздраженно ответила Зарина.

— А это ты как поняла? — на этот раз с неподдельным удивлением спросил Петерсен.

— Потому что я женщина.

— А, ну да. Полагаю, это все объясняет.

— И потому, что вы велели капитану Црни спросить ее насчет Карлоса. Но я догадалась раньше. Любой мог это заметить.

— Похоже, кроме меня. — Он задумался ненадолго. — Что ж, если посмотреть, так сказать, в ретроспективе, то, пожалуй, да. Но как я сказал — лишь косвенно. Никто не стал бы действовать настолько глупо, используя Карлоса как орудие шантажа. В их руках в итоге оказалось бы нечто вроде обоюдоострого меча. Но да, он наверняка частично в этом замешан.

— Частично? — Зарина дошла уже до такого состояния, что начала в буквальном смысле трясти Петерсена, что было непросто при его телосложении. — А кто еще?

— Я знаю — или думаю, что знаю, — кто еще. Но у меня нет доказательств.

— Тогда скажите, что вы думаете.

— Ты считаешь, что поскольку Лорен честная, добропорядочная и преданная, то она вела безупречную жизнь и у нее не могло быть никаких позорных тайн?

— Продолжайте.

— Я тоже не думаю, что у нее имелись какие-то позорные тайны. Если ты не считаешь подобной тайной наличие незаконнорожденного ребенка. Лично я не считаю.

Убрав правую ладонь с его руки, Зарина прижала ее к губам, потрясенная не столько его словами, сколько тем, что из них следовало.

— Карлос — врач, — устало произнес Петерсен. Сам он тоже выглядел устало, впервые с тех пор, как Зарина его увидела. — Диплом он получил в Риме. Лорен жила с ним, когда работала секретаршей у Джейми. У них есть сын, два с половиной года. Насколько мне известно, его похитили. Я наверняка это выясню, когда приставлю нож к

горлу Чиприано.

Зарина молча уставилась на него. По ее щекам медленно стекли две слезинки.

Глава 8

На следующий день в девять часов утра Ябланица настолько напоминала рождественскую открытку, что казалась почти нереальной в своей умопомрачительной красоте. Снег идти перестал, тучи рассеялись, в голубом небе ярко светило солнце, а воздух на безветренных склонах, где сгибались под тяжестью снега деревья, был свеж, чист и холоден. Для полноты картины не хватало звона колокольчиков на упряжке. Но пожелания мира на земле и людям добра волновали собравшихся в то утро за завтраком в последнюю очередь.

Подперев рукой подбородок, Петерсен задумчиво созерцал свой остывающий кофе. Первым заговорил Харрисон — как ни удивительно, но на капитане почти никак не отразились последствия того количества выпитого вина, что потребовалось ему, чтобы утопить в нем свою тоску и снова примириться с реальностью.

— Петр, мальчик мой, — сказал он, — я с радостью дал бы пару монет, чтобы услышать, о чем ты думаешь.

— О чем я думаю? Для тех, о ком я сейчас думаю, это стоило бы намного больше пары монет. Сразу же добавлю: никто из присутствующих в это число не входит.

— У тебя не просто задумчивый вид, — продолжал Харрисон, — я сегодня не замечаю твоей обычной утренней несдержанности и искрящегося веселья. Ты плохо спал? Может, из-за нового места?

— Я почти каждую ночь сплю на новом месте, поэтому вряд ли это на что-то влияет, иначе я бы давно уже помер. Но я правда почти не спал, мы с Джорджем и Иваном почти всю ночь провели в радиорубке. Вы, наверное, не слышали, какая ночью была гроза — именно потому сейчас в небе ни облачка, — из-за нее практически невозможными были как передача, так и прием.

— Ага! Тогда все ясно. Позволено ли мне будет спросить, с кем это вы говорили во время столь продолжительного ночного бдения?

— Конечно. Никаких тайн. — Харрисон на это недоверчиво усмехнулся, но промолчал. — Нам нужно было связаться с нашей штаб-квартирой в Бихаче и предупредить их о готовящейся атаке. Только на это ушло почти два часа.

— Вам следовало воспользоваться моим ра-

дио, — сказал Михаэль. — У него приличная дальность связи.

— Мы так и сделали. Но это мало чем помогло.

— Гм… Тогда вам нужно было обратиться ко мне. Все-таки я лучше знаю эту аппаратуру.

— Само собой. Но, с другой стороны, наши люди в Бихаче не знают языка навахо, а это единственный код, с которым ты работаешь.

Михаэль посмотрел на Петерсена, слегка приоткрыв рот:

— Откуда вы знаете, черт побери? У меня даже нет никаких кодовых блокнотов! — Он постучал себя по голове. — Всё тут.

— Ты отправил сообщение, как только завершился наш с полковником Лунцем разговор с вами. Может, ты и хороший радист, Михаэль, но тебя никуда нельзя отпускать без сопровождающего.

— Не забывайте, я там тоже была, — напомнила Зарина.

— Значит, без двух сопровождающих. Могу поспорить, вы даже не проверили номер на наличие жучков.

— Господи помилуй! — Михаэль взглянул на сестру. — Жучков? Как… откуда вы могли знать, что мы остановимся в…

— Жучки, конечно, могли там быть, но их не было. Джордже подслушивал с балкона.

— Джордже?

— Ты говорил открытым текстом. Джордже сказал, что этот язык ему незнаком и точно не европейский. Вас обучал американский инструктор, а американцы пребывают в радостном заблуждении, будто язык навахо невозможно расшифровать.

— Ты только теперь мне об этом говоришь? — буркнул Джордже, похоже нисколько не огорчившись.

— Извини. Куча дел. Забыл.

— Шпионский опыт Петра может сравниться лишь с его опытом шифровальщика, — пояснил Джордже. — Можно сказать, они идут рука об руку. Он постоянно составляет коды. И взламывает их тоже. Помните, он говорил, что немцы дважды взламывали код четников? На самом деле информацией их снабдил Петр, хотя они об этом не знают. Ни к чему вносить раздор в ряды союзников.

— Откуда вам знать, что немцы не перехватили вашу передачу прошлой ночью и не расшифруют ее? — спросил Харрисон.

— Это невозможно. Мои коды знают лишь два

человека — я и адресат. Я никогда не использую один и тот же код дважды. А за одну передачу код не взломать.

— Прекрасно, но… старина, не хочу показаться чересчур грубым, однако какая польза от этой информации партизанам? Если немцы поймут, что тебя похитили, или ты исчез, или что-то еще, они наверняка поменяют планы атаки.

— Думаешь, я этого не учел, Джейми? Ты даже малейшего понятия не имеешь о Балканах. Да и откуда, ведь ты тут меньше двух месяцев? Что тебе известно о хитрости и коварстве, интригах и борьбе с ними, соперничестве, ревности, самолюбии, недоверии, постоянном стремлении к личной выгоде, об огромной пропасти между западным и византийским образом мышления? Вряд ли есть хоть малейший шанс, что немцы хоть что-то узнали. Сам подумай. Кому известно, что планы у меня? С точки зрения полковника, планов только два, он получил оба, и я ни одного из них не видел. С чего ему может прийти в голову подобная мысль? Метрович назовет ему имя Чиприано, но могу поспорить, что полковник никогда о таком не слышал, а даже если и слышал, то что сможет ему сказать? Даже если полковник что-то ему наговорит, Чиприано слишком

умен, чтобы поверить в дивизию Мурдже, — оперативная группа вроде подразделения Ивана никогда не раскрывает свою истинную сущность. Опять-таки, помимо того, что гордость, скорее всего, помешает полковнику продемонстрировать брешь в своей обороне, ему вполне может хватить коварства, чтобы позволить немцам застичь себя врасплох, — естественно, ему ни к чему, чтобы они потерпели поражение, но вряд ли он будет против, если они понесут серьезные потери. Само собой, он желает уничтожения партизан, но, когда и если это случится, он точно так же пожелает, чтобы немцы убрались из страны. По сути, и те и другие — его естественные враги. И даже если немцы в конечном счете узнают об этих планах — что с того? Менять их слишком поздно, и в любом случае других все равно нет. Никакой альтернативы.

— Вынужден согласиться, — кивнул Харрисон. — Они будут действовать в соответствии с планом. Предупрежден — значит вооружен. Так что вы неплохо поработали этой ночью.

— На самом деле это не важно. Они в любом случае почти наверняка бы узнали. У нас достаточно надежных контактов по всей стране. На территориях, занятых немцами, итальянцами,

четниками и усташами, что составляет большую часть страны, есть благонадежные граждане — или те, кого считают такими немцы, итальянцы, четники и усташи, — которые, радостно сотрудничая с врагом, посылают нам регулярные доклады о последних передвижениях войск противника. Иными словами, они шпионы партизан. Их доклады далеко не полны, но их достаточно, чтобы Тито и его штабу стали понятны намерения врага.

— Полагаю, такое бывает во время любой войны, — сказал Харрисон. — Но я не знал, что у партизан есть шпионы во вражеском лагере.

— У нас они были с самого начала. Иначе бы мы просто не выжили. Прошлой ночью большую часть времени у нас отняло печальное открытие — хотя первые подозрения у нас возникли около десяти недель назад, — что у врага в нашем лагере есть шпионы. Еще печальнее оказался факт, что есть шпионы в штаб-квартире партизан. Теперь можно говорить, что мы были чересчур наивны — нам давно следовало предполагать подобную возможность и принять меры. Хотя, если по справедливости, мы вовсе не были столь самоуверенны — мы лишь исходили из ошибочного предположения, что каждый партизан

является пламенным патриотом. Некоторые, увы, пылают любовью к родине в меньшей степени. Именно это, а не игра в мальчиков на побегушках для генерала фон Лера, занимало Джордже, Алекса и меня в Италии в последние две недели. Дело настолько не терпело отлагательств, что даже у Джордже нашелся повод покинуть свое уютное убежище в Бихаче и на горе Прень. Шпионы в нашем лагере стали главной угрозой для нашей безопасности, и мы пытались раскрыть итальянского связного. В самом наличии итальянского связного не имелось никаких сомнений. Не немецкого, не четников, не усташей — а именно итальянского, поскольку все проблемы нам доставляла итальянская дивизия Мурдже, первоклассные горные войска. Наши партизаны ничем их не хуже, а возможно, даже и лучше, но за последние несколько месяцев сотни их погибли от рук дивизии Мурдже. Не в яростном сражении, но всегда только в отдельных стычках. Патруль, местные передвижения войск, перевозка раненых в предполагаемый безопасный район, разведгруппа в тылу врага — дошло до того, что никто не мог защититься от молниеносного удара спецподразделений Мурдже, которые всегда точно знали, где ударить,

когда ударить и как ударить. Похоже, они даже знали численность и состав партизанских групп, которые намеревались атаковать, даже примерное число самих этих групп. Наши передвижения стали ограниченными, их почти парализовало — а выживание партизанской армии почти исключительно зависит от мобильности, гибкости и дальней разведки. Итальянцы, естественно, заранее получали точную информацию о наших перемещениях, которая могла исходить только от кого-то из окрестностей нашей штаб-квартиры. Все эти секретные сообщения, приводившие к гибели сотен людей, конечно же, не писали на бумаге и не бросали в ближайший почтовый ящик с указанием адреса врага — их передавали по радио.

Петерсен замолчал, будто бы собираясь с мыслями. Его невидящий взгляд блуждал по лицам сидящих за столом. Лорен неестественно побледнела, Зарина крепко переплела пальцы. Петерсен словно ничего не замечал.

— Давайте я пока продолжу, — сказал Джордже. — Петра на этот раз все-таки одолела его прирожденная скромность. Он не мог поверить, что кто-то среди партизан может оказаться изменником. Не мог в это поверить и я. Петр

предложил сверить примерные даты первых сообщений — первых неожиданных атак подразделений Мурдже — со временем прибытия последних новобранцев. В итоге мы обнаружили, что как раз в то время прибыло необычно много бывших четников, — четники постоянно к нам дезертируют, и всех их, или даже часть, практически невозможно досконально проверить. Петр со своими людьми проверили нескольких и обнаружили двоих, имевших доступ к радиопередатчикам дальней связи, спрятанным в лесу на склоне холма. Говорить они не хотели, а пыток мы не применяем. Их расстреляли. С тех пор число неожиданных атак со стороны Мурдже резко упало, но иногда они продолжали происходить. Что, естественно, могло означать лишь одно: предатели еще остались. — Джордже щедро налил себе пива. Было лишь время завтрака, но Джордже утверждал, что у него аллергия на чай и кофе. — И мы втроем отправились в Италию. Почему? Потому что мы офицеры разведки четников — или были такими — и естественным образом сотрудничаем со своими итальянскими коллегами. Почему? Потому что мы были убеждены, что сообщения передаются при посредничестве итальянской разведки. Почему?

Потому что у боевой дивизии нет ни ресурсов, ни возможности, ни организации, ни денег, чтобы провести подобную операцию. А у итальянской разведки все это имеется в изобилии.

— Среди множества «почему», Джордже, — добавил Харрисон, — вставлю и свое: почему деньги?

— Как уже говорил Петр, — печально вздохнул Джордже, — ты не знаком с балканским менталитетом. Собственно, сомневаюсь, что тебе знаком даже всеобщий менталитет. Агентами четников, как и любыми агентами и двойными агентами по всему миру, движут не просто альтруизм, патриотизм или политические убеждения. Маленькие шестеренки в их мозгах могут эффективно работать лишь под воздействием универсальной смазки — денег. Им достаточно хорошо платят и, если говорить бесстрастно, вполне заслуженно — вспомни, что случилось с теми двумя несчастными, которых раскрыл Петр.

Петерсен встал и, подойдя к окну, уставился на пологий склон, уходящий вниз. Казалось, будто он утратил всяческий интерес к беседе.

— В любом случае, — проговорил Харрисон, — ночью вы хорошо поработали.

— Это еще не всё, — сказал Джордже. — Мы

нашли Чиприано.

— Чиприано?

— Его самого. Лорен, дорогая, ты так побледнела! Тебе нехорошо?

— У меня… у меня слегка голова кружится.

— Мараскин, — не колеблясь, заявил Джордже. — Сава! — крикнул он одному из солдат Црни, который тотчас же встал и направился к шкафчику со спиртным. — Да, именно так. Самого достопочтенного майора.

— Но как, во имя всего святого…

— У нас есть свои методы, — самодовольно проговорил Джордже. — И у нас, как уже говорил Петр, есть повсюду наши надежные граждане. Кстати, можете теперь забыть обо всем, что Петр рассказывал вам… спасибо, мой мальчик, налей даме… рассказывал вам про Чиприано и его работу рука об руку с партизанами. Боюсь, Петр жестоко оклеветал беднягу, но в тот момент он счел благоразумным перевести любые подозрения, которые могли быть у майоров Метровича и Ранковича, с себя на отсутствующего человека. А Чиприано как раз весьма удобно отсутствовал. Наш Петр весьма убедительный актер, не так ли?

— Он весьма убедительный лжец, — заявила

Зарина.

— Ай-ай, опять уязвленная гордость! Мы злимся лишь потому, что он заодно одурачил и нас? Так или иначе, Чиприано сейчас в Имотски — наверняка заперся с командиром бригады Мурдже и замышляет новые дьявольские планы против наших несчастных партизан. Вряд ли мне стоит что-либо объяснять. Помните, что говорил Петр на горе Прень насчет того, что он хочет добраться до связного, потому что тот оказывает содействие партизанам? На самом деле он имел в виду, что хочет добраться до связного именно потому, что этот связной — смертельный враг партизан. Но разве он мог сказать это открыто в присутствии Метровича и Ранковича? Ну же, дети мои, вы меня разочаровываете. У вас была в распоряжении целая ночь, чтобы додуматься до чего-то столь простого и очевидного. — Джордже зевнул, прикрыв рот массивной ладонью. — Прошу прощения. Теперь, когда я позавтракал и ко мне вернулось прежнее душевное спокойствие, я намерен удалиться на покой и слегка отдохнуть часика два или три. В путь двинемся не раньше второй половины дня. Мы ждем срочного сообщения из Бихача, но, чтобы собрать и свести воедино нужную информацию, потребуется

некоторое время. А пока… Какие у вас планы на утро? — Джордже повысил голос. — Петр, все ведь вольны уходить и возвращаться, когда захотят?

— Конечно.

— Предлагаю надеть всем пальто, — улыбнулся капитан Црни, — и я покажу вам наш маленький городок. Достопримечательностей тут немного, так что прогулка будет короткой и вряд ли кого-нибудь утомит. Помимо того, что сейчас погожее утро, я знаю, где можно попробовать лучший в Боснии кофе. Намного лучше, чем та чудовищная бурда, которую мы только что пили.

— То есть с нас все равно глаз не будут спускать? — спросила Зарина.

— Я с радостью не спускал бы глаз ни с вас, ни с госпожи Чемберлен, — галантно поклонился капитан Црни. — Если, однако, вы желаете пойти сами и доложить ближайшему итальянскому командному посту, что мы партизаны и у нас есть планы на некоего майора итальянской разведки, — пожалуйста. Настолько мы вам доверяем, госпожа фон Караян.

— Простите, — Зарина порывисто схватила его за руку, — но сейчас я скажу ужасную вещь. Стоило мне провести в этой стране два или три дня, как я обнаружила, что не доверяю никому,

даже самой себе. — Она улыбнулась. — К тому же вы единственный, кто знает, где расположена кофейня.

Вскоре они ушли — без Джакомо, который решил остаться.

— Она действительно никому не доверяет, — устало обронил Петерсен. — Бог свидетель, я ее не виню. Джордже, я лицемерный лжец. Даже когда молчу, я лицемерный лжец.

— Петр, понимаю, о чем ты. Иногда к моей совести прибивается крошечный голосок — одному богу известно, как он вообще ее отыскивает, мою совесть, — и заявляет то же самое. Что ж, даже труба, зовущая в бой, порой выдает хрип… Сава!

— Да, господин генерал?

— Ступай к окну и наблюдай за дорогой. Если они вернутся, позови меня. Я буду наверху. Скажу тебе, когда можно будет оставить пост. Вряд ли это займет больше нескольких минут.

После обеда Петерсен, свежий и отдохнувший после четырехчасового сна, подошел к Лорен, сидевшей вместе с Зариной у окна.

— Лорен, ты только не волнуйся — для этого нет никаких причин. Мы с Джордже хотели бы с тобой поговорить.

— Так я и знала. — Она закусила губу. — Мож-

но… можно Зарине пойти со мной?

— Само собой. — Петерсен взглянул на Зарину. — Если, конечно, ты не станешь охать, ахать, называть всех чудовищами и сжимать кулаки. Обещаешь?

— Обещаю.

Петерсен проводил их в комнату наверху, где уже сидел Джордже. На столе перед ним стояла большая кружка, а рядом на полу — ящик с пивом — вероятно, на неординарный случай.

— Джордже? — спросил Петерсен.

— Даже жажду не дадут утолить, — вздохнув и покачав головой, сказал Джордже.

— Я думал, ты в полной мере утолил ее за обедом.

— Это послеобеденное пиво, — с достоинством проговорил Джордже. — Продолжай, пожалуйста.

— Все будет быстро и безболезненно, — сказал Петерсен Лорен. — Я не дантист, а тебе незачем лгать. Как ты, похоже, уже догадалась, нам все известно. Могу обещать, и Джордже подтвердит, что тебя не ждет ни возмездие, ни наказание. Ты жертва, а не преступник, и действовала под принуждением. К тому же ты даже не понимала, что делала. Все передачи шли не только закодиро-

ванными, но на сербохорватском, а ты совсем его не знаешь. Слово Джордже обладает огромным весом на любом военном совете, а в случаях, аналогичных нынешнему, достаточно лишь одного его мнения, хотя меня тоже иногда слушают. Ни тебе, ни Карлосу, ни Марио ничего не будет.

Лорен кивнула, сохраняя почти полное спокойствие:

— Вы, конечно, знаете про нашего сына?

— Да. Когда его похитили?

— Полгода назад.

— И ты понятия не имеешь, где его держат?

— Нет. Ну… так, примерно. — От ее сдержанности не осталось и следа. — Знаю, что где-то в Югославии. Майор Чиприано хотел вывезти его из Италии. Не знаю зачем.

— Могу понять. Есть кое-какие вещи, которые даже Чиприано не может делать в Италии. Откуда ты знаешь, что мальчик здесь?

— Карлосу дважды позволили увидеться с сыном, после того как я сказала, что не стану больше на них работать, потому что уверена: его уже нет в живых. Но я не знаю, где он.

— Ясно. Это не важно.

— Не важно? — К ее глазам подступили слезы.

Джордже вынул изо рта свою вонючую сигару:

— Петр имеет в виду, что Чиприано ему все расскажет.

— Чиприано… — Лорен кивнула и невольно вздрогнула.

— Лорен, у нас твои кодовые блокноты. Мы обыскали твою комнату, пока тебя не было сегодня утром.

— Обыскали ее комнату? — с негодованием переспросила Зарина. — По какому праву…

Петерсен встал и открыл дверь:

— Попрошу выйти.

— Извините, я забыла. Я…

— Ты обещала.

— Вы что, никому никогда не даете второго шанса?

Не ответив, Петерсен закрыл дверь и сел опять.

— Двойное дно в сумке для вещей — какой-то чудовищный пережиток прошлого, — сказал он. — Но с другой стороны, вряд ли ты или Чиприано когда-либо думали, что подозрение падет на тебя. В твоем блокноте нет имен, но нам они не нужны. Есть кодовые числа, позывные и расписание связи. Мы их быстро поймаем.

— А потом?

Джордже снова вынул изо рта сигару:

— Не задавай дурацких вопросов.

— Скажи, Лорен, ты ведь понятия не имела, почему тебя послали на гору Прень? Да, ты знала, что́ тебе предстоит делать, но не знала зачем. Что ж, Чиприано было известно, что ты знаешь Джейми Харрисона и он полностью тебе доверяет — как-никак ты была его доверенной секретаршей, — поэтому он никогда не стал бы тебя подозревать в двойной игре, в том, что ты станешь передавать сообщения от наших заклятых друзей-четников в Бихаче майору Чиприано в Рим или куда-то еще, и тот в свою очередь мог бы затем переслать их дивизии Мурдже. Но настоящая причина, понятное дело, в том, что мы уничтожили два единственных имевшихся у них передатчика дальней связи, а аппаратура малой мощности позволяла связываться с Римом лишь время от времени. Но до Бихача от горы Прень всего двести километров, и для этого хватает возможностей любого передатчика. — Петерсен, задумавшись, молчал какое-то время, затем продолжил: — Вот в общем и всё. Нет, еще одно. — Он улыбнулся. — Да. Еще одно. Чисто личное. Где ты впервые познакомилась с Карлосом?

— На острове Уайт, где я родилась. Он ходил на яхте в Каусе.

— Ну да, конечно. Он говорил мне, что часто ходил там под парусом до войны. Что ж, надеюсь, вы оба снова будете там плавать, когда война закончится.

— С Карлосом… все будет хорошо, майор Петерсен?

— Если ты можешь называть генерал-майора Джордже, то и к майору можно обращаться по имени. Почему бы и нет? Он чист. По итальянским законам, как военным, так и гражданским, он не совершал никаких преступлений и не соучаствовал в них. Если повезет, возможно, мы увидимся с ним завтра ближе к вечеру.

— Что? Карлос? — Лорен изменилась в лице.

Петерсен взглянул на Зарину:

— Да, ты была права. Вне всякого сомнения. — Он не стал объяснять, в чем именно Зарина была права. — Совершенно верно. Карлос. Пока что он ни с кем не сотрудничал, но завтра ему это предстоит.

Похоже, Лорен его не услышала, а если даже и так, то мысли ее были заняты другим.

— Он все еще в Плоче?

— Да.

— И не вернулся в Италию?

— Увы, нет. Какой-то недовольный гражданин

подсыпал ему сахара в дизельное топливо.

Лорен долго смотрела на него, затем улыбнулась:

— Не один ли это из тех благонадежных граждан, про которых вы говорили?

Петерсен улыбнулся в ответ:

— За действия благонадежных граждан я не отвечаю.

Внизу лестницы Зарина схватила Петерсена за руку, на мгновение его задержав.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо огромное. Вы были так добры.

Он удивленно посмотрел на нее:

— А чего ты еще от меня ожидала?

— Думаю, ничего. Но все было просто чудесно. Особенно насчет Карлоса.

— Сегодня я не людоед? Не чудовище? — (Зарина улыбнулась и помотала головой.) — А завтра? Когда мне придется выяснять, где малыш? Понимаешь, о чем я?

Она перестала улыбаться. Петерсен грустно покачал головой:

— Souvent femme varie, bien fol est qui s'y fie.

— И что это значит?

— Услышал от Джордже. Надпись, которую король Франциск Первый нацарапал алмазом

на оконном стекле в Шамборе. «Женщина часто изменчива, и глуп тот, кто ей доверяет».

Зарина фыркнула, но снова улыбнулась.

Ближе к вечеру Петерсен и Црни вошли в гостиную, неся несколько пистолетов-пулеметов и револьверы.

— Снаряжение на замену. Иван забрал наше, так что вполне справедливо, что он должен снабдить нас новым. Мы скоро выезжаем. Иван, Эдвард и Сава поедут с нами. — Он взглянул на часы. — Скажем, минут через двадцать? Мне бы хотелось преодолеть самый неприятный участок ущелья Неретвы при свете дня, но прибыть на место, только когда стемнеет, по понятным причинам.

— Что-то меня это не слишком радует, — заметила Зарина.

— Не бойся. За рулем буду не я, а Сава. На гражданке он был водителем грузовика.

— Куда едем? — спросил Харрисон.

— Ах да, я забыл. Ты его не знаешь, Джейми, но он старый наш друг. К Йосипу Пияде, владельцу отеля «Эдем» в Мостаре.

— Вполне благонадежный человек, — добавила Лорен.

— Более чем благонадежный. С чего у тебя вдруг

стал такой мечтательный взгляд, Джордже? О чем задумался?

— Об оленине.

Глава 9

Действительно, подали оленину. Йосип и Мария превзошли себя, добившись почти невозможного: оленина на этот раз оказалась даже вкуснее. Джордже тоже себя превзошел, но невозможного добиться не смог — уже на половине третьей громадной порции ему пришлось признать поражение. В отличие от прошлого раза, непрошеные гости не нарушили ничей сон. Завтрак был поздним и неспешным.

— Жаль, что вас не было на чертовой горе Прень два последних месяца, — сказал Йосипу Харрисон, после того как они поели. — Но ожидание того стоило. Я был бы рад, если бы кто-нибудь назначил меня сюда на продолжительный срок. — Он повернулся к Петерсену. — Нам позволено будет узнать о наших… вернее, твоих планах на сегодня?

— Конечно. Главным образом, хотя и не полностью, они касаются человека по имени Чиприано. Я намерен его задержать и допросить. Вопрос Бихача, по сути, можно считать закрытым. Как тебе известно, вчера не удалось с ним связаться,

но нам с Иваном повезло больше после полуночи — прием ночью, как ты знаешь, всегда качественнее. Нашлось целых шестнадцать подозреваемых из числа перешедших на сторону партизан четников, но на самом деле вряд ли их больше двух, ну от силы трое. Мы пошлем закодированное сообщение в определенное время на определенной волне, а на той стороне проследят, кто из шестнадцати будет в это время отсутствовать. Арестовывать его, понятно, не станут, пока в ту же ловушку не угодят остальные. Обычная рутина. Даже не о чем говорить.

Всем было очевидно, что эти слова равносильны смертному приговору, — похоже, за исключением самого Петерсена.

— Чиприано все еще в Имотски? — спросил Джакомо.

— Да. У нас там два человека, которые круглые сутки не спускают с него глаз. Мы поддерживаем с ними связь. В последний раз я с ними разговаривал час назад. Чиприано бодр и активен, но непохоже, что он куда-то собирается. Его сопровождает небольшая свита. — Петерсен взглянул на Алекса. — Возможно, тебе будет интересно услышать описание одного из них.

— Алессандро? — с надеждой спросил Алекс.

— Он самый.

— Ага. — Лицо Алекса на мгновение обрело выражение, напоминающее след радостной улыбки.

— А также, в чем я практически уверен по описанию, трое его подручных. Похоже, Карлос все-таки отыскал где-то ацетиленовый резак. Понятно, что мы не знаем, куда полетит наша птичка — из Имотски можно выехать по нескольким дорогам, — но нам сразу же об этом сообщат. Он мог бы, конечно, вернуться в Плоче и отправиться домой вместе с Карлосом — если топливопроводы дизеля «Коломбо» уже прочистили, — только это мне кажется маловероятным. Думаю, он отправится на военный аэродром за окраиной города, а оттуда уже махнет в Рим. Мы с Иваном сейчас едем в аэропорт, чтобы проверить.

— Что проверить? — спросил Харрисон.

— Стоит ли там для него воздушный транспорт.

— Разве аэродром не охраняется?

— Мы — два итальянских офицера. Я только что повысил себя до полковника и, вероятно, буду там самым старшим по званию. Мы просто придем и спросим.

— В том нет нужды, Петр, — сказал Йосип Пияде. — Мой двоюродный брат, у которого гараж рядом с аэропортом, работает там на полставки инженером-ремонтником. Не с самолетами, к сожалению, а в мастерских, иначе в итальянских военно-воздушных силах происходили бы загадочные катастрофы. Мне достаточно ему позвонить.

— Спасибо, Йосип.

Йосип вышел.

— Еще один благонадежный гражданин? — спросила Лорен.

— В Югославии их полно.

Йосип вернулся через пару минут.

— Там стоит наготове итальянский самолет. И он зарезервирован для майора Чиприано.

— Спасибо. — Петерсен кивнул в сторону маленькой рации на столе. — Это я заберу с собой. Свяжись со мной, если услышишь что-то из Имотски. В том, по какой дороге поедет Чиприано, сомнений практически не остается, так что мы с Иваном выберем место для засады. Можно нам взять твою машину, Йосип?

— Берите, и меня тоже. Я знаю отличное место.

— Нам можно пойти в город? — спросила Зарина.

— Думаю, да. До вечера вы мне все равно не понадобитесь. Единственное, что вам грозит, — излишнее внимание со стороны распутной итальянской солдатни. — Петерсен посмотрел на Джакомо. — Мне было бы спокойнее, если бы ты пошел с ними.

— Не такая уж великая жертва, — сказал Джакомо.

— Нам что, требуется защита? — улыбнулась Зарина.

— Только от распутной солдатни.

Сообщение пришло, как и следовало ожидать, во время обеда.

— Они только что выехали, — сказала вошедшая Мария. — Направляются в сторону Посушья.

— Дорога на Мостар. Прошу нас извинить. — Петерсен встал, за ним Алекс, Црни и Эдвард.

— Я с радостью поехал бы с вами, — вздохнул Джордже, — но всем известно, что я не человек действия.

— Он имеет в виду, — холодно сказал Петерсен, — что еще не разработал как следует челюсти и едва притронулся к первому литру пива.

— Вы ведь не станете чересчур рисковать? — спросила Зарина.

Петерсен улыбнулся:

— Ты с нами, Джакомо?

— Ни в коем разе. Бар открыт для всех, так что в любой момент может заявиться распутная солдатня.

— Вот тебе и ответ на вопрос насчет «рисковать», Зарина. Если бы Джакомо считал, что есть пусть малейший шанс подстрелить хотя бы одного итальянца, он первым бы полез в грузовик. Он знает, что такой надежды нет. Но все равно спасибо.

Алекс с белым платком в руке стоял на небольшом холмике посреди поросшего густой травой пастбища напротив обсаженной деревьями дороги, которая вела от шоссе Листица — Мостар. Петерсен сидел на самой дороге, в кабине итальянского армейского грузовика с работающим двигателем, припаркованного в метре от выезда на шоссе.

Алекс держал платок высоко над головой. Петерсен включил первую передачу и продолжал ждать, нажав сцепление и наполовину вдавив педаль газа. Алекс резко опустил платок, и грузовик на полной скорости рванул вперед. Три секунды спустя Петерсен ударил по тормозам, перегородив машиной шоссе поперек.

У итальянского военного автомобиля, который,

к счастью для находившихся в нем, ехал с умеренной скоростью, не было никаких шансов. Уже давя на тормоза, водитель наверняка понял, что выбор его ограничен: либо продолжать двигаться по шоссе и врезаться в борт грузовика, либо свернуть вправо, в поле, где поджидал Алекс, поскольку слева сплошной стеной тянулись деревья, — и благоразумно предпочел второй вариант. Шины завизжали по асфальту, машина пробила низкую деревянную изгородь, вылетела в поле, балансируя на двух колесах, постояла так пару секунд, а затем завалилась на левый борт, продолжая медленно вращать колесами в воздухе.

Несколько секунд спустя стекла с правой стороны машины разлетелись вдребезги под ударами прикладов, но в спешке не было нужды — все пятеро внутри, нисколько не пострадавшие, не считая порезов на лицах, были слишком ошеломлены, чтобы осознать присутствие рядом напавших, не говоря уже о том, чтобы оказать сопротивление. А когда они наконец начали что-то понимать, хватило одного вида четырех стволов в нескольких сантиметрах от их голов, чтобы мысль о сопротивлении стала слишком нелепой.

Вернувшись в отель, Петерсен и Црни обна-

ружили Джордже и остальных, как и следовало ожидать, в баре. Джордже восседал за стойкой, чего также вполне следовало ожидать.

— Приветствую, господа. — Джордже пребывал в самом дружеском расположении духа.

— Вы уже пообедали? — спросил Петерсен.

— И обед был не так уж плох. Совсем неплох. Что будешь? Пиво?

— Можно и пиво.

— Вы что, не собираетесь расспросить его, как дела? — возмущенно спросила Зарина.

— Ах… Алекс и Эдвард пали смертью храбрых? — поинтересовался Джордже.

— Они в грузовике, а грузовик на парковке.

— Это мне нравится. Какая забота… Сделать все, чтобы пленники не могли причинить себе вреда. Когда собираешься доставить их к нам?

— Когда стемнеет. Как-то не хочется посреди бела дня вести их по улицам связанными и с кляпами во рту, верно?

— Верно. — Джордже зевнул и сполз с табурета. — Сиеста.

— Знаю, — сочувственно сказал Петерсен. — Все время крутишься как белка в колесе. Выматывает.

Джордже в гордом молчании удалился.

— Похоже, он точно не беспокоится по пустякам, — заметила Зарина.

— Он отложил свою сиесту. А это значит, что он беспокоится и всерьез.

— То есть вы поймали майора Чиприано. Что скажешь, Лорен?

— Полагаю, мне следует рыдать от счастья. Я рада, ужасно рада. Но я знала, что до него доберутся. Нисколько в этом не сомневалась. А ты?

— Нет. И это крайне раздражает.

— Souvent femme varie, — с грустью проговорил Петерсен. — Йосип, не мог бы ты послать кого-нибудь привезти багаж пленников и отнести его наверх? Хотя нет, не наверх — я могу досмотреть его прямо здесь. — Он повернулся к Зарине. — А ты молчи.

— Я и так молчу.

— Ты собиралась мне сказать, что у меня отлично получается кое-что еще. В смысле, досмотр чужого багажа.

Как только достаточно стемнело, пятерых пленников доставили через служебный вход. Двери отеля заперли. Чиприано, Алессандро и трех остальных усадили на стулья и вынули из их ртов кляпы, оставив руки связанными за спиной. С обычно спокойным и уравновешенным майором

Чиприано произошла радикальная перемена. Глаза его яростно пылали, лицо исказилось в гневной гримасе.

— Что значит этот грубый произвол, Петерсен? Вы с ума сошли? Совсем помешались? Развяжите меня немедленно! Я офицер, итальянский офицер, офицер союзной армии!

— Ты убийца. Твое звание и гражданство не имеют значения, поскольку ты повинен в смерти множества людей.

— Развяжите меня! Вы сошли с ума! Господи, Петерсен, это последнее, на что я…

— Тебе не приходило в голову, что ты, возможно, уже совершил последний в своей жизни поступок?

Чиприано уставился на Петерсена, ничего не понимая. Внезапно он впервые за все время заметил Йосипа.

— Пияде! Пияде! Вы… вы соучастник этого чудовищного произвола?! — Чиприано, почти ничего не соображая, тщетно сражался с путами. — Богом клянусь, Пияде, вы заплатите за это предательство!

— Предательство? — невесело усмехнулся Петерсен. — Что ж, говори о предательстве, Чиприано, пока можешь, поскольку именно за

предательство ты и умрешь. Пияде заплатит? Каким образом, Чиприано? — негромко продолжал он. — Будешь вечно проклинать его со дна преисподней, где наверняка окажешься еще до полуночи?

— Да вы все с ума посходили, — прошептал Чиприано. Гневное выражение исчезло с его лица, он вдруг понял, что ему грозит смертельная опасность.

— По твоей вине погибли сотни моих товарищей, — столь же мягко продолжал Петерсен.

— Вы с ума сошли! — Он почти сорвался на крик. — Иначе и быть не может. Я за всю жизнь ни одного четника пальцем не тронул!

— Я не четник. Я партизан.

— Партизан? — Чиприано вновь перешел на хриплый шепот. — Партизан! Полковник Лунц подозревал… мне следовало послушать… — Он замолчал, затем сказал уже громче: — Я в жизни не причинил вреда ни одному партизану.

— Зайди, — позвал Петерсен.

Вошла Лорен.

— Чиприано, ты все еще отрицаешь, что именно ты повинен в смерти сотен моих товарищей-партизан? Лорен мне всё рассказала. Всё. — Он достал из кармана маленькую черную книжицу. — Это

кодовый блокнот Лорен. С твоим почерком. А может, ты не узнаёшь собственный почерк, Чиприано? Вряд ли ты когда-нибудь думал, что сам подпишешь себе смертный приговор. Я вижу в этом иронию судьбы. Надеюсь, и ты тоже. Но никакая ирония не вернет к жизни те сотни людей. Пусть даже твои последние шпионы будут пойманы и казнены до конца недели, те люди все равно останутся мертвыми, Чиприано. Где маленький мальчик, сын Лорен? Где Марио, Чиприано?

Чиприано издал гортанный хрип и попытался встать. Джакомо взглянул на Петерсена и, верно интерпретировав его кивок, с явным удовольствием врезал Чиприано с размаху в солнечное сплетение. Чиприано осел на стуле, судорожно булькая горлом.

— Джордже? — произнес Петерсен.

Джордже вышел из-за стойки, держа в руках два куска веревки. Бросив один на пол, он надежно привязал другим Чиприано к стулу. Затем подобрал вторую веревку, уже завязанную петлей, и набросил ее на грудь Алессандро, прежде чем тот успел понять, что происходит. Несколько секунд спустя он был связан, будто рождественская индейка.

— Чиприано ничего не скажет, потому что зна-

ет, что в любом случае умрет. Но ты ведь скажешь мне, где малыш, Алессандро?

Алессандро сплюнул на пол.

— О господи! — вздохнул Петерсен. — До чего же тяжело избавляться от омерзительных привычек. — Он достал из-за стойки металлическую коробочку со шприцами и ампулами, которую забрал у Алессандро на «Коломбо». — Алекс!

Вытащив острый как бритва нож, Алекс разрезал левый рукав Алессандро от плеча до связывавших его на уровне локтя веревок.

— Нет! — Алессандро издал полный неподдельного ужаса вопль. — Нет! Нет! Нет!

Чиприано наклонился вперед, пытаясь освободиться из пут, лицо его побагровело. Он попытался что-то прохрипеть, но Джакомо снова его ударил, заставив замолкнуть.

— Боюсь, я его немного порезал, — извиняющимся тоном произнес Алекс.

На руке Алессандро на самом деле была довольно глубокая рана.

— Не важно. — Петерсен взял шприц и будто бы наугад выбрал ампулу. — Зато не будет проблем с поиском вены.

— В Плоче! — сдавленно прошептал Алессандро. Дыхание его становилось чаще с каждой

секундой. — В Плоче. Я могу вас туда проводить! Фра Спалато, восемнадцать! Клянусь! Я могу вас туда проводить!

Петерсен убрал шприц с ампулами и закрыл крышку.

— Боюсь, — сказал он, обращаясь к девушкам, — Алессандро не отличается психологической устойчивостью. Я ведь даже пальцем его не тронул?

Девушки уставились на него, затем переглянулись и, будто по некоему телепатическому сигналу, одновременно вздрогнули.

Когда Алессандро перебинтовали руку, а Чиприано пришел в себя, начали собираться в путь. Увидев подходящего к нему Алекса с кляпом в руке, Чиприано бросил на Петерсена невидящий взгляд.

— Почему бы вам не убить меня прямо здесь? Сложно избавиться от трупа? Зато в Адриатике никаких проблем. Камень на шею — и с концами.

— Никто не собирается от тебя избавляться, Чиприано. Во всяком случае, навсегда. Мы не собирались тебя убивать. Я знал, что Алессандро расколется, но мне не хотелось тратить впустую время. Будучи в каком-то смысле прагматиком,

наш Алессандро не собирался жертвовать жизнью ради того, кого он уже считал мертвецом. У нас есть все моральные оправдания, чтобы тебя убить, но нет законных оснований. Шпионов расстреливают постоянно, но их начальство — никогда. Так гласит Женевская конвенция. Да, это выглядит несправедливым. Чиприано, ты окажешься за решеткой. Как военнопленный, пока не закончится война. Британская разведка с удовольствием будет готова с тобой побеседовать.

Чиприано молчал, и его вполне можно было понять. Когда приговор откладывается за мгновение до того, как опустится гильотина, трудно найти подходящий комментарий.

Пока Чиприано закрепляли кляп, Петерсен повернулся к своей двоюродной сестре.

— Мария, хотел бы попросить тебя об услуге. Не присмотришь пару дней за малышом?

— Марио? — спросила Лорен. — Вы про Марио?

— Какого же еще малыша я мог иметь в виду? Так ка́к, Мария?

— Петр! — ответила она с укоризной.

— Ну… должен же я был спросить? — Он поцеловал ее в щеку. — Хоть ты и проклятие моей жизни, но я тебя люблю.

— Значит, снова расстаемся, — грустно прого-

ворил Йосип. — Когда опять увидимся?

— За ужином. Джордже вернется за остатками оленины, которые не смог прикончить вчера. И я тоже.

Эдвард остановил грузовик в нескольких сотнях метров от входа на причалы. Алекс и Сава спрыгнули с заднего борта. За ними последовал Алессандро, на этот раз без пут и без кляпа, — они были на главной улице, в окружении большого числа людей. Все трое без особой спешки свернули в неосвещенный переулок.

— Стоит ждать каких-нибудь проблем у ворот? — спросил сидевший впереди вместе с Петерсеном Црни.

— Не больше, чем обычно. В охранниках старики, ни на что не годные и ни в чем особо не заинтересованные, зато всегда готовые выслужиться перед высокомерными и раздражительными представителями власти. То есть нами.

— Разбитую машину Чиприано наверняка уже нашли. Да и в аэропорту, скорее всего, удивляются, куда он подевался.

— Если на машину наткнулся кто-то из югославов, то он наверняка лишь обрадовался и проехал мимо, не останавливаясь. Не знаю, ждут ли его в аэропорту — Чиприано, похоже, достаточно

непредсказуем и поступает, как ему вздумается. Даже если его в самом деле сочли пропавшим без вести, где его собираются искать? Маловероятно, что именно в Плоче, как, впрочем, и где-либо еще.

Как и предполагалось, часовой даже не снизошел до того, чтобы выйти из своей будки. Пристань за воротами была безлюдна — рабочий день закончился, а минусовая температура не располагала к вечернему променаду. Тем не менее Петерсен велел Эдварду остановиться в двухстах метрах от причала, где стоял «Коломбо», вышел из кабины, обошел грузовик сзади, позвал Лорен и помог ей сойти.

— Видишь те огни? Это «Коломбо». Иди и скажи Карлосу, чтобы погасил два фонаря у трапа.

— Да, — ответила она. — Да-да!

Она бросилась бежать, но Петерсен ее остановил:

— Спокойнее, сумасшедшая. В Плоче никто не бегает.

Три минуты спустя огни у трапа погасли. Еще через две минуты пленники поднялись по неосвещенному трапу, и грузовик исчез, после чего огни у трапа вспыхнули снова.

Карлос сидел в своем обычном кресле у себя в

кают, ошеломленно, хотя и с пониманием, глядя на Петерсена. Лорен крепко сжимала обеими руками его левую ладонь.

— Давай разберемся, правильно ли я все понял, или это лишь игра моего воображения, — сказал Карлос. — Ты намерен посадить под замок мою команду вместе со мной, сбежать с Лорен и Марио, запереть на корабле Чиприано с его людьми и похитить «Коломбо»?

— Даже я не сумел бы изложить более сжато. Конечно, не считая того, что я не стал бы употреблять слово «сбежать». Естественно, лишь с твоего согласия. Решать исключительно тебе. И Лорен. Но думаю, Лорен уже все решила.

— Да, решила, — не колеблясь, подтвердила она.

— Меня уволят с флота, — угрюмо проговорил Карлос. — Нет, хуже — меня отдадут под трибунал и расстреляют.

— Ничего с тобой не случится. Ни малейшего шанса. Мы с Джордже все предусмотрели.

— Моя команда начнет говорить, и…

— Говорить? О чем говорить? Они сидят в каюткомпании, и к их головам приставлены стволы. Если тебе к голове приставить ствол, у тебя возникнут какие-либо сомнения в том, что твой

корабль захвачен силой?

— Чиприано…

— Что — Чиприано? Даже если он останется жив, что, увы, вполне вероятно, ведь британцы не расстреливают пленных, он ничего не сможет сделать. Версию, которую изложите ты и твоя команда — и которая станет официальной, — никто не сумеет опровергнуть. И он не осмелится предъявить обвинения лично тебе — к тому времени, когда наступит мир, ты сможешь призвать в свидетели нескольких надежных и уважаемых граждан Югославии, которые подтвердят, что Чиприано похитил твоего сына. В Италии похищение детей наказывается пожизненным заключением.

— Да хватит тебе, Карлос, — раздраженно бросила Лорен. — Решайся. Другого выхода нет. — Она мягко взяла его за подбородок и посмотрела в глаза. — Мы вернем Марио.

— Ты права, — улыбнулся он. — И это все, что для тебя важно?

— Не все, — улыбнулась она в ответ. — У меня есть ты, и это тоже кое-что значит. Но выбора у нас нет. Петр не хочет убивать Чиприано, а если Чиприано окажется на свободе, нам конец. Его нужно посадить под надежный замок, то есть

отдать в руки британцев, а единственный способ его туда доставить — на этом корабле. Петр не ошибается.

— Поправка, — любезно вставила Зарина. — Петр никогда не ошибается.

— Souvent femme varie, — вставил Петерсен.

— Ох, да замолчите вы!

— Если меня запрут вместе с командой, — спросил Карлос, — то когда освободят?

— Завтра. По анонимному телефонному звонку.

— А Лорен и Марио останутся с твоими друзьями?

— Всего на несколько дней. Пока мы не снабдим их новыми документами. Джордже — близкий друг лучшего мастера подделок на всех Балканах. У нас возникла мысль оформить их на имя Лорен Тремино. Вряд ли в эти беспокойные времена у вас будут сложности с легализацией долговременных семейных отношений. Как насчет свидетельства о браке, Джордже?

Джордже опустил кружку.

— Для моего друга это пара пустяков. Место заключения брака? Рим? Пескара? Каус? Где угодно. Посмотрим, какие есть бланки…

Открылась дверь, и вошел Алекс, за ним Сава.

Алекс вел за руку маленького кудрявого мальчика. Удивленно оглядевшись вокруг, малыш увидел Карлоса, протянул руки вперед и бросился к нему. Карлос подхватил его и усадил себе на колени. Марио обнял Карлоса за шею, с любопытством уставившись на Лорен.

— Он всего лишь маленький мальчик, — успокаивающе сказал Джордже. — Для такого малыша, Лорен, полгода — немалый срок. Он вспомнит.

Харрисон откашлялся:

— А мне предстоит отправиться с Джакомо в опасное путешествие на встречу с вечностью?

— Решать тебе, Джейми, но Джакомо в любом случае нужен кто-то. К тому же ты не хуже меня знаешь, что Иллирийские Альпы — не твоя родина и больше ты не можешь принести тут никакой пользы. Что важнее, как действующий британский офицер ты сможешь полностью подтвердить слова Джакомо, не говоря уже о том, чтобы убедить британцев в истинном положении дел на Балканах, которое столь тебя возмущает.

— Поеду, — сказал Харрисон. — С кривой улыбкой на устах, но поеду.

— Улыбка твоя сразу же распрямится, когда навстречу вам выйдет быстроходный патрульный

катер королевского флота. Мы сообщим по радио в Каир. У меня нет их позывного, но у тебя ведь он есть, Зарина?

— Да.

— В качестве дополнительной гарантии мы дадим тебе письмо с полным объяснением ситуации. У тебя есть пишущая машинка, Карлос?

— В соседней каюте.

Карлос передал Марио Лорен. Малыш не возражал, хотя все так же подозрительно хмурился.

— Письмо будет подписано генерал-майором и мной. Умеешь печатать, Зарина?

— Конечно.

— Можно подумать, это самое естественное умение в мире. Я вот не умею. Что ж, радуйся, что нашла брешь в моей броне. Ладно, к делу.

— Не хотелось бы этого говорить, Петр, — сказал Карлос, — но, думаю, ты кое-что упустил. Как я понимаю, встреча должна состояться где-то на юге Италии? Путь весьма неблизкий.

— Ты же прочистил свой дизель? И заполнил топливные баки?

— Да, но суть не в этом. Я более чем уверен, что Джакомо сумеет править по солнцу и компасу, но нужны точные координаты. Широта такая-то, долгота такая-то.

— Верно. Но есть кое-что, чего ты не знаешь о Джакомо.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся Карлос. — Что именно?

— У тебя есть лицензия моряка дальнего плавания?

— Нет. — Карлос снова улыбнулся. — Можешь не говорить. У Джакомо она есть.

— Тебе ведь понравился Каир? — спросил Петерсен в соседней тесноватой каюте.

— Да, — озадаченно посмотрела на Петерсена Зарина. — А что?

— Юные аристократки вроде тебя не созданы для жизни в холоде, льдах, снегах и горах. К тому же ты страдаешь страхом высоты.

— Я останусь с вами, — не терпящим возражений тоном заявила она.

Петерсен пристально посмотрел на нее и улыбнулся:

— Да ты настоящий партизан.

— Я останусь с вами, — повторила она.

— Как и Михаэль.

— Нет, я в другом смысле.

— Если уж пошли подобные разговоры, — задумчиво сказал Петерсен, — мне стоило бы…

— Вы так много говорите, что мне пришлось бы

ждать целую вечность.

Снова улыбнувшись, он коснулся ее каштановых волос:

— Насчет того письма…

— Романтика, — мечтательно произнесла Зарина. — Сколько же теперь ее будет в жизни…

— Похоже, ты кое-что упустил, Петр, — заметил Харрисон.

— Петр никогда ничего не упускает.

Петерсен взглянул на Зарину и возвел глаза к небу:

— Souvent…

— Прошу вас…

— Нас будет только двое, я и Джакомо, — сказал Харрисон. — Нам иногда нужно спать. Под нашим надзором пятеро жутко опасных типов. Как нам…

— Алекс?

— Да, майор?

— Машинное отделение.

— Ага! — На губах Алекса мелькнула едва заметная улыбка, что с ним бывало крайне редко. — Сварочный аппарат?